

НОАМ ХОМСКИЙ
ПРИБЫЛЬ НА ЛЮДЯХ

Ноам Хомский, лингвист по образованию, сделал крупнейший вклад в науку как по своей специальности, так и в области политической публицистики. В промежутке между 1980 и 1992 гг **Хомский** был самым цитируемым из живущих ныне учёных, а "Нью-Йорк таймс" писала о нём, как о «самом важным из живущих сегодня интеллектуалов». **Ноам** позиционирует себя как сторонник *либертарного социализма*, а ряд его работ посвящён критике капитализма и государства.

Книгу "**Прибыль на людях**" нельзя назвать легким чтением. Это сборник научных статей и лекций, в которых автор на основе анализа экономической и политической ситуации в конце XX века критикует неолиберализм и глобальный мировой порядок.

Хомский подробно рассказывает о лицемерии властных элит, прикрывающих либеральными идеями свободного рынка эксплуатацию населения, давление на развивающиеся страны и союз между крупным капиталом и государством. Ведущее положение в глобальной экономической системе автор отводит США, отстаивающим интересы олигархических групп, "*главных архитекторов политики*", путем военных вторжений, экономической экспансии и подрывной работы спецслужб.

Отдельные главы уделены изучению работоспособности демократических институтов в условиях рыночной экономики. **Хомский** рассматривает способы манипуляции общественным мнением и крайнюю предвзятость СМИ, обслуживающих интересы привилегированного меньшинства. Ноам приходит к выводу, что реальная демократия (т.е. власть народа) невозможна в рамках капитализма.

"**Прибыль на людях**" — это объёмный и сложный труд, изучение которого даст вам лучшее понимание мировых процессов, происходящих в данный момент. Эта книга будет полезна всем, кто хочет узнать о конкретных примерах пагубного воздействия рыночной экономики на современное общество.

Коллектив Черных Тетрадей

Подробнее — libfront.org/projects/typeblack

РОБЕРТ У. МАКЧЕСНИ

ВВЕДЕНИЕ

Неолиберализм представляет собой определяющую политэкономическую парадигму нашего времени. Неолиберализм это политика, посредством которой относительно небольшая группа лиц, руководствуясь своими частными интересами, оказывается в состоянии поставить под свой контроль большую часть социальной жизни, причем она использует этот контроль с целью увеличения своей личной выгоды. Поначалу ассоциировавшийся с Рейганом и Тэтчер, в последние два десятилетия неолиберализм выступал в роли политико-экономической тенденции, господствовавшей в мире и принятой политическими партиями центра, а также многими представителями как традиционно левых, так и правых сил. Эти партии и осуществляемая ими политика представляют непосредственные интересы чрезвычайно богатых инвесторов и менее тысячи крупных корпораций.

За пределами части академической среды и делового сообщества термин «неолиберализм» почти неизвестен и не употребляется широкой публикой, особенно в США. Напротив того, в Соединенных Штатах неолиберальные инициативы обычно преподносятся как политика свободного рынка, поощряющая частное предпринимательство и свободу потребительского выбора, вознаграждающая личную ответственность и предпринимательскую инициативу и подрывающая бесплодную деятельность некомпетентного, бюрократического и паразитического правительства, которое не может сделать ничего хорошего даже при благих намерениях. Последние же встречаются у правительств достаточно редко. Благодаря усилиям финансируемых корпорациями PR-специалистов эти взгляды стали считаться едва ли не священными. В результате притязания, выдвигаемые корпорациями, редко нуждаются в защите и используются для рационализации чего угодно от снижения налогов для богатых и отказа от предписаний, направленных на охрану окружающей среды, до сворачивания программ по народному образованию и социальному обеспечению. Фактически любая деятельность, которая может помешать господству корпораций над обществом, автоматически попадает под подозрение, так как она может воспрепятствовать функционированию свободного рынка, объявленного в наши дни единственным рациональным, справедливым и демократичным механизмом распределения товаров и услуг. Сторонники неолиберализма блистают красноречием, доказывая, что осуществляя политику от имени горстки богачей, они будто бы оказывают неоценимую услугу беднякам, окружающей среде и всем остальным.

Экономические последствия такой политики повсюду оказались одинаковыми и именно такими, какими их можно было ожидать: она привела к значительному росту социального и экономического неравенства, к заметному росту суровых лишений для беднейших наций и народов мира, катастрофическому положению окружающей среды, неустойчивости экономики в глобальном масштабе и беспрецедентному обогащению толстосумов. Столкнувшись с этими фактами, защитники неолиберальных порядков утверждают, что блага хорошей жизни рано или поздно

дойдут до широких масс населения, если неолиберальной политике, которая привела к обострению всех этих проблем, не будут мешать!

В конечном счете, неолибералы не могут предложить и не предлагают практической защиты для мира, который они строят. Наоборот, они предлагают и даже требуют религиозную веру в непогрешимость неуправляемого рынка, позаимствованную из теорий XIX века, имеющих весьма отдаленное отношение к проблемам современного мира. Последняя козырная карта адвокатов неолиберализма, однако, заключается в том, что альтернативы свободному рынку якобы нет. Неолибералы во всеуслышание провозглашают, что коммунистические общества, социальные демократии и даже государства умеренного всеобщего благосостояния вроде США потерпели крах и их граждане приняли неолиберализм как единственный осуществимый курс. Быть может, свободный рынок весьма несовершенен, но он представляет собой единственно возможную экономическую систему.

В первой половине XX столетия некоторые критики называли фашизм «капитализмом без перчаток», подразумевая, что фашизм был чистым капитализмом без демократических прав и организаций. В действительности, мы знаем, что фашизм представляет собой гораздо более сложное явление. С другой стороны, неолиберализм это действительно «капитализм без перчаток». Он служит выражением эпохи, когда силы бизнеса стали могущественнее и агрессивнее, чем когда-либо прежде, и притом они встречаются с гораздо менее организованным сопротивлением. В таком политическом климате они пытаются упрочить свою политическую власть везде, где это только возможно, в результате чего соперничество с бизнесом становится весьма трудным, а существование нерыночных, некоммерческих и демократических сил просто-напросто невозможным делом.

На примере подавления неолиберализмом нерыночных сил мы видим, что он действует не только в качестве экономической системы, но еще и как политическая и культурная система. В этом отношении он разительно отличается от фашизма с его презрением к формальной демократии и от высокообилизованных социальных движений, основанных на расизме и национализме. Лучше всего неолиберализм действует при наличии формальной избирательной демократии, притом такой, в рамках которой население лишено информации, а также доступа к политической деятельности и публичным дискуссиям, необходимым для осмысленного участия в принятии решений. Как выразился неолиберальный гуру Милтон Фридман в своей книге «Капитализм и свобода», поскольку достижение прибыли есть сущность демократии, любое правительство, осуществляющее антирыночную политику, является антидемократическим, независимо от той поддержки информированного народа, на которую оно может рассчитывать. Поэтому деятельность правительств лучше всего ограничить защитой частной собственности и проведением в жизнь договоров, а политические дебаты незначительными вопросами. Реальные же проблемы производства и распределения ресурсов, а также социальной организации надо отдать на откуп рыночным силам.

Вооруженные таким извращенным пониманием демократии, неолибералы вроде Фридмана не испытывали угрызений совести по поводу военного свержения демократически избранного чилийского правительства Альенде в 1973 году в ответ на то, что Альенде препятствовал силам бизнеса осуществлять контроль над чилийским обществом. После пятнадцати лет диктатуры, зачастую грубой и жестокой и все это во имя демократического свободного рынка формальная демократия была восстановлена в 1989 году, и при этом была принята такая конституция, которая сделала делом весьма трудным, а то и вообще невозможным, противодействие граждан господству военных и деловых кругов над чилийским обществом. В этом и заключается суть неолиберальной демократии: она сводится к пустопорожним дебатам по второстепенным вопросам между партиями, которые, независимо от формальных различий и предвыборных дебатов, проводят по существу одну и ту же политику в защиту бизнеса. Демократия допустима до тех пор, пока контроль над бизнесом неподвластен обсуждению или изменению со стороны народа, то есть пока она не является демократией.

Поэтому неолиберальной системе свойственно производить деполитизированных граждан, исполненных апатии и цинизма. Если выборная демократия воздействует на социальную жизнь людей весьма незначительно, то неразумно уделять ей много внимания. В действительности так оно и происходит: в Соединенных Штатах стране, откуда распространилась неолиберальная демократия, выборы в Конгресс в 1998 году продемонстрировали рекордно низкий процент участия избирателей: их проголосовало чуть больше одной трети. Хотя низкий процент голосующих время от времени вызывает беспокойство у таких партий истеблишмента, как Демократическая партия США, стремящаяся привлечь голоса обездоленных, власть предержащие тем не менее приветствуют и поощряют такое положение. Поэтому вовсе не удивительно, что избиратели, отказавшиеся от участия в голосовании, встречаются в основном среди бедняков и рабочего класса. Политика, которая могла бы стремительно повысить процент голосующих, отбрасывается, даже не успев выйти на публичную арену. В США, к примеру, две основные контролируемые бизнесом партии, пользующиеся поддержкой сообщества корпораций, отказались от реформ законов, делающих по сути дела невозможным создание и эффективное функционирование новых политических партий, не связанных напрямую с интересами бизнеса. Хотя существует отчетливая и часто отмечаемая неудовлетворенность республиканцами и демократами, электоральная политика представляет собой единственную сферу, где конкуренция и свободный выбор играют ничтожную роль. В известном смысле уровень дебатов и значимость выбора в неолиберальных избирательных кампаниях имеют тенденцию приближаться к «демократии» в однопартийном коммунистическом государстве, а не к подлинной демократии.

Одно лишь это указывает на губительное воздействие неолиберализма на граждански ориентированную политическую культуру. С одной стороны, социальное неравенство, порожденное неолиберальной политикой, подрывает всякие попытки

реализовать правовое равенство, необходимое для того, чтобы сделать демократию заслуживающей доверия. Крупные корпорации обладают ресурсами, чтобы влиять на средства массовой информации и контролировать политический процесс, и, соответственно, и действуют подобным образом. Приведем всего один пример: в электоральной политике США полтора процента богатейших американцев вносят 80 % всех индивидуальных политических пожертвований, а корпорации тратят больше, чем рабочие, в отношении 10:1. При неолиберализме все это имеет смысл, так как в таком случае выборы отражают рыночные принципы, а пожертвования приравниваются к инвестициям. Подобного рода практика усугубляет оторванность электоральной политики от интересов большинства населения и обеспечивает сохранение неоспоримого правления корпораций.

С другой стороны, чтобы быть эффективной, демократия требует, чтобы люди ощущали связь со своими согражданами, и связь эта проявляется посредством многочисленных нерыночных организаций и учреждений. Чуткой политической культуре необходимы общественные группы, библиотеки, бесплатные государственные школы, местные организации, кооперативы, места для публичных собраний, добровольные ассоциации и профсоюзы, чтобы обеспечить гражданам возможность встречаться, общаться и взаимодействовать между собой. Неолиберальная демократия со своей идеей рынка *uber alles* вцепляется в этот сектор мертвой хваткой. Вместо граждан она производит потребителей. Вместо сообществ магазинные прилавки. В итоге получается атомизированное общество разобщенных индивидов, чувствующих себя деморализованными и социально беспомощными.

В общем, неолиберализм прямой и первейший враг подлинной представительной демократии, не только в США, но и по всей планете, и он останется таковым и в обозримом будущем.

Несомненно, Ноам Хомский является ведущей интеллектуальной фигурой современного мира в битве за демократию и против неолиберализма. В 60-е годы XX века Хомский был выдающимся американским критиком вьетнамской войны, а в более широком смысле он стал, вероятно, самым проникновенным исследователем тех методов, посредством которых американская внешняя политика подрывает демократию, подавляет права человека и поддерживает интересы горстки богачей. В 70-е годы XX века Хомский в соавторстве с Эдвардом С. Херманом начал исследование того, как американские средства массовой информации, специализирующиеся на производстве и передаче новостей, обслуживают интересы элиты и разрушают способность граждан реально управлять своей жизнью на демократический лад. Их книга «Как фабрикуется консенсус» (1988) остается отправной точкой для любого серьезного исследования того, как функционируют средства массовой информации.

На протяжении всех этих лет Хомский, которого можно охарактеризовать как анархиста, или, вероятно, точнее, как социалиста-либертарианца, был открытым, принципиальным и последовательным противником и критиком коммунистических

и ленинистских государств и партий. Он воспитал несметное количество людей, в том числе и меня, в том духе, что демократия это не могущий служить предметом сделки краеугольный камень любого посткапиталистического общества, достойного того, чтобы в нем жить или же за него бороться. В то же время он показал абсурдность отождествления капитализма и демократии, равно как и мнения, что капиталистические общества даже в наилучших обстоятельствах когда-нибудь откроют доступ к информации или к принятию решений, которые выходили бы за пределы в высшей степени ограниченных и контролируемых возможностей. Сомневаюсь, чтобы какой-нибудь иной автор, кроме, вероятно, Джорджа Оруэлла, приближался к Хомскому в столь систематическом разоблачении лицемерия правителей и идеологов как в коммунистическом, так и в капиталистическом обществах, претендующих на то, что их общество является единственной формой демократии, доступной человечеству.

В 90-е годы XX века все эти нити политического творчества Хомского от антиимпериализма и критического анализа средств массовой информации до трудов по демократии и рабочему движению слились воедино, итогом чего стала эта книга о демократии и неолиберальной угрозе. Хомский сделал много для того, чтобы вдохнуть новую жизнь в понимание социальных предпосылок демократии, черпая материал как у древних греков, так и у ведущих мыслителей демократических революций, свершившихся в XVII и XVIII веках. Он поясняет, что невозможно быть сторонником представительной демократии и в то же время отстаивать капитализм или какое-нибудь иное общество, разделенное на классы. Давая оценку реальной исторической борьбе за демократию, Хомский также показывает, что неолиберализм это не новая политика, а попросту современный вариант борьбы горстки богачей за ограничение политических прав и гражданских возможностей большинства. Возможно, что Хомский ведущий критик еще и мифологии естественного «свободного» рынка, этого вдалбливаемого в наши головы бодрого гимна о конкурентоспособности, рациональности, эффективности и справедливости рыночной экономики. Хомский подчеркивает, что конкуренция встречается на рынках довольно редко. Большая часть экономики контролируется огромными корпорациями, которые безраздельно господствуют на своих рынках и поэтому весьма редко сталкиваются с конкуренцией вроде той, что описывается в учебниках по экономике и о которой рассуждают политики в своих речах. Более того, сами корпорации фактически являются тоталитарными организациями и действуют вовсе не по демократическим правилам. То, что наша экономика опирается на подобного рода институты, серьезно подрывает нашу способность иметь демократическое общество.

Мифология свободного рынка также берется утверждать, что правительства это неэффективные учреждения, полномочия которых следует ограничивать, чтобы не нарушать магии естественного рынка *laissez-faire*. В действительности же, как подчеркивает Хомский, правительства играют ключевую роль в рамках современной

капиталистической системы. Они щедро субсидируют корпорации и всесторонне способствуют реализации корпоративных интересов. А эти корпорации, ликующие по поводу неолиберальной идеологии, в действительности часто проявляют лицемерие: хотя они и стремятся к тому, чтобы правительства субсидировали их деньгами налогоплательщиков и защищали от конкуренции, но в то же самое время они хотят, чтобы правительства не облагали их налогами и не поддерживали интересы, отличные от интересов бизнеса, в особенности интересы бедных и рабочего класса. В настоящее время правительства разрослись как никогда, но при неолиберальном курсе их мало волнует удовлетворение некорпоративных интересов.

Ведущая роль правительств и политического курса находит свое наиболее наглядное выражение в возникновении глобальной рыночной экономики. Процессы, которые выдаются идеологами бизнеса за естественную экспансию свободных рынков через государственные границы, на самом деле носят совершенно противоположный характер. Глобализация это результат насильственного навязывания народам мира могущественными правительствами, особенно правительством США, торговых сделок и прочих соглашений, призванных облегчить корпорациям и богачам господство над национальными экономиками при отсутствии обязательств перед представителями этих наций. Данный процесс нашел наиболее наглядное выражение в создании Всемирной торговой организации (ВТО) в начале 90-х годов, а теперь в тайных совещаниях, направленных на заключение Многостороннего Соглашения по Инвестициям (МСИ).

В действительности именно неспособность неолиберализма к честному и искреннему обсуждению своей природы является одной из наиболее характерных черт этого курса. Критика Хомским неолиберальных порядков фактически выходит за пределы среднего уровня анализа благодаря ее эмпирической мощи и преданности демократическим ценностям. Весьма полезен проведенный Хомским анализ догматов, принятых в капиталистических демократиях. Корпоративные средства массовой информации, PR-индустрия, университетские идеологи и произведения интеллектуальной культуры напыщенно играют здесь главные роли, поставляя «необходимые иллюзии», чтобы эта малоприятная ситуация казалась осмысленной, благожелательной и необходимой, а то и неотвратимо желательной. Как стремится подчеркнуть Хомский, интересы сильных мира сего не образуют формального сговора: в этом нет необходимости. Благодаря многочисленным институциональным механизмам интеллектуалам, «пандитам» и журналистам посылаются сигналы, заставляющие их считать статус-кво лучшим из возможных миров и отвлекающие их от борьбы с теми, кто извлекает выгоду из этого статус-кво. Творчество Хомского представляет собой непосредственный призыв к демократическим активистам переделать нашу систему средств массовой информации так, чтобы открыть ее для антикорпоративных и антинеолиберальных перспектив и исследований. Это еще и вызов всем интеллектуалам или, по меньшей мере, тем, кто выражает преданность демократии, чтобы они посмотрели на себя в зеркало подольше и построже и

задались вопросом, в чьих интересах и ради каких ценностей они занимаются своей деятельностью.

Неолиберальную и корпоративную угрозу, нависшую над нашей экономикой, государственным устройством, журналистикой и культурой, Хомский описывает настолько ярко и впечатляюще, что у некоторых читателей может возникнуть ощущение полной беспомощности. В нашу эпоху деморализованной политики кое-кто может сделать еще один шаг и заключить, что мы запутались в этой регрессивной системе оттого, что увы! человечество попросту неспособно создать более гуманный, эгалитарный и демократический социальный строй.

В действительности наибольшей заслугой Хомского, возможно, является его твердая убежденность в том, что народы мира обладают огромной тягой к демократии, а также революционным потенциалом, обусловленным этим импульсом. Наилучшее доказательство такой возможности это та настойчивость, с которой корпоративные силы стремятся помешать существованию подлинной политической демократии. Правители мира прекрасно понимают, что их система создана для того, чтобы удовлетворять потребности немногих, а не большинства, и что поэтому большинству никогда не может быть позволено оспаривать и изменять корпоративное правление. Даже в фактически существующих стреноженных демократиях корпоративное сообщество непрестанно работает над тем, чтобы вообще не допустить публичных дебатов по важным вопросам, вроде МСИ. А сообщество бизнесменов тратит громадные деньги, финансируя PR-аппарат ради того, чтобы убедить американцев, что наш мир лучший из всех возможных. Следуя этой логике, время беспокоиться по поводу возможности социальных изменений к лучшему наступит, когда корпоративное сообщество перестанет заниматься пиаром и подкупом на выборах, позволит существовать средствам массовой информации, выражающим всю палитру мнений, и спокойно установит подлинно эгалитарную представительную демократию, так как уже не будет бояться власти большинства. Однако нет оснований полагать, что такой день когда-нибудь наступит.

Самые громкие речи неолибералов сводятся к тому, что у существующего положения нет альтернативы и что человечество достигло своего наивысшего уровня. Хомский подчеркивает, что в прошлом было несколько других периодов, которые, как было принято считать, знаменовали собою «конец истории». К примеру, в 20-е и 50-е годы XX века американские элиты утверждали, что их система работает, а умиротворенность масс отражает широко распространенную удовлетворенность существующей ситуацией. Но события, последовавшие вскоре, высветили весь идиотизм этой веры. Я предполагаю, что как только демократические силы запишут на свой счет несколько ощутимых побед, в их жилах вновь заструится живая кровь, а разговоры о том, что нет возможных надежд на перемены, отправятся туда же, куда ушли все прежние фантазии элит насчет того, что их славное правление будут тысячелетия чтить как святыню.

В нашу эпоху, когда имеются обладающие громадным потенциалом технологии для

улучшения условий человеческого существования, мысль о том, что статус-кво не имеет лучшей альтернативы, сегодня выглядит еще менее правдоподобной, чем когда-либо в прошлом. Правда, всё еще неясно, как установить жизнеспособный, свободный и гуманный посткапиталистический строй, да и сама эта идея выглядит утопично. Но при каждом продвижении в истории от отмены рабства и установления демократии до упразднения формального колониализма приходилось изменять идеи там, где прежде это было невозможно сделать, поскольку прежде этого не делали. Со своей стороны, Хомский стремится подчеркнуть, что организованная политическая деятельность определяет ту меру демократии, какая у нас есть сегодня: всеобщее избирательное право для взрослых, права женщин, существование профсоюзов, гражданские права и свободы, которыми мы пользуемся. Даже если сама идея посткапиталистического общества кажется непостижимой, мы все-таки знаем, что политическая деятельность человека может сделать мир, в котором мы живем, более гуманным. А когда мы приблизимся к этой идее, мы, вероятно, вновь обретем способность мыслить о создании политической экономии, основанной на принципах сотрудничества, равенства, самоуправления и индивидуальной свободы.

До тех пор, пока это не произошло, борьба за социальные изменения это вовсе не гипотетическая проблема. Современные нелиберальные порядки породили мощные политические и экономические кризисы от Восточной Азии до Восточной Европы и Латинской Америки. Уровень жизни у развитых наций Европы, Японии и Северной Америки держится на шатких основаниях, а сами эти общества пребывают в состоянии разброда. На грядущие годы и десятилетия карты предвещают громадный сдвиг. Однако относительно исхода этого сдвига имеются большие сомнения, и существует не слишком много оснований для того, чтобы считать, будто он автоматически приведет к демократическому и гуманному решению стоящих перед нами проблем. Всё зависит от того, как мы, люди, будем организовываться, реагировать и действовать. Как подчеркивает Хомский, если вы действуете так, будто для изменений к лучшему нет возможности, то вы тем самым гарантируете, что изменений к лучшему не будет. Выбор за нами, выбор за вами.

Мэдисон, Висконсин

Октябрь 1998

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Превыше всего (нем.). Прим. пер.
2. Основанного на принципе свободного предпринимательства (фр.). Прим. пер.
3. Индийские брамины. Здесь иронически: «ученые мужи». Прим. пер.

I. НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И ГЛОБАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Я хотел бы рассмотреть две темы, упомянутые в заглавии: неолиберализм и глобальный порядок. Эти проблемы имеют большое значение для людей, но люди понимают их не слишком хорошо. Ради здоровой их трактовки нам следует начать с отделения доктрины от реальности. Зачастую мы обнаруживаем между ними значительный зазор.

Термин «неолиберализм» отсылает к системе принципов, одновременно и новой, и основанной на классических либеральных идеях: Адам Смит почитается как покровительствующий ей святой. Эта доктринальная система также известна как «Вашингтонский консенсус», что уже намекает на идею мирового порядка. Более пристальный анализ показывает, что идея мирового порядка соответствует классическому либерализму, чего нельзя сказать об остальных элементах неолиберальной доктрины. Подобные доктрины не новы, а основные их положения далеки от тех, что воодушевляли либеральную традицию, начиная с Просвещения.

ВАШИНГТОНСКИЙ КОНСЕНСУС

Неолиберальный Вашингтонский консенсус представляет собой основанную на определенных рыночных принципах политику, проводимую правительством США и в значительной степени подконтрольными ему международными финансовыми учреждениями в отношении более уязвимых обществ. Этот курс зачастую предстает в роли программы неотложной структурной корректировки. Его основные правила, в двух словах, таковы: либерализовать цены и финансы, дать рынку установить цены («выправить цены»), покончить с инфляцией («макроэкономическая стабильность»), осуществить приватизацию. Правительство должно «уйти с дороги» а значит, и население тоже, ведь правительство демократическое, хотя этот вывод явно и не афишируется. Решения тех, кто навязывает «консенсус», естественно, оказывают существенное влияние на мировой порядок. Некоторые аналитики высказываются даже более определенно. Так, международная деловая пресса называла упомянутые институты «фактическим мировым правительством новой имперской эры».

Независимо от правильности этой оценки, цель данного определения заключается в том, чтобы напомнить нам о том, что правящие институты действуют не самостоятельно, а отражают распределение власти в обществе в более крупном масштабе. Это было общим местом, по меньшей мере начиная с Адама Смита, указывавшего, что «главными архитекторами» политики в Англии являются «купцы и мануфактурщики», использующие государственную власть ради обслуживания собственных интересов, какое бы «прискорбное» воздействие это ни производило на остальных, в том числе и на народ Англии. Смита интересовало «богатство народов», но он считал, что «национальный интерес» это в значительной степени иллюзия: в рамках нации наблюдается острый конфликт между интересами, и для понимания

политики и ее последствий нам следует спрашивать, где находится власть и как она реализуется. Впоследствии подобный анализ стали называть классовым анализом.

«Главными архитекторами» неолиберального «Вашингтонского консенсуса» являются хозяева частной экономики, преимущественно гигантские корпорации, контролирующие значительную часть международного хозяйства и обладающие средствами, позволяющими им как определять политику, так и формировать мысли и мнения людей. В этой системе США по вполне очевидным причинам играют особую роль. По словам историка дипломатии Джеральда Хейнса, к тому же старшего историка ЦРУ, «после Второй мировой войны Соединенные Штаты ради собственной выгоды взяли на себя ответственность за благополучие мировой капиталистической системы». Хейнс имеет в виду то, что он называет «американизацией Бразилии», но лишь как частный случай. И слова его достаточно верны.

Экономика США стала ведущей в мире задолго до Второй мировой войны, а в годы войны она процветала, тогда как ее соперники оказались резко ослабленными. Скоординированная государством экономика военного времени в конечном счете проявила способность преодолеть Великую Депрессию. К концу войны Соединенные Штаты обладали половиной мировых богатств и положением державы, не имеющим исторических прецедентов. Естественно, что «главные архитекторы» этой политики намеревались воспользоваться этим могуществом, чтобы создать глобальную систему ради собственных интересов.

Документы, составленные в высших эшелонах американской администрации, в качестве первостепенной угрозы этим интересам рассматривают, особенно в Латинской Америке, «радикальные» и «националистические режимы», которые якобы несут ответственность за навязывание народу политики, направленной на «немедленное повышение низкого жизненного уровня масс» и на поощрение экономического развития, нацеленного на удовлетворение внутренних потребностей страны. Эти тенденции вступают в конфликт с потребностью в «политическом и экономическом климате, благоприятствующем частным инвестициям», гарантирующем вывоз прибылей и «защиту нашего сырья» нашего, даже если его добывают в других странах. По этим причинам влиятельный разработчик планов Джордж Кеннан посоветовал нам «прекратить разговоры о смутных и нереальных целях вроде прав человека, повышения жизненного уровня и демократизации» и «действовать с помощью непосредственных силовых концепций, не стесняя себя идеалистическими лозунгами» об «альтруизме и благодетельствовании мира», хотя такие лозунги хороши и даже обязательны в публичных речах.

Я цитирую секретный отчет, который в принципе теперь доступен, но почти неизвестен ни широкой публике, ни интеллектуальному сообществу.

«Радикальный национализм» нетерпим сам по себе, но он также представляет «угрозу стабильности» в более широком смысле другая фраза со специфическим значением. Когда Вашингтон готовился к свержению первого демократического правительства Гватемалы в 1954 году, Госдепартамент официально предупреждал, что

Гватемала «превратилась в растущую угрозу для стабильности Гондураса и Сальвадора. Ее аграрная реформа является мощным пропагандистским оружием, ее обширная социальная программа помощи рабочим и крестьянам в победоносной борьбе против господствующих классов и крупных иностранных предприятий чрезвычайно привлекательна для населения центральноамериканских соседей, у которых преобладают те же условия». «Стабильность» означает безопасность для «господствующих классов и крупных иностранных предприятий», чье благополучие надо сохранить.

Такие угрозы «благополучию мировой капиталистической системы» оправдывают террор и подрывную деятельность ради восстановления «стабильности». Одной из первых задач ЦРУ было участие в широкомасштабных усилиях по подрыву демократии в Италии в 1948 году, где опасались «неправильного» исхода выборов, и если бы подрывная деятельность провалилась, планировалась прямая военная интервенция. Это описывалось как усилия «по стабилизации Италии». Ради достижения «стабильности» можно даже «заниматься дестабилизацией». Так, редактор полуофициального журнала «Форин афферз» поясняет, что Вашингтону пришлось «дестабилизировать свободно избранное марксистское правительство в Чили», поскольку «мы были полны решимости искать стабильности». Имея подходящее образование, можно справиться с явным противоречием.

Националистические режимы, которые угрожают «стабильности», зачастую называли «гнилыми яблоками», которые могут «испортить весь уро жай», или же «вирусами», которые могут заразить другие государства. Италия в 1948 году лишь один пример. Двадцать пять лет спустя Генри Киссинджер описывал Чили как «вирус», способный распространить неправильные послания о возможностях социальных изменений, заражая других, вплоть до самой Италии, все еще «нестабильной», даже несмотря на осуществление многолетних крупных программ ЦРУ, направленных на подрыв итальянской демократии. Вирусы надо уничтожать, защищая другие государства от инфекции; самым действенным средством решения обеих задач зачастую служит насилие, оставляющее за собой отвратительный след массовых убийств, террора, пыток и разорения.

В секретном послевоенном планировании каждой части света отводилась особая роль. Так, «основной функцией» Юго-Восточной Азии была поставка сырья для индустриальных держав. Африку должна была «эксплуатировать» Европа ради собственного восстановления. И так далее по всему миру.

В Латинской Америке Вашингтон ожидал, что окажется способным провести в жизнь доктрину Монро, но опять-таки в специфическом смысле. Президент Вильсон, известный своим идеализмом и высокими моральными принципами, втайне согласился с тем, что «в своем отстаивании доктрины Монро США учитывают собственные интересы». Интересы же Латинской Америки попросту «несущественны», это не наша забота. Он признавал, что «может показаться, будто это основано на одном лишь эгоизме», но считал, что у этой доктрины «нет более

высоких или благородных мотивов». Соединенные Штаты стремились вытеснить своих традиционных соперников, Англию и Францию, и создать под собственным контролем региональный альянс, которому предстояло выделиться из мировой системы, где подобные соглашения не допускались. «Функции», отведенные Латинской Америке, стали явными на конференции стран Западного полушария в феврале 1945 года, где Вашингтон выдвинул «Экономическую Хартию обеих Америк», которая должна была искоренить экономический национализм «во всех его формах». Вашингтонские разработчики планов понимали, что навязать этот принцип будет нелегко. Документы Госдепартамента предупреждали, что латиноамериканцы предпочитают «политику, направленную на более широкое распределение богатств и подъем уровня жизни масс» и «убеждены, что от развития ресурсов страны больше всего выиграют жители самой страны». Эти идеи были неприемлемы для американцев: от ресурсов этих стран «больше всего должны выигрывать» инвесторы из США, тогда как Латинской Америке надлежит исполнять свои служебные функции без неразумных забот о всеобщем благосостоянии или «чрезмерном индустриальном развитии», которое может посягнуть на интересы США.

В последующие годы позиция Соединенных Штатов восторжествовала, хотя и не без проблем. Она была удержана с помощью средств, которые мне нет необходимости перечислять.

По мере того, как Европа и Япония восстанавливались после военного опустошения, мировой порядок сдвигался к трехполюсной модели. США сохранили доминирующую роль, хотя и столкнулись с новыми вызовами, в том числе с европейской и восточноазиатской конкуренцией в Южной Америке. Наиболее важные изменения произошли двадцать пять лет назад, когда администрация Никсона демонтировала послевоенную глобальную экономическую систему, в рамках которой Соединенные Штаты, по сути, были всемирным банкиром; с такой ролью они больше не справлялись. Этот односторонний акт, осуществленный, разумеется, при содействии других держав, привел к гигантскому увеличению неуправляемых потоков капитала. Еще больше впечатляет сдвиг в составе потоков капитала. В 1971 году 90 % международных финансовых сделок относились к реальной экономике к торговле или долгосрочным инвестициям, а 10 % были спекулятивными. К 1990 году процентное соотношение изменилось на противоположное, а к 1995 году около 95 % значительно больших сумм были спекулятивными, с ежедневными потоками, как правило, превосходящими общие резервы для международного обмена семи крупнейших индустриальных держав более чем на один триллион долларов в день и весьма краткосрочными: около 80 % сумм возвращались назад за неделю и менее того.

Больше лет назад видные экономисты предупреждали, что этот процесс может привести к медленно растущей экономике с низкой зарплатой, и предлагали весьма простые меры, которые могли бы предотвратить такие последствия. Но «главные архитекторы» Вашингтонского консенсуса предпочли предсказуемые результаты, включая очень высокие прибыли. Эти результаты были усугублены краткосрочным

резким подъемом цен на нефть и революцией в области телекоммуникаций, причем и то и другое было связано с гигантским государственным сектором экономики США, к которому я еще вернусь.

Так называемые «коммунистические» страны располагались за пределами этой глобальной системы. К 70-м годам XX века Китай начал в нее реинтегрироваться. В советской экономике в 60-е годы XX века началась стагнация, и прогнившее здание рухнуло двадцать лет спустя. Этот регион в значительной степени возвращается к своему прежнему статусу. Сектора, которые были частью Запада, воссоединяются с ним, тогда как большая часть региона возвращается к традиционной обслуживающей роли, в значительной степени под руководством бывших коммунистических бюрократов и других местных компаньонов зарубежных предприятий, наряду с криминальными синдикатами. Эта модель знакома третьему миру, да и результаты тоже. В одной лишь России, по оценке исследования ЮНИСЕФ, в 1993 году последовало на полмиллиона смертей больше, чем обычно, в результате неолиберальных «реформ», которые это исследование, в общем, поддерживает. Руководитель ведомства по социальной политике в России недавно дал оценку, согласно которой 25 % населения живет ниже прожиточного минимума, тогда как новые правители приобрели несметные богатства опять-таки ситуация, весьма характерная для стран, зависящих от Запада.

Также знакомы последствия широкомасштабного насилия, предпринимаемого ради обеспечения «благополучия мировой капиталистической системы». На недавней конференции иезуитов в СанСальвадоре отмечалось, что с течением времени «культура террора обуздывает ожидания большинства». Люди могут уже даже забыть об «альтернативах, отличных от предлагаемых теми из власть предержащих», кто описывает результат как великую победу свободы и демократии.

Таковы некоторые из очертаний глобального порядка, в рамках которого сформировался Вашингтонский консенсус.

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ КАК НОВОВВЕДЕНИЕ

А теперь более пристально посмотрим на неолиберализм как нововведение. Подходящей отправной точкой служит недавняя публикация Королевского Института иностранных дел в Лондоне, с обзорными статьями по важнейшим вопросам и направлениям политики. Автор, Пол Крагмен, является видной фигурой в данной сфере. Он выдвигает пять основных мыслей, имеющих непосредственное отношение к нашему вопросу.

Во-первых, знания об экономическом развитии весьма ограничены. Для США, например, две трети роста дохода на душу населения остаются необъясненными. Аналогичным образом, как указывает Крагмен, успешное развитие азиатских стран следовало путями, которые, разумеется, не соответствуют тому, что «современная ортодоксия считает ключами к экономическому росту». Он рекомендует «смирение» при формировании политики и осторожность относительно «огульных обобщений».

Его вторая мысль состоит в том, что непрестанно выдвигаются малообоснованные выводы, обеспечивая доктринальную поддержку для политики: имеется в виду Вашингтонский консенсус.

Третья его мысль что «общепринятая мудрость» неустойчива и регулярно переходит от одной точки к другой, а в своей последней фазе может сдвинуться и к противоположной позиции, хотя ее сторонники, как правило, исполнены доверия к насаждаемой ими новой ортодоксии.

Его четвертая мысль заключается в том, что ретроспективно приходят к общему согласию по поводу того, что политика экономического развития не «послужила намеченной цели» и основывалась «на плохих идеях».

И наконец, Крагмен замечает, что обычно «выдвигается аргумент, что плохие идеи процветают из-за того, что они выгодны могущественным группировкам. Несомненно, это и происходит».

То, что это происходит, было общим местом, по меньшей мере, начиная с Адама Смита. И происходит это с впечатляющим постоянством, и даже в богатых странах, хотя наиболее жестокие факты касаются третьего мира.

Вот в чем суть дела. «Плохие идеи» могут и не служить «намеченным целям», но для своих «главных архитекторов» они обычно оказываются очень хорошими идеями. В современную эпоху было много экспериментов по экономическому развитию, и их закономерностями трудно пренебрегать. Одна из них состоит в том, что архитекторы реформ обычно вполне преуспевают, а вот те, кто подвергся эксперименту, зачастую получают только синяки да шишки.

Первый важный эксперимент произошел двести лет назад, когда британские правители в Индии установили «постоянный сеттльмент», который стал причиной удивительных вещей. Результаты были проверены сорок лет спустя официальной комиссией, заключившей, что «сеттльмент, устроенный с большой заботой и продуманностью, к сожалению, обрек низшие классы на в высшей степени

прискорбное угнетение», вызвав нищету, «каковая вряд ли найдет параллель в истории коммерции», поскольку «кости ткачей хлопка отбеливают равнины Индии».

Но этот эксперимент вовсе не был сочтен неудачным. Британский генерал-губернатор отметил, что «хотя постоянный сеттльмент потерпел неудачу во многих других отношениях и в большинстве важных начинаний, его большим преимуществом стало, по меньшей мере, то, что он создал обширное количество богатых землевладельцев, глубоко заинтересованных в продолжении существования этого британского доминиона и полностью распоряжавшихся массами народа». Другое преимущество заключалось в том, что британские инвесторы обрели несметные богатства. Индия также финансировала 40 % торгового дефицита Британии, обеспечивая защищенный рынок для экспорта ее мануфактуры, поставляя для британских владений контрактных рабочих, которые заменили прежний рабский контингент, и выращивая опиум, являвшийся основным товаром британского экспорта в Китай. Опиумная торговля была навязана Китаю силой, а не функционированием «свободного рынка», подобно тому как на священные принципы свободного рынка смотрели сквозь пальцы, когда опиуму преграждали доступ в Англию.

Словом, первый великий эксперимент оказался «плохой идеей» для тех, кто ему подвергся, но не для его планировщиков и сотрудничавших с ними местных элит. Эта модель продолжает действовать и по сей день: прибыль ставят выше людей. Постоянство результатов впечатляет не меньше, чем риторика, приветствующая новейшую витрину демократии и капитализма как «экономическое чудо», и чем то, что эта риторика, как правило, скрывает. Возьмем для примера Бразилию. В упомянутой мною и получившей высокую оценку истории американизации Бразилии Джеральд Хейнс пишет, что, начиная с 1945 года, США использовали Бразилию в качестве «экспериментальной площадки для современных научных методов индустриального развития, целиком основанных на капитализме». Эксперимент был проведен «с наилучшими намерениями». Выгоду получили иностранные инвесторы, но его разработчики «искренне полагали», что народ Бразилии тоже получит выгоду. Мне нет необходимости описывать, как они извлекали выгоду, но в то время, как, по словам международной деловой прессы, Бразилия превратилась в «латиноамериканского баловня международного делового сообщества» под военным правлением, по сообщениям Всемирного Банка, у двух третей ее населения не хватало пропитания для нормальной физической деятельности.

В 1989 году Хейнс описывает «американскую политику в Бразилии» как «колоссально успешную», как «настоящую американскую счастливую историю». 1989 год был «золотым годом», с точки зрения мира бизнеса, с утроенными прибылями по сравнению с 1988 годом, тогда как зарплата в промышленности и так одна из самых низких в мире упала еще на 20 %. В результате «Отчеты ООН по развитию человечества» поставили Бразилию вслед за Албанией. Когда же беда начала затрагивать и богатых, «современные научные методы развития, сплошь основанные

на капитализме» (Хейнс) внезапно превратились в доказательства дурной сущности этатизма и социализма еще одно стремительное изменение мнения, произошедшее именно тогда, когда это потребовалось.

Для оценки достижений следует вспомнить, что Бразилию длительное время признавали одной из богатейших стран мира, обладавшей громадными преимуществами, в том числе полувековым господством и опекой со стороны США с благими намерениями, которые опять-таки оказались направленными на получение прибылей немногими и оставили большую часть народа в нищете.

Самый недавний пример Мексика. Ее расхваливали как студентку-отличницу, изучившую правила Вашингтонского консенсуса, и предлагали в качестве образца для других и это в ту пору, когда зарплаты в этой стране стремительно снижались, бедность росла почти столь же быстро, как количество миллиардеров, инвестировались потоки иностранного капитала (большей частью спекулятивного, или же для эксплуатации дешевой рабочей силы, контролируемой брутальной «демократией»). Таким же знакомым оказалось разрушение картонного домика в декабре 1994 года. Сегодня половина населения Мексики не может удовлетворить минимальные потребности в еде, а вот бизнесмен, контролирующий рынок кукурузы, остается в списке мексиканских миллиардеров единственная категория, в которой эта страна котируется.

Изменения в мировом порядке также сделали возможным применить вариант Вашингтонского консенсуса на его родине. Для большинства населения США доходы находились в состоянии застоя или снижались в течение пятнадцати лет, то же происходило с условиями труда и с техникой безопасности и продолжалось в период экономического подъема явление беспрецедентное. Неравенство достигло уровня, небывалого за семьдесят лет, и стало гораздо большим, чем в других индустриальных странах. В США высочайший для всех индустриальных обществ уровень детской бедности; за ними следуют остальные англоязычные страны. Итак, документ продолжает перечислять знакомые недуги третьего мира. Между тем, деловая пресса не может найти достаточно цветистых определений, чтобы описать «сногшибательный» и «изумительный» рост прибылей, хотя, по общему признанию, богатые тоже сталкиваются с проблемами заголовков в «Бизнес уик» возвещает: «Теперь проблема: что делать со всей этой наличностью?», когда «волны прибылей» «переполняют сундуки Корпоративной Америки», а дивиденды стремительно растут.

Прибыли остаются «впечатляющими» и в показателях на середину 1996 года, с «замечательным» ростом прибыли для крупнейших в мире корпораций, хотя есть «одна сфера, где глобальные компании расширяются незначительно: выплаты по платежным ведомостям», как ни в чем не бывало добавляет ведущий деловой ежемесячник. Это исключение касается компаний, у которых «был ужасный год» со «стремительно растущими прибылями», когда они урезали рабочие места, переводили трудящихся на почасовую работу без пособий и гарантий и в других случаях вели себя именно так, как следовало ожидать от «полнейшего порабощения труда капиталом на

протяжении 15 лет», заимствуем еще одну фразу из деловой прессы.

КАК РАЗВИВАЮТСЯ СТРАНЫ

Исторические факты дают и другие уроки. Так, в XVIII веке различия между первым и третьим миром были куда менее резкими, чем сегодня. Возникают два очевидных вопроса:

1. Какие страны развились, а какие нет?
2. Можем ли мы выделить какие-нибудь действующие факторы?

Ответ на первый вопрос достаточно ясен. За пределами Западной Европы развились два основных региона Соединенные Штаты и Япония, то есть два региона, избежавшие европейской колонизации. Иное дело колонии Японии хотя Япония была жестокой колониальной державой, она не грабила свои колонии, а развивала их, приблизительно с такой же скоростью, как развивалась сама.

А как насчет Восточной Европы? В XV веке началось разделение Европы: запад развивался, а восток становился прислуживающей ему территорией, изначальным третьим миром. Различия углублялись до начала этого века, когда Россия выпуталась из системы. Несмотря на ужасные зверства Сталина и страшные военные разрушения, советская система все-таки подверглась значительной индустриализации. Она образует «второй мир», а не часть третьего мира, или же образовывала до 1989 года.

Из документов для внутреннего пользования нам известно, что до 60-х годов XX века западные лидеры боялись, что экономический рост России будет вдохновлять «радикальный национализм» в других странах, и что другие тоже могут быть поражены недугом, заразившим Россию в 1917 году, когда она не пожелала «служить дополнением для индустриальной экономики Запада» так престижная исследовательская группа описывала проблему коммунизма в 1955 году. Поэтому западная интервенция 1918 года якобы была оборонительной акцией с целью «защитить благополучие мировой капиталистической системы», которой угрожали социальные изменения в «обслуживающих» регионах. И так ее описывали респектабельные ученые.

Логика холодной войны вызывает инциденты в Гренаде и Гватемале, хотя масштаб их настолько несоизмерим с российским, что эти конфликты зажили собственной жизнью. Неудивительно, что с победой более могущественного противника были восстановлены традиционные модели. Также не следует удивляться тому, что бюджет Пентагона остается на уровне холодной войны и теперь увеличивается, тогда как международная политика Вашингтона едва ли изменилась: эти факты тоже помогают нам правильно понимать реалии глобального порядка.

Если возвратиться к вопросу о том, какие страны развивались, то довольно-таки ясным покажется один вывод: развитие зависело от свободы от «экспериментов», основанных на «плохих идеях», которые были очень хорошими для разработчиков и

тех, кто с ними сотрудничал. Это не гарантия успеха, но это действительно кажется одной из его предпосылок.

Обратимся ко второму вопросу: как преуспели в развитии Европа и те, кто избежал ее контроля? Часть ответа опять же представляется ясной: радикально нарушая апробированную доктрину свободного рынка. Этот вывод подтверждается от Англии до восточно-азиатской территории современного промышленного роста, разумеется, включая Соединенные Штаты, лидера в протекционизме с самых его истоков.

Стандартная экономическая история признает, что вмешательство государства всегда играло центральную роль в экономическом развитии. Но его воздействие недооценивается из-за слишком узкого фокуса. За одним важным исключением, фундаментом промышленных революций был дешевый хлопок, преимущественно из США. Он сохранялся дешевым и доступным не из-за действия рыночных механизмов, а в силу его недоступности туземному населению и из-за рабства. Конечно, были и другие производители хлопка. Среди них выделялась Индия. Ее ресурсы перетекали в Англию, тогда как ее собственная передовая текстильная промышленность была разрушена британским протекционизмом и британскими войсками. Другим примером является Египет, принимавший меры к развитию в то же время, что и США, но заблокированный британской армией по вполне ясной причине: Британия не стала бы терпеть независимого развития этого региона. Зато Новая Англия оказалась способной последовать по пути своей метрополии, преградив доступ более дешевому британскому текстилю с помощью очень высоких тарифов, подобно тому, как Британия поступила с Индией. Историки экономики считают, что без таких мер половина на рождавшейся текстильной промышленности в Новой Англии была бы разрушена, что оказало бы широкомасштабное воздействие на рост индустрии в целом.

Современным аналогом является энергетика, на которой зиждется экономика в развитых странах. «Золотой век» послевоенного развития основывался на дешевизне и изобилии нефти, причем положение сохранялось в значительной степени с помощью угроз или с применением силы. Это продолжается и по сей день. Значительная часть бюджета Пентагона тратится на то, чтобы удерживать цены на нефть на Ближнем Востоке на уровне, который считают подходящим Соединенные Штаты и их энергетические компании. Мне известно лишь одно техническое исследование этой темы: в нем делается вывод, что расходы Пентагона составляют субсидию в 30 % рыночной цены нефти; по заключению автора, это показывает, что «современное мнение о дешевизне полезных ископаемых представляет собой сплошной вымысел». Голословные оценки эффективности торговли и выводы, касающиеся экономического здоровья и роста, имеют ограниченную значимость, если мы игнорируем множество таких скрытых стоимостей.

Группа видных японских экономистов недавно опубликовала многотомный обзор японских программ экономического развития, начиная со Второй мировой войны. В нем указывается, что Япония отклонила неолиберальные доктрины своих

американских советников, избрав вместо этого форму индустриальной политики, отводившую преобладающую роль государству. Рыночные механизмы вводились государственной бюрократией и промышленно-финансовыми конгломератами постепенно, по мере роста перспектив коммерческого успеха. Упомянутые экономисты делают вывод, что одним из условий для «японского чуда» стал отказ от ортодоксальных экономических наставлений. Успехи оказались впечатляющими. По сути дела не обладая ресурсами, к 90-м годам XX века Япония развила крупнейшую в мире производящую экономику и стала ведущим в мире источником зарубежных инвестиций, также записав на свой счет половину чистых сбережений всего мира и финансируя дефициты США.

Что касается бывших японских колоний, то крупнейшее научное исследование Миссии американской помощи на Тайване обнаружило, что американские советники и китайские планировщики пренебрегли принципами «англо-американской экономики» и разрабатывали «государственно-ориентированную стратегию», опираясь на «активное участие правительства в экономической деятельности на острове посредством обдуманых планов и правительственного контроля за их выполнением». Тем временем американская официозная пресса «рекламировала Тайвань как историю успеха частного предпринимательства».

В Южной Корее «предпринимательское государство» функционирует иным путем, но играет роль направляющей руки не в меньшей степени. Только что вступление Южной Кореи в Организацию по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР), клуб богачей, было отложено из-за ее нежелания полагаться на рыночно ориентированную политику, например, на разрешение передачи власти иностранным компаниям и на свободное движение капитала, что весьма напоминает ее японских наставников, не разрешавших экспорта капитала до тех пор, пока экономика Японии крепко не встала на ноги.

В недавнем выпуске «Research Observer» Международного Банка (август 1996 года) председатель Совета экономических советников при Клинтоне Джозеф Стиглиц извлекает «уроки из восточно-азиатского чуда», среди которых он особенно отмечает тот, что в восточно-азиатских странах, преуспевших на пути экономического развития, «правительство взяло на себя основную ответственность за осуществление экономического роста», отбросив «религию», полагающую, что рынки знают всё лучше всех, и прибегнув к вмешательству ради улучшения передачи технологий, относительного равенства, образования и здравоохранения, наряду с промышленным планированием и координацией. «Доклад ООН по экономическому развитию человечества за 1996 год» делает акцент на жизненной важности правительственной политики по «распространению опыта и удовлетворению жизненно важных общественных потребностей», отмечая, что такая политика служит «трамплином для длительного экономического роста». Неолиберальные же доктрины что бы о них ни думать подрывают образование и здравоохранение, ведут к росту неравенства и уменьшают долю труда в доходах; это невозможно подвергнуть серьезному сомнению.

Год спустя после того, как экономике стран Азии был нанесен тяжелый удар из-за финансовых кризисов и рыночных крахов, Стиглиц теперь главный экономист Всемирного Банка повторил свои выводы (отчетный доклад, исправленный вариант,

Ежегодная конференция Всемирного банка по экономике развития 1997, Всемирный Банк 1998, Ежегодные Лекции для широкой публики 2, 1998). «Текущий кризис в Восточной Азии не является опровержением восточно-азиатского чуда», писал он. «Остаются основные факты: ни в одном другом регионе земного шара никогда не было столь драматического роста доходов и избавления от бедности такого большого числа людей за столь короткое время». «Изумительные достижения» иллюстрируются десятикратным ростом доходов на душу населения в Южной Корее за три десятилетия беспрецедентный успех «с весомыми дозами правительственного вмешательства», в нарушение Вашингтонского консенсуса, но в согласии с экономическим развитием США и Европы, вежливо добавляет он. «Далеко не опровергая восточно-азиатское чудо, заключил Стиглиц, серьезная финансовая суматоха в Азии может частично быть результатом того, что там отошли от стратегий, которые очень хорошо служили этим странам, включая хорошо регулируемые финансовые рынки», имеется в виду широкомасштабный отказ от успешных стратегий как ответ на давление Запада. Другие специалисты выражали аналогичные взгляды, зачастую более убедительно.

Поражает сравнение Восточной Азии с Латинской Америкой. Латинская Америка имеет наихудшие в мире результаты по неравенству. Восточная Азия среди лучших. То же касается образования, здравоохранения и общих показателей социального благополучия. Импорт в Латинскую Америку сильно перекошен в сторону потребления для богатых, а в Восточной Азии в сторону производственных инвестиций. Утечка капиталов из Латинской Америки приближается по уровню к ее сокрушительным для экономики долгам; в Восточной Азии до самого последнего времени она подвергалась жесткому контролю. В Латинской Америке богатые, как правило, освобождены от социальных обязательств, в том числе от налогов. Как подчеркивает бразильский экономист Брессер Перейра, главная проблема Латинской Америки состоит не в «популизме», а в «подчинении государства богачам». Восточная Азия резко от нее отличается.

Экономика латиноамериканских стран также была более открытой для иностранных инвестиций, чем экономика Восточной Азии. Как сообщают аналитики Комитета ООН по торговле и развитию (UNCTAD), начиная с 1950 года, зарубежные мультинациональные корпорации в Латинской Америке «контролировали значительно большие доли промышленного производства», чем в успешно развивавшихся странах Восточной Азии. Даже Всемирный Банк допускает, что приветствуемые им иностранные инвестиции и приватизация в Латинской Америке «имели тенденцию заменить прочие потоки капитала», передавая контроль зарубежным странам и отправляя прибыли за границу. Банк также признает, что цены в Японии, Корее и на Тайване больше отклонялись от рыночных, чем в Индии,

Бразилии, Мексике, Венесуэле и в так называемых интервенционистских странах, тогда как наиболее интервенционистское и искажающее цены из всех правительств в мире, китайское, является любимым и быстрее всех растущим заемщиком денег у этого Банка. А исследования Всемирного Банка скрывают тот факт, что национализированная мед добывающая промышленность служит основным источником экспортных доходов для Чили и это лишь один из многих примеров. Похоже, что открытость международной экономике дорого стоила Латинской Америке, как и ее неспособность контролировать капитал и богачей, а не просто труд и бедняков. Разумеется, отдельные секторы населения получают выгоду, как в колониальную эпоху. И тот факт, что они так же преданы доктринам неолиберальной «религии», как и иностранные инвесторы, не следует считать неожиданным.

Роль государственного управления и государственной инициативы в странах с успешно развивавшейся экономикой должна стать общеизвестной. Аналогичный вопрос: как третий мир стал таким, каков он сегодня. Вопрос рассмотрел видный историк экономики Пол Бейроч. В недавнем важном исследовании он подчеркивает, что «нет сомнений, что экономический либерализм, навязанный третьему миру в XIX столетии, является важнейшим элементом в объяснении задержки его индустриализации», и в весьма показательном случае с Индией объясняет «процесс деиндустриализации», превративший мировую промышленную мастерскую и центр мировой торговли в глубоко обнищавшее аграрное общество, страдающее от резкого падения реальной зарплаты, недопотребления продовольствия и недоступности прочих простейших товаров потребления. «Индия оказалась только первой жертвой в очень длинном списке», замечает Бейроч, включающем «даже политически независимые страны третьего мира, которые заставили открыть свои рынки для западных продуктов». Тем време нем общества Запада предохраняли себя от рыночных порядков и развивались.

РАЗНОВИДНОСТИ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ

Это подводит нас к другой важной характеристике современной истории. Доктрина свободного рынка существует в двух разновидностях. Первая это официальная доктрина, навязанная беззащитным. Вторая то, что мы могли бы назвать «реально существующей доктриной свободного рынка»: рыночные порядки хороши для вас, но не для меня, разве что ради временных выгод. Именно «реально существующая доктрина» господствовала, начиная с XVII века, когда Британия стала наиболее развитым государством в Европе, с высоким уровнем налогообложения и эффективным руководством, организовывавшим фискальную и военную деятельность государства, которое стало «крупнейшим и единственным игроком в экономике» и в ее глобальной экспансии, как выразился британский историк Джон Бруэр.

Британия в конечном счете все-таки обратилась к либеральному «интернационализму» в 1846 году, после того, как 150 лет протекционизма, насилия и государственного контроля поставили ее далеко впереди любого конкурента. Но поворот к рынку был сделан с существенными оговорками. 40 % британского текстиля продолжало поступать в колонизованную Индию, и то же касалось британского экспорта в целом. Британскую сталь не допускали на рынки США очень высокие тарифы, позволившие Соединенным Штатам развивать собственную сталелитейную промышленность. Но Индия и прочие колонии всё же были доступными и оставались таковыми, когда британскую сталь изгнали с международных рынков с помощью ценовой политики. Индия представляет собой в этом отношении весьма поучительный случай. В конце XVIII века она производила столько же стали, сколько вся Европа, и британские инженеры в 1820 году изучали более передовые методы индийских сталелитейных заводов, стараясь преодолеть «технологический разрыв». Когда начался железнодорожный бум, Бомбей производил паровозы на конкурентоспособном уровне. Но реально существовавшая доктрина свободного рынка разрушила эти секторы индийской промышленности подобно тому, как прежде она разрушила текстильную промышленность, судостроение и прочие виды индустрии, считавшиеся тогда передовыми. Зато США и Япония избежали европейского контроля и сумели заимствовать британскую модель вмешательства государства в рынок.

Когда с японской конкуренцией стало слишком трудно справляться, Англия попросту отложила игру: Британская империя фактически закрылась для японского экспорта часть фона Второй мировой войны. В то же время индийские мануфактурщики просили защиты, но от Англии, а не от Японии. При реально существовавшей рыночной доктрине такая удача их миновала. Отказавшись от своего ограниченного варианта *laissez-faire* в 30-е годы XX века, британское правительство обратилось к более прямому вмешательству и в собственную экономику. За несколько лет станкоинструментальное производство возросло в пять раз вместе с бумом в

химической, сталелитейной, авиационной и многих других отраслях промышленности; экономический аналитик Вилл Хаттон называет это «невоспетой новой волной» промышленной революции. Промышленность, контролируемая государством, позволила Британии опередить Германию в годы войны и даже сократить разрыв с Соединенными Штатами, которые тогда претерпевали драму собственной экономической экспансии, когда менеджеры корпораций прибрали к рукам контролировавшуюся государством экономику военного времени.

Через столетие после того, как Англия обратилась к одной из форм либерального «интернационализма», по тому же пути последовали США. За полуторавековой период протекционизма и насилия США превратились в богатейшую и могущественнейшую страну мира и, подобно тому, как прежде Англия, стали замечать достоинства «ровного игрового поля», где они могли ожидать разгрома любого конкурента. Но как и Англия, Соединенные Штаты пользовались множеством оговорок.

Одна состояла в том, что как прежде Англия Вашингтон применял свою силу для подавления самостоятельного развития других стран. В Латинской Америке, Египте, Южной Азии и повсюду развитию предстояло стать «догоняющим», а не «конкурентным». Происходило также широкомасштабное государственное вмешательство в торговлю. К примеру, помощь по плану Маршалла была увязана с покупкой американских сельскохозяйственных продуктов, что послужило одной из причин того, что доля США в мировой торговле зерновыми увеличилась с менее чем 10 % перед войной до более 50 % к 1950 году, тогда как экспорт зерна из Аргентины сократился на две трети. Американская помощь «Хлеб для мира» также использовалась для субсидирования агробизнеса в США и поставок американского зерна; подобного рода политика играла роль одного из средств борьбы с независимым развитием других стран. Фактическое разрушение такими средствами зернового хозяйства в Колумбии стало одним из факторов роста ее наркоиндустрии, а в дальнейшем неолиберальная политика значительно ускорила этот рост во всем регионе Анд. В то время как текстильная промышленность Кении потерпела крах в 1994 году, когда администрация Клинтона навязала квоту, преградившую путь развития, пройденный каждой индустриальной страной, «африканских реформаторов» предупредили, что им следует продвигаться дальше, улучшая условия для деятельности бизнеса и «скрепив печатью реформы свободного рынка» ради такой политики в торговле и инвестициях, которая будет отвечать требованиям западных инвесторов.

И это лишь некоторые из разрозненных иллюстраций.

Однако же, наиболее значительные отклонения от доктрины свободного рынка заключаются в другом. Один из основополагающих постулатов теории свободной торговли гласит, что государственные субсидии не допускаются. Но после Второй мировой войны лидеры американского бизнеса ожидали, что без государственного вмешательства экономика устремится назад прямо к депрессии. Они также

настаивали на том, что высокоразвитая промышленность, особенно авиационная, хотя вывод был более обобщенным, «не может удовлетворительно существовать в конкурентоспособной, несубсидируемой экономике, основанной только на свободном предпринимательстве» и что «правительство единственно возможный ее спаситель». Я цитирую основные деловые издания, в которых также признавалось, что система Пентагона лучший способ переложить расходы на общество. Они понимали, что социальные расходы могли бы играть ту же стимулирующую роль, но это не прямая субсидия для корпоративного сектора, ибо она связана с демократизацией и является перераспределительной. Военным расходам не свойствен ни один из таких «недостатков».

Изделия военной промышленности также легко продавать. Секретарь президента Трумэна по военно-воздушным силам выразил это просто: нам не следует пользоваться словом «субсидия», сказал он; мы должны употреблять слово «безопасность». Он убедился, что военный бюджет способен по его выражению «удовлетворить потребности авиационной промышленности». Одним из последствий этого стало то, что гражданские воздушные суда представляют собой теперь ведущий предмет экспорта США, а основанная на производстве самолетов гигантская индустрия путешествий и туризма служит источником важнейших прибылей.

Так, Клинтон счел вполне подходящим избрать «Боинг» в качестве «образца для компаний по всей Америке», когда на Азиатско-тихоокеанском саммите в 1993 году он под бурные аплодисменты проповедовал собственное «новое видение будущего, связанного со свободным рынком». Превосходный пример реально существующих рынков, производство гражданских воздушных судов теперь находится в руках преимущественно двух фирм, «БоингМакдональд» и «Эйрбас», каждая из которых обязана своим существованием и успехом широкомасштабной государственной поддержке. Та же модель преобладает в производстве компьютеров и вообще в электронике, в автоматике, биотехнологии, средствах коммуникации, а фактически почти в каждом динамично развивающемся секторе экономики.

Рейгановской администрации не требовалось разъяснять доктрину «реально существующего капитализма свободного рынка». Ее сотрудники являлись мастерами своего дела: превознося прелести рынка перед бедными, они гордо похвалялись перед деловым миром тем, что Рейган «дал больше субсидий американской индустрии, чем любой из его предшественников более чем за полвека», слишком уж скромное утверждение, ибо они превзошли всех предшественников вместе взятых, когда «руководили крупнейшим сдвигом в сторону протекционизма после 30-х годов XX века», так комментировал рейгановское десятилетие обзор в журнале «Форин афферз». Без этой и других крайних мер государственного вмешательства в рынок сомнительно, чтобы сталелитейная, автомобильная, станкоинструментальная или полупроводниковая промышленности справились с японской конкуренцией или же оказались способными лидировать в новых технологиях с важнейшими для всей экономики последствиями. Этот опыт опять-таки иллюстрирует, что «традиционная

мудрость полна дыр», как говорится в другой статье в «Форин афферз», посвященной эпохе Рейгана. Но традиционная мудрость сохраняет свои качества идеологического оружия ради усмирения беззащитных.

Как США, так и Япония только что объявили о новых важнейших программах инвестиций в передовые технологии в авиационной и полупроводниковой отраслях промышленности, чтобы поддержать частный индустриальный сектор государственными субсидиями.

Чтобы проиллюстрировать, что такое «реально существующая теория свободного рынка» с помощью других свидетельств, отметим, что в обширном исследовании транснациональных корпораций (ТНК) Уинфрид Рейгрок и Роб ван Тульдер обнаружили, что «по сути дела все крупнейшие основные фирмы мира испытали определяющее воздействие со стороны правительственной политики и торговых барьеров, касающихся их стратегии и конкурентоспособности», и «по меньшей мере двадцать компаний в списке из 100 наиболее успешных компаний из журнала «Форчун» за 1993 год вообще не выжили бы в качестве независимых компаний, если бы их не спасли правительства их стран», или социализацией убытков, или просто передачей контроля государству, когда они попали в беду. Одна из них ведущий работодатель в глубоко консервативном районе Гингрича, компания «Локхид», оказалась спасенной от развала гарантиями крупных правительственных займов. В том же исследовании подчеркивается, что правительственное вмешательство, которое «было скорее правилом, чем исключением в течение двух прошедших столетий... сыграло ключевую роль в развитии и распространении множества новинок в продуктах и процессах производства особенно в авиакосмической и электронной промышленности, в современном сельском хозяйстве, технологиях производства материалов, энергетике и транспортной технологии», а также вообще в телекоммуникационной и информационной технологиях (наиболее впечатляющие недавние примеры Интернет и World Wide Web), а в прежние времена в текстильной и сталелитейной промышленности и, разумеется, в энергетике. Правительственная политика «была и остается подавляющей силой в формировании стратегий и конкурентоспособности крупнейших фирм мира». Другие технические исследования подтверждают эти выводы.

Обо всем этом можно сказать гораздо больше, но один вывод представляется довольно ясным: санкционированные доктрины ловко придумываются и применяются ради власти и выгоды. Современные «эксперименты» следуют знакомому образцу, когда принимают форму «социализма для богатых» в рамках системы глобального корпоративного меркантилизма, в которой «торговля» состоит в значительном количестве сделок, осуществляемых в пределах одних и тех же фирм под центральным руководством, когда эти фирмы представляют собой гигантские организации, связанные со своими конкурентами стратегическими альянсами, когда все они тираничны по внутренней структуре, спланированной таким образом, чтобы препятствовать демократическому принятию решений и предохранять хозяев от

рыночной дисциплины. Предполагается, что этим неумолимым доктринам должны обучаться бедные и беззащитные.

Итак, мы можем спросить, насколько «глобальна» экономика на самом деле и в какой мере она может подвергаться народному демократическому контролю. Если брать за отправную точку торговлю, финансовые потоки и прочее, то в настоящее время экономика не более глобальна, чем в начале двадцатого века. Более того, ТНК в значительной степени опираются на государственные субсидии и внутренние рынки, а их международные сделки, включая торговые сделки под другими, производятся преимущественно в пределах Европы, Японии и США, где действительны политические меры и нет страха перед военными путчами и тому подобным. Здесь бывает много нового и значительного, однако не очень-то можно поверить в то, что процессы «вышли из-под контроля», даже если мы будем придерживаться существующих механизмов.

Может быть, в том, что мы должны их придерживаться, состоит некий закон природы? Нет, если мы серьезно проанализируем доктрины классического либерализма. Так, хорошо известно, что Адам Смит восхвалял разделение труда. Однако при этом остается практически неизвестным то, что он обличал его бесчеловечные последствия, превращающие трудящихся в объекты «настолько глупые и невежественные, насколько это возможно для человеческого существа», а это «в любом приличном и цивилизованном обществе следует предотвращать» правительственными действиями, направленными на преодоление разрушительной силы «невидимой руки». Также не слишком-то рекламируется мнение Смита о том, что правительственное «регулирование в пользу трудящихся всегда справедливо и равноправно», но «когда оно в пользу хозяев», оно не таково. Или возьмем его призыв к равенству доходов, образующий ядро его аргументации в пользу свободного рынка.

Другие ведущие представители классической либеральной традиции идут гораздо дальше. Вильгельм фон Гумбольдт порицал наемный труд как таковой: он писал, что если рабочий трудится под внешним контролем, то «мы можем восхищаться тем, что он делает, но презираем то, что он есть». «Ремесло совершенствуется, ремесленник деградирует», заметил Алексис де Токвиль. Также великая фигура либерального пантеона, Токвиль соглашался со Смитом и Джефферсоном в том, что равенство доходов является важной чертой свободного и справедливого общества. Сто шестьдесят лет назад он предупреждал об опасностях «постоянного неравенства условий» и о конце демократии, который наступит, если «аристократия мануфактурщиков, растущая на наших глазах» в Соединенных Штатах, «одна из самых грубых, которые когда-либо существовали в мире», вырвется за пределы положенных ей рамок, что она впоследствии и сделала, выйдя за грань наихудших кошмаров Токвиля.

Я лишь едва касаюсь запутанных и занимательнейших вопросов, которые, по моему, наводят на мысль о том, что основные принципы классического либерализма обретают свое естественное современное выражение не в неолиберальной «религии»,

а в самостоятельных действиях трудящегося народа и в идеях и практической деятельности свободлюбивых социалистов, на что обращали внимание такие крупнейшие мыслители XX века, как Бертран Рассел и Джон Дьюи.

Надо осмотрительно оценивать доктрины, господствующие на интеллектуальной сцене, и относиться с неусыпным вниманием к аргументации, фактам и урокам прошедшей и современной истории. Бесмысленно спрашивать, что «правильно» для конкретных стран, как будто эти страны имеют общие для всех граждан интересы и ценности. К тому же то, что может быть правильно для народа Соединенных Штатов, обладающего несравненными преимуществами, вполне может быть неправильно для других, имеющих гораздо более узкий диапазон выбора. При этом, однако же, мы можем осмысленно предполагать, что то, что правильно для людей всего мира, лишь по весьма маловероятной случайности может соответствовать планам «главных архитекторов». И теперь существует не больше оснований, чем их было когда-либо прежде, позволять этим «главным архитекторам» устраивать будущее в их собственных интересах.

Вариант этой статьи был первоначально опубликован в Южной Америке в переводах на испанский и португальский языки в 1996 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Создание постоянных европейских поселений или кварталов в некоторых странах Востока. Прим. пер.

2. Имеется в виду Ньют Гингрич, ультраправый республиканец, победивший в 1994 году на выборах в Конгресс; о нем см. следующую статью. Прим. пер.

II. СОГЛАСИЕ БЕЗ СОГЛАСИЯ: МАНИПУЛЯЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ

Подлинно демократическое общество должно основываться на принципе «согласия управляемых». Эта идея снискала всеобщее признание, но с ней можно поспорить и как со слишком сильной, и как со слишком слабой. Она является слишком сильной, поскольку наводит на мысль о том, что народ должен быть управляемым и контролируемым. Она является слишком слабой, поскольку даже самые жестокие правители в известной мере нуждаются в «согласии управляемых» и обычно добиваются его, причем не только силой.

Меня интересует здесь то, как обстоит дело с этими вопросами в тех обществах, где есть свобода и демократия. На протяжении долгих лет народные массы пытались добиться большего участия в управлении собственными делами. На этом пути им удалось достичь определенных успехов, но пришлось испытать и горечь многих поражений. Между тем, появился определенный набор мудрых мыслей, оправдывающих сопротивление демократии со стороны элиты. Тем, кто надеется понять прошлое и сформировать будущее, хорошо было бы уделить серьезное внимание не только практике такого сопротивления, но и поддерживающей его доктринальной основе.

Эти вопросы рассматривались 250 лет назад в классических работах Давида Юма. Юм был поражен той «легкостью, с какой большинство управляется немногими, той безоговорочной покорностью, с которой люди вверяют судьбу своим правителям». Он находил это удивительным, поскольку «сила всегда на стороне управляемых». Если бы люди осознали это, они бы восстали и сбросили иго своих господ. Отсюда Юм сделал вывод, что управление основывается на контроле над мнением и что этот принцип «распространяется как на наиболее деспотичные и военные правительства, так и на самые свободные и народные».

Конечно же, Юм недооценивал действенность грубой силы. Более точным вариантом его утверждения будет следующее: чем «свободнее и популярнее» правительство, тем более необходимым становится для него опора на контроль за мнением ради обеспечения подчинения правителям.

То, что народ должен подчиняться, принимается как должное почти всеми типами управления. В демократии управляемые имеют право на согласие, но ничуть не больше. По терминологии современной прогрессивной мысли, население может играть роль «зрителей», но не «участников», если отвлечься от случайного выбора из среды лидеров, представляющих подлинную власть. Такова политическая арена. Население должно быть полностью удалено и с арены экономической, где в значительной степени определяется то, что происходит в обществе. Согласно преобладающей демократической теории, в экономике широкая общественность не должна играть никакой роли. На протяжении истории эти положения оспаривались, но особенную важность данные вопросы приобрели после первого в новое время

подъема демократии в Англии XVII века. Смута той эпохи часто описывается как конфликт между королем и парламентом, однако как это часто бывает изрядная часть населения не желала быть управляемой ни одним из претендентов на власть, но лишь, как заявлялось в их памфлетах, «простолюдинами (countrymen) вроде нас, которые знают наши нужды», а «не рыцарями и джентльменами», которые «не ведают недугов народа» и будут «лишь угнетать нас».

Такие мысли причиняли большое беспокойство «достойнейшим мужам», как они сами себя называли, а по современной терминологии, «ответственным людям». Они были готовы пожаловать народу права, но лишь ограниченные, и с условием, что под «народом» не будет подразумеваться неорганизованная и невежественная чернь. Но как примирить этот основополагающий принцип социальной жизни с доктриной «согласия управляемых», которую в то время было не так-то легко подавить? Одно из решений проблемы предложил современник Юма Фрэнсис Хатчесон, выдающийся философ морали. Он выдвинул тезис, что принцип «согласия управляемых» не нарушается, когда правители навязывают общественности отвергаемые ею планы, если впоследствии «глупые» и «суеверные» массы «охотно согласятся» с тем, что «ответственные люди» сделали от их имени. Мы можем принять принцип «согласия без согласия» термин, впоследствии применявшийся социологом Франклином Генри Гиддингом. Хатчесона беспокоил контроль над чернью в родной стране, Гиддингса принудительное наведение порядка за границей. Он писал о Филиппинах, стране, которую в то время освобождала армия США, одновременно освобождая и несколько сот тысяч душ от земных забот, или же, как выражалась пресса, «устраивая массовые убийства туземцев на английский лад», чтобы «сбившиеся с пути праведного существа», оказывающие нам сопротивление, хотя бы «уважали наше оружие», а впоследствии признали, что мы желаем им «свободы» и «счастья». Чтобы объяснить все это в пристойно цивилизованных тонах, Гиддингс изобрел понятие «согласие без согласия»: «Если в последующие годы [завоеванный народ] поймет и признает, что оспариваемая им зависимость служила высшим интересам, то есть все основания утверждать, что эта власть была навязана с согласия управляемых», подобно тому, как родитель запрещает ребенку бегать по оживленной улице.

В этих объяснениях схвачен реальный смысл доктрины «согласия управляемых». Люди должны подчиняться своим правительствам, и будет достаточно, если они дадут согласие без согласия. В тираническом государстве или на зарубежных территориях допускается применение силы. Если же ресурсы насилия ограничены, согласие управляемых должно достигаться с помощью приема, который прогрессивное и либеральное мнение называет «изготовлением согласия».

Мощная PR-индустрия от самых ее истоков в начале XX столетия занималась «контролем над общественным мнением» так ее задачу описывали заправилы бизнеса. И они действовали в соответствии со своими словами; это одна из центральных тем современной истории. Того, что PR-индустрия получила развитие прежде всего в «самой свободной» стране мира, как раз и следовало ожидать при правильном

понимании максимы Юма.

Прошло несколько лет после выхода в свет процитированных произведений Юма и Хатчесона, и проблемы, вызванные чернью в Англии, распространились на восставшие колонии в Северной Америке. Отцы-основатели США повторяли настроения британских «достоинейших мужей» почти в тех же словах. Вот как об этом писал один из них: «Когда я говорю об общественности, то я имею в виду только разумную ее часть. Невежественные люди и плебеи столь же неспособны судить о способах [правления], сколь неспособны они справляться с [его] браздами». Его коллега Александр Гамильтон заявил, что народ это «большой зверь», которого надо укротить. Склонных к бунту и независимых крестьян надо учить иногда насильно тому, что идеалы революционных памфлетов не следует принимать всерьез. Простые люди должны иметь представителей в лице не подобных им простолюдинов, которые знают недуги народа, а в лице дворян, купцов, юристов и прочих «ответственных людей», которым можно поручить защиту привилегий.

Господствующая доктрина была ясно выражена президентом Континентального Конгресса и первым главным судьей Верховного Суда Джоном Джеем: «Люди, которым принадлежит страна, должны управлять ею». Осталось разрешить один вопрос: а кому же принадлежит страна? На этот вопрос предстояло ответить растущим частным корпорациям и структурам, предназначенным их защищать и поддерживать, хотя до сих пор не так-то просто принудить общественность ограничиться зрительской ролью.

Если мы надеемся понять сегодняшний и завтрашний мир, то Соединенные Штаты, разумеется, представляют собой для исследования наиболее показательный пример. Одна причина тому их несравненная мощь. Другая их стабильные демократические институты. Кроме того, США больше других стран приближались к *tabula rasa*. Америка может быть «столь счастливой, сколь ей угодно», заметил Томас Пейн в 1776 году: «у нее есть чистый лист бумаги, чтобы писать на нем». Туземные общества были в значительной степени исключены из общего процесса. К тому же в США мало что осталось от более ранних европейских структур, что объясняет относительную слабость общественного договора и систем, на которые он опирается, зачастую уходящих корнями в докапиталистические институты. И еще: социальный и политический строй был спланирован в необычайной степени сознательно. Изучая историю, мы не можем проводить эксперименты, но США ближе других стран к «идеальному случаю» государственно-капиталистической демократии.

Кроме того, основным разработчиком этой модели являлся Джеймс Мэдисон, проницательный политический мыслитель, чьи взгляды, в основном, возобладали. В дебатах по поводу конституции Мэдисон подчеркивал, что если бы в Англии «выборы были открыты для всех классов общества, то собственность землевладельцев пошатнулась бы. Вскоре оказался бы принят аграрный закон», передающий землю безземельным. Конституционная система должна быть спроектирована так, чтобы предотвратить такую несправедливость и «обеспечить постоянные интересы страны»,

которые являются правами собственности.

Среди историков, изучающих Мэдисона, существует консенсус относительно того, что «конституция была по сути аристократическим документом, предназначенным для сдерживания демократических тенденций того периода», передав власть людям «лучшего сорта» и исключив тех, кто не был богатым, знатным или выдающимся в силу распоряжения политической властью (Ланс Бэннинг). Основная ответственность правительства состоит в «защите состоятельного меньшинства от большинства» заявил Мэдисон. Таков ведущий принцип демократической системы от ее истоков и по сей день.

В публичной дискуссии Мэдисон говорил о правах разных меньшинств, но совершенно ясно, что он подразумевал конкретное меньшинство, а именно, «состоятельное меньшинство». Современная политическая теория акцентирует мнение Мэдисона о том, что «при справедливом и свободном правлении права и собственности, и личности должны быть действенным образом защищены». Но в этом случае полезно взглянуть на доктрину более пристально. Нет прав собственности, есть лишь права на собственность, то есть права лиц, имеющих собственность. Допустим, я имею право на автомобиль, но мой автомобиль никаких прав не имеет. Следовательно, право на собственность отличается от других прав тем, что если одно лицо обладает собственностью, то другие этого права лишены: если я обладаю моим автомобилем, то вы нет, однако в справедливом и свободном обществе моя свобода слова не ограничит вашу. Следовательно, принцип Мэдисона заключается в том, что правительство должно охранять права личностей вообще, но при этом обязано обеспечить особые дополнительные гарантии для одного класса лиц, для собственников.

Мэдисон предвидел, что с течением времени демократическая угроза, вероятно, станет серьезнее из-за роста «числа тех, кто будет работать, испытывая всевозможные трудности жизни, и тайно вздыхать о более равном распределении ее благ». Мэдисон опасался того, что эти люди приобретут влияние. Он беспокоился по поводу «симптомов уравнительного духа», который уже возник, и предупреждал «о грядущей опасности», если право голоса отдаст «власть над собственностью в руки тех, кто ее не имеет». «Нельзя ожидать, что те, у кого нет собственности или надежды приобрести ее, будут в достаточной степени симпатизировать ее правам», объяснял Мэдисон. Его решением было навсегда доверить политическую власть тем, кто «владеет богатством нации и представляет его», «более способному кругу людей», а широкую общественность держать в состоянии раздробленности и дезорганизации.

Проблема «уравнительного духа», конечно же, возникает и за границей. Мы многое узнаём о «реально существующей демократической теории», изучая то, как эта проблема воспринимается. В особенности полезными здесь могут оказаться секретные документы, предназначенные для внутреннего пользования, в которых лидеры могут излагать свои мысли с большей долей искренности и открытости.

Возьмем важный пример Бразилии, этого «колосса на юге». Во время визита в 1960

году президент Эйзенхауэр заверил бразильцев в том, что «наша социально ориентированная система частного предпринимательства благоприятствует всему народу, собственникам и рабочим в равной степени... В свободе бразильский рабочий счастливо демонстрирует радости жизни при демократической системе». Посол добавил, что влияние США «сломало старые порядки в Южной Америке», распространив в ней «такие революционные идеи, как обязательное бесплатное образование, равенство перед законом, относительно бесклассовое общество, ответственная демократическая система правления, свободное предпринимательство, основанное на конкуренции, и баснословно высокий жизненный уровень для масс».

Но бразильцы резко прореагировали на хорошую новость, принесенную их северными наставниками. Латиноамериканские элиты «подобны детям» информировал госсекретарь Джон Фостер Даллес Национальный Совет по безопасности «и они практически неспособны к самоуправлению». И, что еще хуже, США «безнадежно отстали от Советов в разработке методов контроля над умами и эмоциями неискушенных народов». Даллес и Эйзенхауэр выразили озабоченность по поводу коммунистической «способности устанавливать контроль над движениями масс», тогда как «мы к этому неспособны»: «они обращаются именно к бедным людям и они всегда хотели грабить богачей».

Иными словами, проблема власть имущих заключается в том, что им трудно внушить народу доктрину, согласно которой богатые должны грабить бедных. Эта проблема пропаганды не решена до сих пор.

Администрация Кеннеди пыталась решить вышеупомянутую проблему, переориентировав латиноамериканских военных с задачи «обороны полушария» на обеспечение «внутренней безопасности», что возымело роковые последствия, начиная с жестокого и кровавого военного переворота в Бразилии. Вашингтон считал военных в Бразилии «островом здравомыслия», и посол Кеннеди, Линкольн Гордон, приветствовал этот путч как «демократическое восстание», ставшее поистине «уникальной и наиболее решительной победой свободы в середине XX века». Бывший экономист из Гарвардского университета, Гордон добавлял, что эта «победа свободы» то есть насильственное свержение парламентской демократии обязательно создаст «значительно лучший климат для частных инвестиций», чем способствовал дальнейшему прояснению оперативного смысла терминов «свобода» и «демократия».

Спустя два года министр обороны США Роберт Макнамара проинформировал своих коллег о том, что «политика США по отношению к латиноамериканским военным в целом оказалась весьма эффективной, так как они добились поставленных перед ними целей». Эта политика улучшила «возможности достижения внутренней безопасности» и способствовала установлению «преобладающего военного влияния США». Латиноамериканские военные понимают свои задачи и обеспечены всем необходимым для их выполнения благодаря принятым Кеннеди программам военной помощи и подготовки. Эти задачи включают свержение гражданских правительств «повсюду, где, по мнению военных, поведение этих лидеров вредит благополучию

нации». Интеллектуалы из окружения Кеннеди поясняли, что такие действия военных необходимы «в латиноамериканской культурной среде». И теперь, когда эти военные обрели «понимание целей США и начали на них ориентироваться», мы можем быть уверены, что эти действия будут выполнены как следует. Это обеспечивает должный исход «революционной борьбы за власть между основными группами, образующими нынешнюю классовую структуру» в Латинской Америке, исход, который защитит «частные инвестиции США» и их торговлю, «экономические корни», находящиеся в центре «политических интересов США в Латинской Америке».

Таковы секретные документы, на этот раз либерализма Кеннеди. Публичные речи, естественно, от них отличаются. Если мы будем придерживаться публичных речей, мы мало что поймем в истинном значении «демократии» или в событиях прошедших лет, связанных с мировым порядком. В этом случае непостижимым для нас окажется и будущее, поскольку бразды правления по-прежнему находятся в тех же самых руках.

Более серьезные ученые прекрасно понимают суть дела. «Государства национальной безопасности», насажденные и поддерживаемые Соединенными Штатами, обсуждаются в серьезной книге Ларса Шульца, одного из ведущих специалистов по Латинской Америке. Их целью, по его словам, была «непрерывная борьба с замеченной угрозой существующим структурам социально-экономических привилегий посредством исключения из политики большинства населения», «большого зверя» Гамильтона. В самом США цели в основе своей те же, хотя средства их достижения другие.

Этот образец продолжает действовать и сегодня. Чемпионом по нарушениям прав человека в западном полушарии является Колумбия, но ведь это и главный получатель американской военной помощи и подготовки за последние годы. Предлогом для нее служит «война с наркобизнесом», однако это «миф», о чем регулярно сообщают основные группы по правам человека, церковь и прочие исследователи потрясающих фактов зверств и близких связей между наркоторговцами, землевладельцами, военными и их партнерами из полувоенных формирований. Государственный террор сокрушил народные организации и фактически уничтожил единственную независимую политическую партию в стране убийствами тысяч активистов, в том числе кандидатов в президенты, мэров и других. Тем не менее, Колумбия приветствуется как стабильная демократия, что опять же изобличает, что имеется в виду под «демократией».

Особенно поучительным примером служит реакция на первый демократический эксперимент Гватемалы. В этом случае документы частично доступны, поэтому нам известно многое об идеях, направивших американскую политику в отношении этой страны. В 1952 году ЦРУ предупреждало, что «радикальная и националистическая политика» правительства снискала «поддержку или молчаливое согласие почти всех гватемальцев». Правительство «мобилизовало бывшее до сих пор политически инертным крестьянство» и создавало «массовую поддержку нынешнего режима»

посредством орга низаций трудящихся, аграрной реформы и прочих политических действий, «отождествлявшихся с революцией 1944 года», которая пробудила «мощное национальное движение с целью освободить Гватемалу от военной диктатуры, социальной отсталости и «экономического колониализма», которые были свойственны модели прошлого». Политика демократического правительства «получала поддержку и одобрение со стороны большинства политически сознательных гватемальцев и соответствовала их личным интересам». Разведка Госдепартамента сообщала, что демократическое руководство «настаивало на сохранении открытой политической системы», тем самым позволяя коммунистам «расширить их операции и эффективно воздействовать на различные группы населения». Эти недуги демократии были излечены военным переворотом 1954 года и установившимся с тех пор царством террора, постоянно пользовавшимся широкомасштабной поддержкой США.

Проблема обеспечения «согласия» возникла и в международных организациях. Поначалу ООН служила надежным орудием американской политики и вызывала большой восторг. Но деколонизация породила то, что впоследствии назвали «тиранией большинства». Начиная с 60-х годов XX века, Вашингтон взял на себя инициативу по наложению вето на резолюции Совета Безопасности (Британия была второй, а Франция на некотором отдалении третьей) и голосовал в одиночестве или с несколькими государствами-сателлитами против резолюций Генеральной Ассамблеи. ООН впала в немилость, и начали появляться здравые статьи с вопросами о том, почему мир «противостоит Соединен ным Штатам»; мысль о том, что Соединенные Штаты могут противостоять миру, чересчур причудлива, чтобы ее поддерживать. Отношения США с Международным судом и прочими международными организациями претерпели аналогичную эволюцию, к чему мы еще вернемся.

Мои комментарии по поводу мэдисоновских корней господствующих понятий демократии грешат несправедливостью в одном важном отношении. Подобно Адаму Смиту и прочим основоположникам классического либерализма, Мэдисон по своему духу был мыслителем докапиталистического и антикапиталистического склада. Он ожидал, что правителями станут «просвещенные государственные мужи» и «благожелательные философы», «чья мудрость может наилучшим образом разглядеть истинные интересы их страны». А также, что они будут «совершенствовать» и «обогащать» «взгляды народа», охраняя подлинные интересы страны от «злонамеренности» демократического большинства, но просвещенным и благожелательным образом.

Вскоре Мэдисон получил урок совершенно иного свойства: «зажиточное меньшинство» начало использовать обретенную власть во многом так, как за несколько лет до этого предрекал Адам Смит. Это меньшинство было полно решимости проводить в жизнь то, что Смит называл «подлой максимой» хозяев: «Всё для нас и ничего для других». В 1792 году Мэдисон предупредил, что возникающее развитое капиталистическое государство «заменяло мотив общественного долга

мотивом личной выгоды», что привело к «реальному господству немногих под личиной мнимой свободы многих».

Он порицал «дерзкую развращенность сего века», когда частные собственники «становятся преторианской бандой правительства его орудиями и тиранами одновременно, подкупленными его щедротами и внушающими ему благоговейный страх громкими протестами и заговорами». Они бросают на общество тень, которую мы называем «политикой», комментировал впоследствии Джон Дьюи. Один из крупнейших философов XX века и ведущая фигура североамериканского либерализма, Дьюи подчеркивал, что демократия практически лишена содержания, если жизнью страны управляет большой бизнес, контролирующий «средства производства, обмен, рекламное дело, транспорт и связь и подчинивший себе прессу, журналистов и различные средства рекламы и пропаганды». Помимо этого, он утверждал, что в свободном и демократическом обществе рабочие должны быть «хозяевами своей трудовой судьбы», а не инструментами, нанятыми своими хозяевами, эти идеи можно проследить вплоть до классического либерализма и эпохи Просвещения, они непрерывно всплывали в народных движениях и в США, и в других странах.

За прошедшие 200 лет произошло много изменений, но предупреждения Мэдисона стали лишь более уместными и приобрели новый смысл с установлением великих частнособственнических тираний, которых наделили мощнейшей властью в начале XX века. Сперва это сделали суды. Теории, предназначенные для оправдания этих «коллективных правовых субъектов», как иногда их называют историки права, основаны на идеях, которые лежат в основе также фашизма и большевизма: права этих субъектов выше и значительнее, чем права личностей. Эти «коллективные правовые субъекты» пользуются значительными льготами, предоставляемыми им государством; более того, эти «коллективные правовые субъекты» по сути дела повелевают государствами, оставаясь, по выражению Мэдисона, «и орудиями, и тиранами». Они установили прочный контроль над национальной и международной экономикой, равно как и над информационной системой и системой идеологических представлений общества. Это положение дел напоминает еще об одном предупреждении: «народное правительство без народной информации или средств ее получения это лишь пролог к фарсу или к трагедии, а то и к тому, и к другому».

Теперь взглянем на доктрины, хитроумно изготовленные ради насаждения современных форм политической демократии. Они с большой точностью изложены в важном учебнике по PR-индустрии, написанном одной из его ведущих фигур, Эдуардом Бернайсом. Он начинает с замечания о том, что «сознательная и разумная манипуляция организованными привычками и мнениями масс является важным элементом демократического общества». Ради выполнения этой основополагающей задачи «разумные меньшинства должны использовать пропаганду непрерывно и систематически «, потому что только они «понимают ментальные процессы и социальные модели в массах» и могут «дергать за веревочки, управляющие

общественным мнением». Потому-то наше «общество и согласилось с тем, что его руководство и пропаганда организовали свободную конкуренцию», другой случай «согласия без согласия». Пропаганда снабжает руководство меха низмом «формирования мнения масс», чтобы «массы применили свою вновь обретенную силу в желательном направлении». Руководство «может муштровать каждый элемент общественного мнения подобно тому, как армия муштрует тела своих солдат». Такой процесс «изготовления согласия» является самой «сутью демократического процесса», писал Бернайс незадолго до того, как в 1949 году был награжден за свои работы Американской Психологической Ассоциацией.

Важность «контроля над общественным мнением» признавалась с растущей отчетливостью по мере того, как народным движениям удавалось расширять процесс демократизации, тем самым породив то, что либеральные элиты называют «кризисом демократии»: население, обыкновенно пассивное и апатичное, становится организованным и стремится выйти на политическую арену, чтобы реализовать собственные интересы и требования, угрожая тем самым стабильности и порядку. Как объяснил проблему Бернайс, «всеобщее избирательное право и школьное обучение... в конце концов, привело к тому, что простого народа стала страшиться даже буржуазия. Ибо массы обещали сделаться королем», но была надежда, что эту тенденцию удастся повернуть вспять по мере того, как изобретались и внедрялись новые методы «формирования мнения масс».

Хороший либерал эпохи «нового курса», Бернайс получил свою квалификацию в Комитете Вудро Вильсона по публичной информации, первом американском агентстве по государственной пропаганде. «Потрясающий успех пропаганды в годы войны открыл глаза разумному меньшинству во всех жизненных сферах на возможности манипуляции общественным мнением», писал Бернайс в своем РРучебнике под названием «Пропаганда». Представителям разумного меньшинства, вероятно, было невдомек, что их «потрясающий успех» в немалой степени объяснялся пропагандистскими утками о гуннских зверствах, уготованных им британским Министерством информации, которое тайно определило свою задачу так: «направлять мысли большинства жителей земного шара».

Всё это хорошая вильсонианская доктрина, известная как «вильсонианский идеализм» в политической теории. Согласно собственным взглядам Вильсона, элита джентльменов с «возвышенными идеалами» необходима для поддержания «стабильности и справедливости». И именно разумное меньшинство «ответственных людей» должно осуществлять контроль над принятием решений писал Уолтер Липпман, другой ветеран Комитета Вильсона по пропаганде, в своих влиятельных очерках по демократии. Липпман был также наиболее уважаемой фигурой в журналистике США и выдающимся комментатором по социальным вопросам в течение полувека. Он детально разработал теорию, согласно которой разумное меньшинство представляет собой «специализированный класс», ответственный за ориентацию политики и «формирование здравого общественного мнения». Этот

класс должен быть избавлен от вмешательства со стороны широкой публики, «невежественных аутсайдеров, сующихся не в свое дело». Публику нужно «поставить на место», продолжал Липпман; ее «функция» быть «наблюдателями действия», а не его участниками, не считая периодически проходящих выборов, на которых публике приходится выбирать своих руководителей из среды специализированного класса. Лидерам же надо предоставить свободу работы в «технократической изоляции» (мы заимствуем новейшую терминологию Всемирного Банка).

В своей «Энциклопедии социальных наук» Гарольд Лассуэлл, один из основоположников современной политологии, предупреждал, что разумное меньшинство должно «распознавать невежество и идиотизм масс» и не поддаваться «демократическому догматизму, согласно которому простые люди наилучшие судьи собственных интересов». Не они наилучшие судьи, а мы. Массы следует контролировать ради их же блага, и в наиболее демократических обществах, где сила не применяется, социальным менеджерам придется обратиться к «совершенно новому методу контроля, в значительной степени с помощью пропаганды».

Заметьте, что это хорошая ленинистская доктрина. Аналогии между прогрессивной теорией демократии и марксизмом-ленинизмом довольно-таки удивительны, хотя Бакунин предсказывал их задолго до нашего времени.

Вместе с правильным пониманием идеи «согласия» мы угадываем, что претворение в жизнь планов бизнеса, сопровождающееся игнорированием возражений широкой общественности, происходит «с согласия управляемых»: одна из форм «согласия без согласия». Вот честное описание того, что происходит в Соединенных Штатах. Между предпочтениями публики и публичной политикой зачастую бывает зазор. В последние годы этот зазор сделался значительным. Следующее сравнение проливает дальнейший свет на функционирование демократической системы.

Более 80 % общественности полагает, что управление Соединенными Штатами «осуществляется ради выгоды немногих и ради особых интересов, но не для народа» что выше 50 % в предшествовавшие годы. Свыше 80 % считает, что экономическая система «по сути несправедлива» и что рабочие слишком мало влияют на происходящие в стране события. Более 70 % ощущает, что «бизнес приобрел чересчур большую власть над слишком многими аспектами американской жизни». И в пропорции чуть ли не 20:1 общественность полагает, что корпорациям «следовало бы иногда жертвовать частью своей прибыли для улучшения положения их рабочих и сообществ».

В важнейших аспектах общественность упрямо остается на социал-демократических позициях. Подобное положение дел имело место даже в годы правления Рейгана, несмотря на изрядное количество мифов, утверждающих обратное. Но мы также должны заметить, что этим позициям далеко до идей, одушевлявших демократические революции. Рабочий народ Северной Америки в XIX веке не умолял своих правителей сделаться более благосклонными. Скорее он отрицал их право на

управление. «Те, кто работает на заводах, должны владеть ими», требовала рабочая печать, поддерживая идеалы американской революции в том виде, как их понимала опасная чернь.

Состоявшиеся в 1994 году выборы в Конгресс поучительный пример несовпадения риторики и фактов. Их назвали «политическим землетрясением», «обвальная победой» и «триумфом консерватизма», отражающим продолжающийся «дрейф вправо», когда избиратели дали «всепобеждающий народный мандат» ультраправой армии Ньюта Гингрича, который обещал «сбросить правительство с наших спин» и вернуть счастливые дни, когда царил свободный рынок.

Если обратиться к фактам, то «обвальная победа» была одержана с участием лишь чуть более половины проголосовавших, что составляет около 20 % электората, и эти цифры почти не отличаются от происшедшего двумя годами раньше, когда выиграли демократы. Один из шести проголосовавших описал результат как «подтверждение повестки дня республиканцев». Один из четырех слышал о «Договоре с Америкой», в котором была представлена эта повестка дня. А будучи осведомленным, громадное большинство населения по сути дела противостояло всему этому. Около 60 % общественности желало повышения социальных расходов. Год спустя 80 % общественности утверждало, что «федеральное правительство должно защищать наиболее уязвимые категории общества, в особенности бедных и пожилых людей, гарантируя им минимальный жизненный уровень и обеспечивая их социальными пособиями». От 80 до 90 % американцев поддерживают федеральные гарантии государственной помощи для нетрудоспособных, страховку по безработице, льготы на лекарства по рецептам и санитарный уход на дому для пожилых людей, минимальный уровень цен в здравоохранении, а также социальные гарантии. 3/4 американцев поддерживают федеральные гарантии охраны детства (детсады и ясли) для работающих матерей с низкими доходами. Стойкость таких взглядов особенно поразительна в свете неослабевающего натиска пропаганды с целью убедить общественность, что она исповедует совсем «не те» убеждения.

Исследования общественного мнения показывают, что чем больше избиратели узнавали о программе республиканцев в Конгрессе, тем сильнее они противостояли этой партии и ее программе для Конгресса. Знаменосец «революции» Ньют Гингрич был непопулярным даже во время своего «триумфа»; впоследствии его популярность неуклонно падала, и в итоге он сделался, вероятно, самой непопулярной политической фигурой в США. Одной из наиболее комических черт выборов 1996 года стала ситуация, когда самые близкие соратники Гингрича из всех сил старались отрицать всякую связь со своим лидером и его идеями. На первичных выборах для определения кандидатов так называемых праймериз, первым из кандидатов, которому предстояло сойти со сцены, оказался Фил Грамм, единственный представитель конгрессменов-республиканцев, хорошо финансировавшийся и говоривший все слова, какие избирателям, согласно газетным заголовкам, полагается любить. В действительности же стоило кандидатам встретиться с избирателями в

январе 1996 года, как почти весь круг спорных политических вопросов внезапно «испарился». Наиболее драматический пример относится к сбалансированию бюджета. На протяжении 1995 года все важнейшие дискуссии в стране касались того, сколько лет на это потребуется семь или чуть больше. Когда бушевал спор, правительству несколько раз затыкали рот. Но как только начались предварительные выборы, разговоры о бюджете умолкли. «Уолл-стрит джорнэл» с удивлением сообщала что избиратели «отказались от своей заикленности на сбалансировании бюджета». На самом деле избиратели «заиклились» как раз на противоположном, что систематически показывали опросы: на противодействии сбалансированию бюджета на любых минимально реалистических условиях.

Точнее говоря, некоторые категории общественности действительно разделяли «заикленность» обеих политических партий на сбалансировании бюджета. Так, в августе 1995 года бюджетный дефицит, наряду с бездомностью, был избран в качестве важнейшей проблемы страны пятью процентами населения. Но оказалось, что 5 % заикленных на бюджете это люди, имеющие вес в обществе. «Американский бизнес высказался: сбалансируйте федеральный бюджет», объявил еженедельник «Бизнес уик», сообщив о результатах опроса руководства компаний. А когда высказывается бизнес, говорят представители того политического класса и тех СМИ, которые информировали общественность о том, что она якобы потребовала сбалансированного бюджета, и подробно рассказали об урезании социальных расходов в соответствии с волей народа, но, как показали опросы, это произошло при игнорировании значительного противодействия со стороны самого народа. Неудивительно, что стоило политикам столкнуться с «большим зверем», как эта тема внезапно исчезла из виду.

Также неудивительно, что планы продолжают проводиться в жизнь старым испытанным способом: жестокое и зачастую непопулярное урезание социальных расходов сопровождается, однако же, ростом бюджета Пентагона. В обоих случаях наблю дается как противодействие подобного рода политике со стороны общественности, так и ее мощная поддержка со стороны бизнеса. Причины увеличения военных расходов будет нетрудно понять, если мы уясним роль пентагоновской системы для США: перемещать социальные фонды в передовые секторы промышленности, чтобы, к примеру, защищать богатых избирателей Ньюта Гингрича от рыночных строгостей с помощью правительственных субсидий, превосходящих таковые для любого другого пригородного района в стране (за пределами самого федерального правительства), пока лидер консервативной революции обличает это правительство и прославляет замшелый индивидуализм.

С самого начала по результатам опросов было ясно, что байки о сокрушительной победе консерваторов представляют собой ложь. Теперь обман молчаливо признан. Специалист по общественному мнению, принадлежащий к поддерживавшим Гингрича республиканцам, объяснил, что когда он сообщил, что большинство поддержало «контракт с Америкой», он имел в виду, что этим людям нравились

лозунги, использованные для «упаковки». К примеру, его исследования показали, что публика противодействует сворачиванию системы здравоохранения и хочет «сохранять, защищать и укреплять» ее «для следующего поколения». Итак, фактический демонтаж системы здравоохранения подан в упаковке «решения, сохраняющего и защищающего» систему здравоохранения для следующего поколения. То же верно и по отношению к другим идеологическим лозунгам консерваторов.

Все это весьма естественно для общества, которое по сути дела управляется бизнесом и тратит на маркетинг гигантские расходы: один триллион долларов в год, 1/6 валового внутреннего продукта, причем значительная их часть исключается из суммы, подлежащей налогообложению, так что люди платят за привилегию подвергать манипуляциям собственные мнения и поведение.

Но «большого зверя» трудно укротить. Многократно полагали, будто эта проблема решена и достигнут «конец истории» в воплощенной утопии хозяев. Один из классических моментов относится к истокам неолиберальной доктрины в начале XIX века, когда Давид Рикардо, Томас Мальтус и другие великие фигуры классического либерализма провозгласили, что новая наука с непреложностью законов Ньютона доказала, что мы лишь вредим бедным, стараясь помочь им, и что лучший подарок, который мы можем предложить страдающим массам, состоит в избавлении их от иллюзии, будто они имеют право на жизнь. Новая наука якобы доказала, что у людей нет прав, кроме тех, каких они могут добиться на нерегулируемом рынке труда. В 30-е годы XIX века казалось, что в Англии эти доктрины одержали победу. Одновременно с триумфом правой мысли, служившей интересам британских мануфактурщиков и финансистов, народ Англии был «загнан на тропы утопического эксперимента», как пятьдесят лет назад в своей классической работе «Великое преобразование» писал Карл Поппер. Это был «самый безжалостный акт социальной реформы» за всю историю, продолжал он, акт, «сокрушивший множество жизней». Но возникла непредвиденная проблема. Глупые массы стали приходить к выводу: «если у нас нет права на жизнь, то у вас нет права на управление». Британской армии пришлось бороться с бунтами и беспорядками, а вскоре возникла еще более серьезная угроза начали организовываться рабочие, требовавшие, чтобы фабричные законы и социальное законодательство защитило их от жестокого неолиберального эксперимента. Зачастую же требования трудящихся шли гораздо дальше просьб о социальной защите. Наука, к счастью, гибкая, обретала новые формы по мере сдвига мнения элиты, реагирующей на неконтролируемые народные силы, которые в один прекрасный день поняли, что свое право на жизнь надо сохранять с помощью разного рода общественных договоров.

Во второй половине XIX столетия многим казалось, что порядок восстановлен, хотя кое-кто с этим не соглашался. Так, знаменитый художник Уильям Моррис оскорбил респектабельное мнение, объявив себя в одной из оксфордских бесед социалистом. Он признал, что «принято считать, будто система «будь конкурентоспособным, а

отставших пусть заберет дьявол» последняя истина в экономике, которую увидит мир; что она представляет собой совершенство, и поэтому в ней была достигнута законченность». Но если история подошла к концу, продолжал он, то «цивилизация умрет». А в это он отказывался поверить, несмотря на самонадеянные декларации «весьма ученых людей». Как показала борьба народных масс, он был прав.

В США столетие назад «веселые девяностые» тоже приветствовались как эпоха «совершенства» и «законченности». А в «ревущие двадцатые» самонадеянно полагали, будто рабочее движение сокрушено навечно и достигнута утопия хозяев, и это в «чрезвычайно недемократичной Америке», како вая была «создана вопреки протестам ее рабочих», комментирует Дэвид Монтгомери, историк из Йельского университета. Но торжества снова оказались преждевременными. Через несколько лет «большой зверь» опять-таки выскочил из клетки, и даже в Соединенных Штатах, в обществе, управляемом бизнесом *par excellence*, борьба народных масс привела к тому, что народу пришлось пожаловать права, давным-давно завоеванные в куда более «автократичных» обществах.

Сразу же после Второй мировой войны бизнес начал грандиозное пропагандистское наступление, чтобы отвоевать утраченное. К концу 50-х годов XX века широко распространилось мнение, будто чаямая цель достигнута. Мы достигли «конца идеологии» в индустриальном мире писал гарвардский социолог Дэниэл Белл. Несколькими годами раньше, будучи редактором ведущего делового журнала «Форчун», он сообщал о «головкружительном» размахе проводившихся бизнесом пропагандистских кампаний, направленных на преодоление социал-демократических взглядов, которые сохранились в послевоенные годы.

Но опять же торжество оказалось преждевременным. События 60-х годов XX века продемонстрировали, что «большой зверь» все еще крадет за добычей, и это снова вызвало страх перед демократией среди «ответственных людей». Трехсторонняя комиссия, основанная Дэвидом Рокфеллером в 1973 году, посвятила свое первое большое исследование «кризису демократии» во всем индустриальном мире, связанному с тем, что широкие слои населения стремились выйти на публичную арену. Наивный наблюдатель мог бы счесть это шагом на пути к демократии, но комиссия считала демократию «чрезмерной» и надеялась вернуть дни, когда, как сказал один американский репортер, «Трумэн был способен управлять страной в компании относительно небольшого количества юристов и банкиров с Уолл-стрита». Тогда, дескать, была подлинная «умеренность в демократии». Особо беспокоили Комиссию неудачи в деятельности учреждений, которые она считала ответственными «за индоктринацию молодежи», имея при этом в виду школы, университеты и церкви. Для того, чтобы преодолеть кризис демократии, комиссия предложила способы восстановления дисциплины и возвращения широкой общественности к покорности.

И это при том, что Трехсторонняя Комиссия представляет сравнительно прогрессивные интернационалистские круги власти и интеллектуальной жизни в США, Европе и Японии: из ее рядов вышла почти вся администрация Картера.

Правое крыло занимает гораздо более жесткие позиции.

Начиная с 70-х годов XX века, изменения в международной экономике вложили новое оружие в руки хозяев, дав им возможность ускользнуть от ненавистного общественного договора, к заключению которого их вынуждала борьба народных масс. Политический спектр в Соединенных Штатах всегда весьма узкий теперь стал почти невидимым. Несколько месяцев спустя после прихода Билла Клинтона к власти передовая статья в «Уоллстрит джорнэл» выразила удовольствие по поводу того, что «мистер Клинтон и его администрация берутся решать проблему за проблемой на той же стороне, что и корпоративная Америка», вызывая одобрительные возгласы у глав крупнейших корпораций, которые пришли в восторг оттого, что «с этой администрацией мы ладим гораздо лучше, чем ладили с предыдущими», как выразился один из боссов большого бизнеса.

Год спустя лидеры бизнеса поняли, что они смогут еще больше преуспевать, и к сентябрю 1995 года «Бизнес уик» сообщил, что новый Конгресс «представляет собой веку для бизнеса. Никогда прежде с таким энтузиазмом американских предпринимателей не осыпали таким количеством подачек». На ноябрьских выборах 1996 года оба кандидата были умеренными республиканцами и длительное время принадлежали к ближнему правительственному кругу, будучи кандидатами от мира бизнеса. Как сообщала деловая пресса, эта кампания отличалась «исторической скукой». Опросы показали, что, вопреки рекордным расходам, интерес общественности упал даже ниже предшествовавших низких уровней и что избирателям не нравился ни один из кандидатов и они мало что ожидали от каждого из них.

Существует широкомасштабное недовольство функционированием демократической системы. Как сообщают, аналогичное явление наблюдается в Латинской Америке, и хотя условия там совсем иные, некоторые из причин те же, что и в США. Аргентинский политолог Аттилио Борон подчеркнул тот факт, что в Латинской Америке демократический процесс установился вместе с неолиберальными экономическими реформами, принесшими несчастья большинству населения. Проведение аналогичных программ в богатейшей стране мира вызвало те же последствия. Когда более 80 % населения полагает, что демократическая система это пока зуха, а экономика страны «по сути несправедлива», «согласие управляемых» становится все более несостоятельным.

Деловая пресса сообщает «о полном подчинении труда капиталом за последние 15 лет», что позволило капиталу одержать много побед. Но она также предупреждает, что славные деньки могут продлиться недолго из-за усиления «агрессивной кампании» рабочих ради обеспечения так называемого «прожиточного минимума» и «гарантированного большего куска пирога».

Следует вспомнить, что всё это мы уже неоднократно проходили. «Конец истории», «совершенство» и «завершенность» провозглашались часто и всегда ложно. И если говорить реалистично, то, по моему, за всем этим пошлым повторением пройденного

оптимистическая душа все-таки может разглядеть медленный прогресс. В передовых индустриальных странах, а зачастую и не только в них, борьба народных масс может начаться на более высоком уровне и с б`ольшими надеждами, чем в «веселые девяностые», «ревущие двадцатые» или даже тридцать лет назад. Международная солидарность может обретать новые и более конструктивные формы по мере того, как подавляющее большинство жителей земного шара будет осознавать, что у них в значительной степени одни и те же интересы и что эти интересы можно реализовать в совместной борьбе. Полагать, что нас ограничивают таинственные и неведомые социальные законы, в настоящее время не дольше оснований, чем прежде: не только решения, принимаемые в рамках организаций, подвластны человеческой воле, но и сами человеческие организации должны пройти тест на легитимность, и если они не пройдут его, их можно будет заменить другими, более свободными и справедливыми, как это часто происходило в прошлом.

Вариант этой статьи был первоначально опубликован в Южной Америке в переводах на испанский и португальский языки в 1996 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чистой доске (лат.). Прим. пер.

III. СТРАСТЬ К СВОБОДНЫМ РЫНКАМ

«В течение большей половины столетия ООН представляла собой основной форум для США, пытавшихся создать мир по своему образу и подобию путем организации совместных со своими союзниками акций, направленных на заключение таких глобальных соглашений по правам человека, ядерным испытаниям или окружающей среде, в которых, по настоянию Вашингтона, отражались бы его собственные ценности». Такова послевоенная история, о чем мы можем узнать из передовой статьи Дэвида Сэнджера, политического аналитика газеты «НьюЙорк таймс». Но времена меняются. Сегодня газетный заголовок гласит: «США экспортируют свои рыночные ценности с помощью глобальных торговых соглашений». Особенность политики, проводимой администрацией Клинтона, состоит в том, что она, не ограничиваясь традиционной для США опорой на ООН, стремится использовать еще и Всемирную Торговую Организацию (ВТО) в целях «экспорта американских ценностей». Как продолжает Сэнджер (цитируя американского торгового представителя), в настоящее время именно ВТО может стать наиболее действенным орудием экспорта «американской страсти к отказу от регулирования экономики» и вообще к свободному рынку, а также «американских ценностей свободной конкуренции, правил честной игры и реализации нововведений», в мир, все еще блуждающий в потемках. Эти «американские ценности» в высшей степени драматично иллюстрируются «волной будущего», к которой относятся телекоммуникации, Интернет, передовые компьютерные технологии и прочие чудеса, созданные безудержным американским духом предпринимательства, получившим полную свободу благодаря рынку, который в ходе рейгановской революции наконец-то был избавлен от правительственного вмешательства.

Сегодня «правительства повсюду принимают евангелие свободного рынка, проповедовавшееся в 80-е годы XX столетия президентом Рейганом и британским премьер-министром Маргарет Тэтчер» пишет Юссеф Ибрагим в другой передовой статье из «Таймс», в который уже раз повторяя общие места. Нравится вам это или нет, энтузиасты и критики, исповедующие широкий диапазон мнений, согласны между собой (будем придерживаться части спектра от либералов до левых) относительно «неумолимого размаха того явления, сторонники которого называют его «рыночной революцией»: «рейгановский замшелый индивидуализм» изменил правила игры во всем мире, да и здесь, на его родине, как «республиканцы, так и демократы в своей преданности «новой ортодоксии» готовы предоставить рынку полную свободу действий».

С обрисованной картиной сопряжено множество проблем. Одна из них соотношение событий за последние полвека. Даже люди, истово верующие в «миссию Америки», должны знать, что отношения между США и ООН были на деле противоположны идиллической картине, описанной в первом абзаце, с тех пор, как ООН вышла из-под контроля США в связи с процессом деколонизации и регулярно

оставляет США в изоляции из-за их противодействия по отношению к глобальным соглашениям по широкому ряду вопросов и подрыва центральных структур ООН, в особенности ориентированных на третий мир. Много вопросов о мире подлежат дискуссии, но никак не этот.

Что же касается «рейгановского замшелого индивидуализма» и свойственного ему культа рынка, то, вероятно, достаточно будет процитировать обзор эпохи правления Рейгана в «Форин афферз», сделанный старшим исследователем международных финансов из Совета по международным отношениям. Автор обзора отмечает, что ирония состоит в том, что «этот послевоенный губернатор штата, в высшей степени страстно любивший *laissez-faire*, руководил крупнейшим поворотом к протекционизму после 30-х годов XX века». Однако это не «ирония», а нормальные плоды «страстной любви к *laissez-faire*»: рыночная дисциплина для вас, но не для меня, за исключением тех случаев, когда «игровое поле» будет благоприятствовать мне, что обычно бывает результатом широкомасштабного государственного вмешательства. Трудно найти другую тему, которая оказывала бы такое влияние на экономические теории на протяжении последних трех столетий.

Рейганисты шли по проторенной колее недавно превращенной в площадку для комедии «консерваторами» Гингрича, когда превозносили достоинства рынка и читали суровые нотации о расслабляющей бедняков в США и за границей культуре зависимости, одновременно гордо похваляясь перед деловым миром, что Рейган «защитил американскую промышленность от конкуренции со стороны импортных товаров в большей степени, нежели любой из его предшественников более чем за полвека»; на самом деле в большей степени, чем все его предшественники вместе взятые, возглавлявшие «массированное наступление» богатых и власть предержащих «на принцип [свободной торговли]» в начале 70-х годов XX века. Об этом в научной статье секретариата Всемирного соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) выражает сожаление экономист Патрик Лоу, который оценивает ограничительные последствия рейгановских мер как примерно в три раза превосходящие последствия аналогичных мер в других ведущих индустриальных странах.

Радикальный «поворот к протекционизму» был лишь частью «массированного наступления» на принципы свободной торговли при «рейгановском замшелом индивидуализме». Другая глава той же истории включает гигантский перевод государственных фондов в частный сектор, зачастую завуалированный ставшими уже традиционными требованиями «безопасности». Эта многовековая история продолжается сегодня без заметных изменений и, конечно, не только в США, хотя масштаб новых высот обмана и лицемерия показателен именно здесь.

«Британия Тэтчер» фактически является другим хорошим примером для иллюстрации «евангелия свободного рынка». Поговорим всего лишь о некоторых «откровениях», последовавших за последние несколько месяцев (начало 1997 года): как сообщила лондонская «Обсервер», «в период максимальной напряженности, связанный с осуществлением продажи вооружения Турции», премьер-министр Тэт

чер «лично вмешалась в дело ради обеспечения выплаты 22 млн. фунтов стерлингов из бюджета, предназначенных для помощи другим странам, на нужды строительства метро в турецкой столице Анкаре. Этот проект оказался неэкономичным, а в 1995 году он был признан» министром иностранных дел Дугласом Хэрдом, еще и «незаконным». Этот инцидент заслужил особое внимание как продолжение скандала о незаконной выдаче правительством Тэтчер субсидий, призванных «поспособствовать продаже оружия малайзийскому режиму», причем по этому делу Верховный суд вынес вердикт против Херда. И это еще не считая правительственных кредитных гарантий, финансовых договоренностей и прочих протекционистских мер, обеспечивших перевод государственных фондов в «оборонную промышленность» и способствовавших предоставлению знакомого спектра льгот другим передовым отраслям промышленности.

Несколькими днями раньше та же газета сообщила, что «до 2 миллионов британских детей страдают от плохого здоровья и задержки роста из-за недоедания» в результате «бедности, достигшей масштабов, невиданных с 30-х годов XX века». Тенденция к улучшению здоровья детей пошла вспять, и детские болезни, которые раньше были под контролем, теперь распространяются все шире благодаря весьма избирательно действующему «евангелию свободного рынка», которое приводит в восторг лиц, этим евангелием облагодетельствованных.

За несколько месяцев до этого заголовок одной передовой статьи сообщал, что «один из трех британских младенцев рождается в бедности», поскольку «детская бедность возросла в целых три раза с тех пор, как Маргарет Тэтчер избрали премьер-министром». «Диккенсовские болезни возвращаются в современную Британию» гласит другой заголовок, сообщая об исследованиях, приведших к выводу, что «социальные условия в Британии возвращаются к тем, что были столетие назад». Особенно зловещими являются последствия отключения газа, электричества, водоснабжения и телефонов для «значительного количества домашних хозяйств» по мере того, как приватизация следует своим естественным путем, выдумывая разнообразные приемы, каковые благоприятствуют «более зажиточным квартиросъемщикам» и сводятся к «пеням для бедных», что приводит к «растущему разрыву в потреблении энергии между богатыми и бедными», а также в водоснабжении и других услугах. «Беспощадное сокращение» социальных программ приводит нацию в панику в связи с угрозой социального коллапса». Но промышленность и финансы от того же политического выбора как ни в чем не бывало преуспевают. И в довершение всего государственные расходы после 17 лет проповеди евангелия от Тэтчер составляли всё те же 42,25 % ВВП, какими они были и тогда, когда Тэтчер пришла к власти. И в этом нет ничего неожиданного.

ВСЕМИРНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: «ЭКСПОРТИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ»

Давайте пока оставим интригующий контраст между доктриной и действительностью и посмотрим, чему мы можем научиться, анализируя вырисовывающуюся новую эру. Думаю, весьма многому.

Статья из «Таймс» о том, как «Соединенные Штаты экспортируют свои рыночные ценности», прославляет соглашение ВТО по телекоммуникациям. Одно из его приветствуемых последствий состоит в предоставлении Вашингтону «нового инструмента международной политики». Это соглашение «наделяет ВТО возможностью проникновения за границы 70 подписавших его стран», и не секрет, что международные организации могут функционировать лишь в той мере, в какой они соблюдают требования сильных мира сего, в частности, Соединенных Штатов. Следовательно, в реальном мире «новое орудие» позволяет Соединенным Штатам бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела других стран, принуждая их к изменению своих законов и порядков. Суть состоит в том, что ВТО должна убедиться, что другие страны «до конца следуют своим обязательствам, позволяющим иностранцам делать капиталовложения» в основные сектора экономики без ограничений. Если иметь в виду этот конкретный случай, то его вероятный исход ясен всем: «Очевидно, что выгоду от этой новой эры получают американские телекоммуникационные корпорации, находящиеся в наилучшем положении на ровном игровом поле» подчеркивает «Фар истерн экономик ревью», а также одна англо-американская мегакорпорация.

Не все в восторге от таких перспектив. Победители осознают этот факт и предлагают свою интерпретацию: по словам Сэнджера, другие боятся, что «американские телекоммуникационные гиганты... смогут подавить слабые монополии, поддерживаемые правительством, длительное время господствовавшие в сфере телекоммуникаций в Европе и Азии», как это произошло и в Соединенных Штатах, по прошествии многих лет после того, когда они только развивали ведущую экономику в мире и становились наиболее могущественным государством. Также стоит отметить, что фундаментальный вклад в современную технологию (упомянем лишь транзисторы) вносили научные лаборатории «слабых монополий, поддерживаемых правительством», которые господствовали в телекоммуникациях США вплоть до 70-х годов XX века. Эти монополии пользовались своей свободой от рыночной дисциплины для создания передовых отраслей индустрии, которое, как правило, происходило с помощью переводов средств из государственных фондов (иногда косвенно, через власть монополий, в отличие от более прямых способов действия системы Пентагона).

Те, кто иррационально держится за прошлое, смотрят на вещи чуть иначе. «Фар истерн экономик ревью» подчеркивает, что в Азии усилится безработица и «многим

азиатским потребителям придется платить за телефонное обслуживание сначала больше и лишь потом меньше». Когда же они будут платить меньше? Для того, чтобы просияло это яркое будущее, необходимо лишь «поощрять» иностранных инвесторов, «чтобы они действовали, имея в виду общественное благо», а не только прибыль и обслуживание богачей и делового мира. Как осуществится такое чудо, нам не объясняют, хотя, несомненно, это предложение вдохновит штаб-квартиры корпораций на серьезные раздумья.

«Ревью» предсказывает, что за промежуток времени, необходимый для планирования, соглашение ВТО поднимет телефонную плату для большинства азиатских потребителей. «Фактом остается то, что сравнительно мало клиентов в Азии имеют шансы на выигрыш от удешевления международных тарифов», которое ожидается после захвата местных компаний гигантскими международными корпорациями, преимущественно американскими. В Индонезии, например, всего лишь около 300 тыс. из примерно 200 млн. жителей а конкретно, сектор бизнеса вообще звонит за границу. Как утверждает Дэвид Барден, региональный аналитик по телекоммуникациям фирмы «J. P. Morgan Securities» в Гонконге, «вполне вероятно, что стоимость местного телекоммуникационного обслуживания [в Азии] возрастет». Но все это к лучшему, и он продолжает: «Если бизнес не приносит выгоды, то не будет бизнеса». И теперь, когда всё больше государственной собственности передается иностранным корпорациям, им не мешало бы обзавестись гарантированной прибылью сегодня это телекоммуникации, а завтра гораздо более обширный спектр соотносимых с ними услуг. Деловая пресса предсказывает, что «личная связь по Интернету [включая корпоративные сети и интерактивный режим] овладеет телекоммуникациями за пять-шесть лет, и наибольший интерес телефонных операторов будет заключаться в том, чтобы заниматься онлайн-бизнесом». Размышляя о будущем собственной компании «Интел СЕО», Эндрю Гроув считает Интернет «наибольшим изменением нашей окружающей среды» в наше время. Он ожидает широкомасштабного роста числа «провайдеров связи, людей, занимающихся разработкой всемирной сети, людей, которые делают компьютеры» («люди» означает корпорации) и рекламной индустрии, уже расходующей почти 350 млрд. долларов ежегодно и предвкушающей новые возможности в результате приватизации Интернета, которая, как ожидается, превратит его в глобальную олигополию.

Тем временем приватизация стремительно расчищает путь во все страны и отрасли. Возьмем один важный случай: правительство Бразилии, игнорируя серьезное противодействие со стороны народа, решило приватизировать компанию «Вале», которая контролирует обширные залежи урана, железа и прочие минеральные ресурсы, а также индустриальное и транспортное оборудование, в том числе сложную технологию. «Вале» высокодоходная компания, ее годовой доход за 1996 год составил более 5 млрд. долларов, она имеет превосходные перспективы на будущее; это одна из шести латиноамериканских компаний, оцениваемых специалистами среди 500 наиболее прибыльных в мире. По оценке специалистов из Школы инженерного дела

при Федеральном университете Рио-де-Жанейро, правительство серьезно занизило стоимость компании; также было отмечено, что оно опиралось на «независимый» анализ компании «Мерилл Линч», оказавшейся тесно связанной с англо-американским конгломератом компаний, который стремится захватить эту центральную отрасль бразильской экономики. Правительство гневно отрицает эти выводы. Если же они точны, то оно действует по весьма знакомому образцу.

Мимоходом отметим, что коммуникации не совсем то же, что уран. Сосредоточение коммуникаций в чьих-либо руках (в особенности в зарубежных) ставит некоторые достаточно серьезные вопросы о смысле демократии. Аналогичные вопросы встают относительно концентрации финансов, которая подрывает вовлечение народа в социальное и экономическое планирование. Контроль же над продовольствием поднимает еще более серьезные вопросы, в данном случае о выживании. Год назад генеральный секретарь Организации по продовольствию и сельскому хозяйству при ООН (ФАО), сообщая о том, что «продовольственный кризис в этом году вызвал гигантский подъем цен на зерновые», предупредил, что страны «должны становиться более самодостаточными в производстве продовольствия». ФАО предупреждает «развивающиеся страны», чтобы они переориентировали в противоположном направлении политику, навязанную им Вашингтонским консенсусом, политику, которая оказала пагубное воздействие на значительную часть земного шара, облагодетельствовав разве что субсидируемый агробизнес и, между прочим, наркоторговлю возможно, наиболее драматический успех неолиберальных реформ с точки зрения ценностей «свободного рынка», «экспортируемых Соединенными Штатами».

Контроль над продовольственными поставками со стороны зарубежных корпоративных гигантов совсем не за горами, и после подписания и реализации соглашения по телекоммуникациям на очереди будут финансовые услуги.

В итоге ожидаемые последствия победы «американских ценностей» в ВТО таковы:

1. «Новое оружие» для всеобъемлющего американского вмешательства во внутренние дела других стран;
2. Захват центральных секторов зарубежной экономики корпорациями, базирующимися в США;
3. Выгоды для бизнеса и богачей;
4. Переложение расходов на широкие слои населения;
5. Новое и потенциально более мощное оружие против угрозы со стороны демократии.

Разумный человек может задать вопрос, достойны ли такие последствия прославления, или же они просто случайно сопровождают победу принципа, прославляемого из преданности высшим ценностям. Скептицизм усиливается, когда «таймс» объявляет приведенную в самом начале картину послевоенной эпохи неопровержимым фактом. Он еще более усиливается, если мы взглянем на некоторые из поразительных исторических закономерностей: среди них та, что те, кто в

состоянии навязывать свои планы, не только с энтузиазмом приветствуют их, но еще и, как правило, получают от них выгоду, независимо от того, включают ли исповедуемые ими ценности свободу торговли или другие во всеуслышание провозглашаемые принципы, которые на самом деле хитро подгоняются под потребности тех, кто ведет игру и одобряет результат. Если эта модель повторится, то одна только логика внесет определенную ноту скептицизма. Истории придется перенести отмеченную закономерность на новый уровень.

В действительности, нам даже нет нужды заниматься столь отдаленными последствиями.

ВСЕМИРНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: ФОРУМ НЕЧЕСТИВЫХ

В тот самый день, когда на первой странице «НьюЙорк таймс» сообщалось о победе американских ценностей в ВТО, редакторы этой газеты предупредили Евросоюз, что ему не стоит обращаться в ВТО с обвинением Соединенных Штатов в том, что они нарушают соглашения о свободе торговли. В узком смысле предметом спора стал акт Хелмса-Бертон, который «обязывает Соединенные Штаты налагать санкции на иностранные компании, занимающиеся бизнесом на Кубе». Санкции «фактически запрещают этим фирмам производить экспорт в Соединенные Штаты или заниматься там бизнесом, даже если их продукты и деятельность не имеют ничего общего с Кубой» (Питер Мориси, бывший экономический директор в Международной торговой комиссии США). Это серьезное наказание, не говоря уже о более прямых угрозах в адрес индивидов и компаний, которые пересекают линию, проведенную Вашингтоном в одностороннем порядке. Редакторы «Нью-Йорк таймс» полагают, что этот акт является «направленной не в ту сторону попыткой Конгресса навязать свою внешнюю политику другим»; Мориси спорит с ними, поскольку этот акт «приносит больше расходов, чем прибыли» Соединенным Штатам. В более широком смысле предметом спора служит само эмбарго, «американское экономическое удушение Кубы», называемое редакторами «анахронизмом холодной войны», от которого лучше всего отказаться, так как оно начинает вредить интересам американского бизнеса. Но более широких вопросов о правоте и неправоте не возникает, и редакторы газеты подчеркивают, что все это дело «диспут сугубо политический», не имеющий отношения к «обязательствам Вашингтона по свободной торговле». Как и большинство прочих, редакторы, очевидно, полагают, что если Европа будет упорствовать, то ВТО, вероятно, примет постановление против Соединенных Штатов. Значит, ВТО форум нечестивых.

Логика проста и стандартна. Десятью годами раньше Международный суд (ICJ) был сочтен неприличным форумом за то, что он рассмотрел обвинения Никарагуа против Вашингтона. Соединенные Штаты отвергли юрисдикцию ICJ, и когда суд осудил США за «незаконное применение силы», повелев Вашингтону прекратить международный

терроризм, нарушения договоров и нелегальную экономическую войну и обязав его выплатить значительные репарации, контролируемый демократами Конгресс ответил мгновенной эскалацией насилия, а суд подвергся резкому и всестороннему изобличению в качестве «враждебного форума», который дискредитировал себя принятием решения против Соединенных Штатов. Само решение почти не приводилось, цитировались лишь вышеприведенные слова и фрагмент принятого судом постановления о том, что американская помощь «контрас» является «военной» и «не гуманитарной». Наряду с тем, что США руководили террористическими силами, помощь продолжалась до тех пор, пока Соединенные Штаты не навязывали собственную волю, которая всегда именовалась «гуманитарной помощью». Официальная история придерживается тех же условностей. Затем Соединенные Штаты наложили вето на постановление Совета Безопасности, призвавшее все государства соблюдать международное право (о чем сообщается очень скупо), и в одиночестве (вместе с Сальвадором и Израилем) проголосовали против резолюции Генеральной Ассамблеи, призвавшей к «полному и немедленному выполнению» постановления суда. Это решение не было отражено в основных средствах массовой информации, равно как и повторение аналогичной ситуации на следующий год, когда в тандеме с США выступил только Израиль. Все дело в целом оказывается характерной иллюстрацией того, как Соединенные Штаты использовали ООН в качестве «форума» для навязывания собственных ценностей (см. цитату в начале статьи).

Возвратимся к последнему случаю с ВТО: в ноябре 1996 года Вашингтон опять практически в одиночестве (вместе с Израилем и Узбекистаном) проголосовал против поддержанной всем Европейским Союзом резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, призвавшей США отказаться от эмбарго против Кубы. Организация американских государств (ОАГ) уже единогласно проголосовала в пользу отказа от акта Хелмса-Бертон и обратилась к своей юридической организации (Межамериканский юридический комитет) с просьбой принять постановление насчет его законности. В августе 1996 года Межамериканский юридический комитет единогласно постановил, что акт Хелмса-Бертон нарушает международное право. Годом раньше Межамериканская комиссия по правам человека при ОАГ осудила введенные США ограничения на поставки продовольствия и медикаментов на Кубу как нарушение международного права. Администрация Клинтона ответила, что поставки лекарств как таковые не запрещены, им лишь препятствуют посредством условий столь обременительных и угрожающих, что даже крупнейшие американские и зарубежные корпорации не хотят сталкиваться с подобной перспективой (гигантские финансовые штрафы и аресты за то, что Вашингтон определяет как нарушения «надлежащего распределения», объявление вне закона кораблей и самолетов, организация пропагандистских кампаний в средствах массовой информации и т. д.). И в то время как поставки продовольствия на Кубу действительно запрещены, администрация Клинтона утверждает, что во многих странах имеются «щедрый поставщики» (по

сильно завышенным ценам), так что прямое нарушение международного права таковым не является.

Когда этот вопрос был вынесен Евросоюзом на обсуждение во Всемирную торговую организацию, американцы не явились на слушания, как это уже происходило в Международном суде, и тем самым практически провалили принятие каких-либо обязательных для выполнения американской администрацией решений.

Словом, мир, который Соединенные Штаты стремятся «создать по своему образу и подобию» с помощью международных организаций, основан на принципе правления силы. А «американская страсть к свободе торговли» приводит к тому, что правительство США может по собственному произволу нарушать торговые соглашения. Никаких проблем не возникает, когда иностранные (преимущественно американские) корпорации прибирают к рукам коммуникации, финансы и продовольственные поставки. Обстоятельства, однако, изменяются, когда торговые соглашения и международное право мешают планам сильных мира сего что опять-таки подтверждается историей.

Мы кое-что узнаём, исследуя причины, по которым США отвергают международное право и торговые соглашения. В случае с Никарагуа юрискон сульг Госдепартамента Абрахам Софаэр объяснил, что когда Соединенные Штаты признавали юрисдикцию Международного суда, большинство членов ООН «равнялись на США и разделяли их взгляды касательно миропорядка». Но теперь «нельзя рассчитывать на то, что очень многие из них будут разделять наш взгляд на первоначальную основополагающую концепцию Хартии ООН», и «это самое большинство часто противостоит Соединенным Штатам по важным международным вопросам». Поэтому понятно, что Соединенным Штатам, начиная с 60-х годов XX века, приходится быть недостижимым лидером по наложению вето на резолюции ООН по широкому спектру вопросов, включая международное право, права человека, охрану окружающей среды и т. д., что полностью идет вразрез со стандартной версией, повторенной в первом абзаце этой статьи. Соединенные Штаты сделали еще шаг вперед в этом лидерстве вскоре после публикации упомянутой статьи, наложив свое семьдесят первое вето, начиная с 1967 года. Когда вопрос (израильские поселения в Иерусалиме) был передан на Генеральную Ассамблею, против, как обычно, выступили только США и Израиль.

Сделав естественные выводы из ненадежности мира, Софаэр в дальнейшем пояснил, что теперь мы должны «оставить за собой власть определять, имеет ли Международный суд в этом конкретном случае юрисдикцию над нами». Давний принцип, который следует навязать миру, не желающему демонстрировать достаточную степень лояльности, состоит в том, что «Соединенные Штаты не соглашаются с принудительной юрисдикцией, касающейся любого спора по вопросам, находящимся су губо в пределах внутренней юрисдикции США, определяющейся Соединенными Штатами». «Внутренним делом», о котором идет речь, является нападение США на Никарагуа.

Основной руководящий принцип американской политики был элегантно выражен новым госсекретарем, Мадлен Олбрайт, когда та поучала Совет Безопасности ООН за его нежелание подчиняться требованиям США, касающимся Ирака: Соединенные Штаты будут «вести себя как другие, учитывая многосторонние интересы, по мере наших возможностей, и учитывая свои интересы, по мере наших обязательств». Тем самым она признала отсутствие каких-либо внешних сдерживающих факторов в регионе, названном «жизненно важным для американских национальных интересов». Само собою понятно, что эти интересы определяются исключительно самими Соединенными Штатами. ООН является для США подходящим форумом тогда, когда «можно рассчитывать» на то, что его члены будут разделять взгляды Вашингтона, но не тогда, когда большинство «противостоит Соединенным Штатам по важным международным вопросам». Международное право и демократия вещи превосходные, но только если судить по результату, а не по процессу; такова же свободная торговля.

Итак, нынешняя американская позиция в ВТО не несет в себе ничего нового. Вашингтон заявил, что ВТО «не обладает компетенцией» заниматься рассмотрением вопроса, касающегося американской национальной безопасности; выходит, мы должны понимать это так, что удушение кубинской экономики ставит на карту наши жизни. Один из пред ставителей администрации Клинтона добавил, что постановление ВТО, принятое против Соединенных Штатов *in absentia*, не имеет значения и не причиняет беспокойства, так как «мы не верим, что что-либо, что говорит или делает ВТО, может заставить США изменить свои законы». Вспомните, что громадная заслуга соглашения ВТО по телекоммуникациям заключалась в том, что это «новое орудие международной политики» заставляет другие страны изменять свои законы и обычаи в соответствии с нашими требованиями.

Принцип здесь в том, что США избавлены от вмешательства ВТО в их законы, подобно тому, как они вольны нарушать международное право по своему произволу они и только они, хотя привилегия может быть распространена и на государства-сателлиты, когда потребуют обстоятельства. Вот как громко и отчетливо звучат здесь основополагающие принципы мирового порядка.

Прежние соглашения ГАТТ допускали исключения по соображениям национальной безопасности, и под этим предлогом Вашингтон оправдывал свое эмбарго против Кубы в качестве «мер, принятых ради существенных интересов безопасности США». Соглашение ВТО также разрешает любому его члену совершать «всякое действие, которое он сочтет необходимым для защиты своих существенных национальных интересов», но лишь в отношении трех особо отмеченных случаев: радиоактивные материалы, торговля оружием и действия, предпринятые «в военное время или при других аналогичных ситуациях в международных отношениях». Возможно, не желая попасть впросак, администрация Клинтона в своем конфликте с ВТО формаль но не сослалась на «национальную безопасность как на повод для неподчинения», хотя она дала понять, что дело тут все-таки в «национальной

безопасности».

Эта статья пишется, когда Евросоюз и США пытаются совершить сделку до 14 апреля, на которое назначены слушания ВТО. Тем временем «Уоллстрит джорнэл» сообщает, что Вашингтон «говорит, что он не собирается сотрудничать с судебными заседателями ВТО, аргументируя это тем, что эта торговая организация не обладает юрисдикцией над вопросами национальной безопасности».

НЕПРИЛИЧНЫЕ МЫСЛИ

Приличным людям не положено помнить реакцию Мексики, когда Кеннеди пытался организовать коллективную интервенцию против Кубы в 1961 году: один дипломат объяснил, что Мексика не может присоединиться, потому что «если мы публично заявим, что Куба представляет угрозу нашей безопасности, то сорок миллионов мексиканцев помрут от смеха». Здесь мы рассмотрим угрозы национальной безопасности более трезво.

Никто не сообщал о смертях от смеха и тогда, когда спикер администрации Стюарт Айзенштат, оправдывая отказ Вашингтона от соглашений по ВТО, заявил, что «Европа оспаривает три десятилетия американской кубинской политики, восходящей к администрации Кеннеди и полностью нацеленной на насильственную смену власти в Гаване». На предположение о том, что США имеют полное право свергнуть другое правительство, используя такие средства, как агрессия, широкомасштабный террор и экономическое удушение, совершенно необходима трезвая реакция.

Это предположение остается в силе и, очевидно, не оспаривается, но заявление Айзенштата по более узким причинам подверглось критике историка Артура Шлезингера. Шлезингер пишет «как лицо, посвященное в кубинскую политику администрации Кеннеди», и подчеркивает, что заместитель министра торговли Айзенштат не понял политику администрации Кеннеди. Ее заботой было то, что Куба стала «смутьяном в целом полушарии», а также «связь с Советами». Но теперь все это далеко позади, и поэтому политика Клинтона в отношении Кубы анахронизм, хотя в остальных отношениях она безупречна.

Здесь Шлезингер не объяснил значение выражений «смутьян в целом полушарии» и «связь с Советами», но сделал это в секретных документах. Докладывая вступавшему в должность президенту о выводах Латиноамериканской миссии, сделанных в начале 1961 года, Шлезингер расшифровал проблему «смутьянства Кастро»: это «распространение идеи Кастро о том, что дела надо вести самостоятельно», и вскоре после этого добавил, что это серьезная проблема, когда «распределение земли и других форм национального богатства весьма благоприятствует имущим классам... [a] бедные и непривилегированные, получив стимул от кубинской революции, теперь требуют возможностей для приличной жизни». Шлезингер также объяснил, что такое

угроза «связи с Советами»: «Тем временем Советский Союз парит на крыльях, размахивая щедрыми займами на развитие и предлагая себя в качестве образца для достижения модернизации в течение одного поколения». «Связь с Советами» воспринималась в Вашингтоне и Лондоне аналогичным образом, и даже гораздо более нервно с начала холодной войны в 1917 году и вплоть до 60-х годов XX века, на которых основные доступные документы пока заканчиваются.

Шлезингер также рекомендовал вступавшему в должность президенту «некоторое количество высокопарных банальностей» о «высших целях культуры и духа», что «вызовет трепет у аудитории к югу от нашей границы, где метаисторические изыски пробуждают неумеренный восторг». Тем временем мы обратим внимание на серьезные вещи. Чтобы просто показать, как сильно изменилась ситуация, Шлезингер также реалистически критиковал «пагубное влияние Международного валютного фонда», в ту пору проводившего в жизнь версию 1950-х годов сегодняшнего Вашингтонского консенсуса («структурная перестройка», «неолиберализм»).

С помощью этих (секретных) объяснений «смутьянства Кастро в целом полушарии» и «связи с Советами» мы подходим на шаг ближе к пониманию реальности холодной войны. Но это уже другая тема.

Аналогичное смутьянство за пределами Западного полушария также представляло немалую проблему и продолжает распространять опасные идеи среди людей, которые «теперь требуют возможностей для приличной жизни». В конце февраля 1996 года, когда в США поднялся шум по поводу того, что Куба сбивла два самолета противодействующей Кастро группы с базой во Флориде, которые регулярно проникали в кубинское воздушное пространство, разбрасывая в Гаване листовки с призывами, подстрекавшими кубинцев к восстанию (согласно кубинским источникам, они еще и участвовали в продолжающихся террористических нападениях на Кубу) телеграфные агентства передавали непохожие друг на друга истории. АП сообщало, что в Южной Африке «ликующая и поющая толпа приветствовала кубинских врачей», которые только что прибыли по приглашению правительства Манделы, чтобы «улучшить медицинское обслуживание в бедных сельских регионах»; «на Кубе насчитывается 57.000 врачей при 11 млн. населения, тогда как в Южной Африке 25.000 на 40 млн.». Группа, состоявшая из 101 кубинского врача, включала медицинских специалистов высшего класса, и если бы они были южноафриканцами, то «с большой вероятностью работали бы в Кейптауне или Йоханнесбурге», получая зарплаты, вдвое превышающие те, которые им будут платить в бедных сельских регионах, куда они приехали. «С тех пор, как программа отправки специалистов по здравоохранению за границу началась с Алжира в 1963 году, Куба послала 51.820 терапевтов, дантистов, медсестер и других врачей» в «беднейшие страны третьего мира», обеспечивая в большинстве случаев «совершенно бесплатную медицинскую помощь». Спустя месяц после радушной встречи в Южной Африке кубинских специалистов по медицине пригласили на Гаити для изучения вспышки менингита.

Один ведущий западногерманский журнал сообщал в 1988 году, что страны третьего мира считают Кубу «международной сверхдержавой» из-за того, что кубинские учителя, строители, медики и другие заняты «интернациональной помощью». В 1985 году в странах третьего мира работало 16 000 кубинцев вдвое больше, чем специалистов Корпуса мира и AID из Соединенных Штатов. К 1988 году Куба «отправила за границу врачей больше, чем любая индустриально развитая страна, и больше, чем Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) при ООН». Большая часть такой помощи предоставлялась безвозмездно, а «международные эмиссары» Кубы это «мужчины и женщины, живущие в условиях, которые хуже тех, с какими не согласились бы большинство работников, оказывающих помощь развивающимся странам». Это и составляет «основу их успеха». Для кубинцев, продолжает журнал, «международная помощь» считается «знаком политической зрелости» и преподается в школах в качестве «высочайшей добродетели». Горячий прием кубинцев делегацией АНК в Южной Африке в 1996 году и толпы, распевające «Да здравствует Куба!», свидетельствуют о том же явлении.

Между прочим, мы могли бы спросить, как прореагировали бы Соединенные Штаты на ливийские самолеты, кружащие над Нью-Йорком и Вашингтоном и разбрасывающие листовки, призывающие американцев к восстанию, после многих лет террористических нападений на объекты США на родине и за границей? Может быть, увенчали бы их цветочными гирляндами? Некоторый намек дал Барри Дансмор из агентства Эй-Би-Си, цитируя Уолтера Порджеса, бывшего вице-президента Эй-Би-Си Ньюс по новостным программам. Порджес сообщает: когда группа Эй-Би-Си на гражданском самолете попыталась заснять Шестой флот США в Средиземном море, «нам приказали немедленно убраться, или нас собьют», что «предусмотрено статьями международного закона, определяющего воздушное пространство для военных самолетов». Однако же, если сверхдержава нападет на маленькую страну это другое дело.

Возможно, полезным будет углубиться в историю. Политика, направленная на свержение правительства Кубы, восходит не к администрации Кеннеди, как утверждал Айзенштат, а к ее предшественнице: формальное решение свергнуть Кастро в пользу режима, «более преданного истинным интересам кубинского народа и более приемлемого для США», было тайно принято в марте 1960 года. Это решение было снабжено приложением, гласившим, что операцию следует осуществлять «так, чтобы избежать всякой видимости американской интервенции», из-за реакции, ожидавшейся в Латинской Америке, и из-за того, что потом пришлось бы отыгрываться на разработчиках соответствующей доктрины в США. В то время «связь с Советами» и «смутьянство в целом полушарии» были равны нулю, что не соответствует версии Шлезингера. Кроме того, администрация Кеннеди признала, что ее усилия нарушают международное право и Хартии ООН и ОАГ, но, как показывают нам рассекреченные документы, подобного рода соображения отбрасывались без всякого обсуждения.

Поскольку Вашингтон является арбитром «истинных интересов кубинского народа», для разработчиков планов из правительства США не было необходимости прислушиваться к полученным ими результатам исследований общественного мнения, в которых сообщалось о народной поддержке Кастро и оптимизме по отношению к будущему. По аналогичным причинам не принимается во внимание и текущая информация по этим вопросам. Администрация Клинтона служит истинным интересам кубинского народа, насаждая нищету и голод, что бы ни прочитывалось в исследованиях общественного мнения на Кубе. К примеру, опрос, проведенный в декабре 1994 года филиалом Института Гэллага, показал, что половина населения считает эмбарго «основной причиной кубинских проблем», тогда как 3 % нашли политическую ситуацию «наиболее серьезной проблемой, стоящей перед Кубой сегодня»; что 77 % считают США «наихудшим другом» Кубы (ни одна другая страна не достигла 3 %); что две трети населения считает, что революция принесла больше достижений, чем провалов, а «основной провал» заключался в «зависимости от социалистических стран вроде России, которые нас предали»; и что половина кубинцев называет себя «революционерами» и еще 20 % «коммунистами» или «социалистами».

Как бы там ни было, выводы, касающиеся позиций общественности, не принимаются во внимание, и делается это опять-таки систематически, в том числе и в США. Любители истории могут вспомнить, что описываемая политика фактически восходит к 1820-м годам, когда намерение Вашингтона взять Кубу под контроль не осуществилось благодаря британским средствам устрашения. Госсекретарь Джон Квинси Адамс считал Кубу «объектом чрезвычайной важности для торговых и политических интересов нашего Союза», но он рекомендовал быть терпеливыми. Со временем, предсказывал он, Куба сама упадет в руки США по «законам политической... гравитации», подобно «плоду, созревшему для сбора».

Так это и случилось, когда в конце XIX века власти Соединенных Штатов окончательно решили освободить остров (от его населения), чтобы превратить его в американскую плантацию и гавань для преступных синдикатов и туристов. Исторические истоки решимости США властвовать над Кубой могут способствовать объяснению элементов истерии, столь явно присутствовавших при осуществлении этих планов; возьмем, например, описанную Честером Баулзом «почти что свирепую» атмосферу первого заседания кабинета министров после неудачной интервенции в заливе Кочинос, «близкую к бешенству реакцию на программу действий» настроение, отраженное в публичных заявлениях Кеннеди о том, что если мы, американцы, будем бездействовать, «нас скоро выметут вместе с историческим хламом». В кубинских инициативах Клинтона публичной и той, что под ней прочитывается, проявляется аналогичная черта карательного фанатизма например, в угрозах и судебных преследованиях, приведших к тому, что «количество компаний, получивших лицензии США на торговлю [лекарствами] на Кубе, упало до менее 4 % «от уровня, предшествовавшего Акту о кубинской демократии (АКД), принятому в октябре 1992

года, при том, что «лишь несколько медицинских компаний во всем мире попытались бросить вызов американским правилам» и наказаниям, как сообщает обзор из ведущего британского медицинского журнала.

Примеры вроде упомянутых выше уводят нас из отвлеченной сферы международного права и торжественных соглашений к реалиям человеческой жизни. Пусть юристы спорят, нарушает ли запрет на ввоз продовольствия и (фактически) лекарств международное соглашение, гласящее, что «продовольствие не должно использоваться в качестве орудия политического и экономического давления» (Римская декларация, 1996), и прочие декларированные принципы и обязательства. Но ведь жертвам приходится жить, смирившись с тем, что АКД «привел к серьезному снижению допустимых законом поставок лекарств и продовольственных пожертвований в ущерб кубинскому народу» (Камерон). Недавно вышедшее исследование Американской ассоциации всемирного здравоохранения (ААВЗ) делает вывод, что эмбарго вызвало серьезный дефицит продовольствия, ухудшение в снабжении безопасной питьевой водой и резкое снижение доступности лекарств и медицинской информации, что привело к низкой рождаемости, к эпидемиям неврологических и прочих заболеваний с тысячами жертв и к прочим тяжелым последствиям для здоровья. «Стандарты здравоохранения и питания обрушились из-за недавнего усиления 37-летнего американского эмбарго, которое включает и импорт продовольствия», пишет в британской прессе Виктория Бриттейн, сообщая об исследовании, проводившемся в течение года американскими специалистами из ААВЗ, которые обнаружили «в больницах агонизирующих детей, так как основные лекарства им недоступны», и врачей, вынужденных «работать с медицинским оборудованием менее чем на половину мощности, так как у них нет запчастей». Аналогичные выводы делаются и в других текущих исследованиях из профессиональных журналов.

Таковы реальные преступления, гораздо более серьезные, чем непреднамеренные или же обдуман ные злоупотребления правовыми инструментами, используемыми в качестве орудий против официальных врагов; такой цинизм могут демонстрировать лишь поистине сильные мира сего.

Честно говоря, следует добавить, что страдания, причиненные эмбарго, иногда отзываются и в США. Так, передовица в разделе бизнеса «Нью-Йорк таймс» озаглавлена: «Цены на кубинские сигары взлетают до небес: теперь, когда толстые сигары тощают, эмбарго действительно болезненно». В статье речь идет о горестях руководителей бизнеса, собирающихся в «плюшевой курительной комнате» на Манхэттене и сетующих на то, «что в эти дни достать кубинскую сигару в Штатах ох как трудно», разве что по «ценам, которые щекочут горло даже самым завзятым курильщикам».

Пока администрация Клинтона, пользуясь привилегией силы, приписывает жуткие последствия беспрецедентной в современной истории экономической войны политике режима, от которого она обещает «освободить» страдающий кубинский

народ, более убедительным выводом является почти противоположный: «американское экономическое удушение Кубы» задумывалось, поддерживалось, а в эпоху после холодной войны укреплялось по причинам, вскрытым в докладной записке Артура Шлезингера вступавшему в должность президенту Кеннеди. Произошло именно то, чего опасалась Латиноамериканская миссия Кеннеди: успехи программ по улучшению здравоохранения и уровня жизни способствовали распространению «идеи Кастро о том, что дела надо вести самостоятельно», стимулируя «бедных и непривилегированных» в регионе с наихудшим во всем мире неравенством «требовать возможностей для приличной жизни»; а также были и другие опасные последствия. Существуют важные документальные факты непреодолимой силы, сопровождающиеся согласованными с ними действиями, основанными на совершенно рациональных мотивах, которые наделяют эту оценку немалым правдоподобием. Чтобы оценить притязание на то, что американская политика на Кубе обусловлена озабоченностью «нарушением прав человека и попранием демократии», достаточно всего лишь взглянуть на эти документы по крайней мере, тем, кто всерьез озабочен этими проблемами.

Однако же, когда мы празднуем триумф «американских ценностей», о делах, нашедших отражение в этих документах, не принято говорить вслух «в приличном обществе». Также принято считать, что мы не помним, что Клинтон, вдохновившись той же страстью к свободной торговле, «заставил Мексику подписать соглашение, которое положит конец поставкам дешевых помидоров в Соединенные Штаты», сделав подарок флоридским производителям, стоивший Мексике около 800 млн. долларов ежегодно и нарушивший и соглашение НАФТА, и соглашение ВТО (хотя только «по духу», ибо это была чисто силовая игра, которой не требуется официальный тариф). Администрация Клинтона объяснила решение откровенно: мексиканские помидоры дешевле, и американские потребители предпочитают их. Свободный рынок работает, но не с тем результатом. Или, возможно, помидоры тоже представляют угрозу национальной безопасности.

Разумеется, помидоры и телекоммуникации это совершенно разные вещи. И любые услуги, которые Клинтон оказал производителям Флориды, кажутся ничтожными по сравнению с требованиями индустрии телекоммуникаций, и это даже не считая того, что Томас Фергюсон описывает в качестве «величайшего секрета выборов 1996 года», когда он напоминает о том, что «наибольшую поддержку на выборах Билл Клинтон получил не от какого-либо политического блока, но от сектора телекоммуникаций», поскольку именно из этого «необычайно прибыльного сектора» Клинтон получил основные пожертвования на свою предвыборную кампанию. Акт о телекоммуникациях 1996 года и упомянутое соглашение ВТО являются в некотором смысле благодарственными расписками, хотя было бы невероятно, если бы результат сильно отличался от имеющегося, если бы деловой мир избрал иную смесь щедрот, ведь он сейчас страдает от того, что «Бизнес уик» совсем недавно назвал «баснословными» прибылями еще на одной «вечеринке сюрпризов для

корпоративной Америки».

Среди истин, которые не следует вспоминать, выделяются кратко упомянутые раньше: фактические итоги «рейгановского замшелого индивидуализма» и «евангелие свободного рынка» (для бедных и незащищенных), проповедовавшееся в годы, когда протекционизм достиг небывалых высот, а администрация с необыкновенной непринужденностью осыпала высокотехнологичную промышленность средствами из государственных фондов. Здесь мы начинаем приближаться к сути дела. Только что рассмотренные основания для скептицизма по поводу описанной «страсти» достаточно значимы, но они являются лишь примечанием к реальности: американским корпорациям удалось достичь позиций, благоприятных для доминирования на между народных рынках, что и способствовало нынешнему прославлению «американских ценностей».

Но это опять же долгая история, и она расскажет нам многое о современном мире: о его социальных и экономических реалиях, а также о власти идеологий и доктрин, включая и те, что выдуманы для внушения безнадежности, смирения и отчаяния.

Впервые опубликовано в Z, март 1997.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. David Sanger, NYT, February 17, 1997; Youssef Ibrahim, NYT, December 13, 1996; Harvey Cox, World Policy Review, Spring; Martin Nolan, Boston Globe, March 5, 1997; John Buell, Progressive, March 1997.

2. Shafiqi Islam, Foreign Affairs, America and the World, 1989-90.

3. Patrick Low, Trading Free (Twentieth Century Fund, 1993).

4. Observer (London), January 19, January 12, 1997, а также Noam Chomsky, Powers and Prospects (South End, 1996), 18; Independent, November 24, 25, 1996; Guardian Weekly, January 5, 1997. Financial Times, January 17, 1997.

5. Gary Silverman and Shada Islam, Far Eastern Economic Re-view, February 27, 1997.

6. Reuters, February 1, 1996, процитировано в Andrew Grove, Only the Paranoid Survive (Doubleday, 1996), 201, 172-3. О перспективах см. Robert McChesney, Corporate Media and the Threat to Democracy (Open Media Pamphlet Series/Seven Stories Press, 1997); Edward Herman and Robert McChesney, The Global Media (Cassell, 1997).

7. Jornal do Brasil, March 10, 19, 1997; Revista Ateneo, March 1997, перепечатано в Sem Terra, February 1997; Carlos Tautz, Latinamerica Press, March 13, 1997.

8. Deborah Hargreaves, Financial Times (London), February 2, 1996.

9. Editorial, NYT, February 17, 1997; Peter Morici, Current History, February 1997.

10. Editorial, NYT, February 17, 1997; NYT, November 13, 1996; Wayne Smith, In These Times, December 9, 1996; Anthony Kirkpatrick, Lancet 358, no. 9040, November 30, 1996, перепечатано в Cuba Update, Winter 1997; David Sanger, NYT, February 21, 1997.

11. Ian Williams, *Middle East International*, March 21, 1997. По поводу стандартного причудливого толкования документов ООН см. Noam Chomsky, *Deterring Democracy* (Verso 1991), Chapter 6; *Letters from Lexington* (Common. Courage, 1993), Chapters 8,9.

12. Abraham Sofaer, *The United States and the World Court*, V. S. Dept. of State, Bureau of Public Affairs, Current Policy Series, no. 769, December 1985.

13. Jules Kagian, *Middle East International*, October 21, 1994.

14. В их отсутствие (лат.). Прим. пер.

15. Frances Williams and Nancy Dunne, *Financial Times*, November 21, 1996.

16. *Wall Street Journal*, March 25, 1997.

17. Ruth Leacock, *Requiem for Revolution* (Kent State, 1990), 33.

18. David Sanger, *NYT*, February 21, 1997.

19. Arthur Schlesinger, letter, *NYT*, February 26, 1997.

20. *Foreign Relations of the United States, 1961-63, vol. XII, American Republics*, 13f., 33, 9. (Government Printing Office, Washington, DC 1997).

21. Tim Weiner and Miyera Navarro, *NYT*, February 26, 1997; также сообщается, что американская разведка заявила, что нарушил кубинское воздушное пространство, по меньшей мере, один из самолетов, а возможно, и все три, и что перед тем они получили предупреждения от службы контроля за воздушным движением в Гаване. О недавних террористических нападениях см. *Cuba Update*, March/April 1996. Angus Shaw, AP, February 27; Donna Bryson, AP, February 20; Lionel Martin, Reuters, March 26, 1996 (служба San Jose Mercury News). *Boston Globe*, March 24, 1996.

22. Michael Stuehrenberg, *Die Zeit*, *World Press Review*, December 1988.

23. Barrie Dunsmore, "Live from the Battlefield", discussion paper, January 8, 1996.

24. Piero Gleijeses, "Ships in the Night: The CIA, The White House and the Bay of Pigs", *Journal of Latin American Studies* 27, no. 1, February 1995, 1-42; Jules Benjamin, *The United States and the Origins of the Cuban Revolution* (Princeton University Press, 1990).

25. *Miami Herald*, Spanish Edition, December 18, 1994; *Магна Lopez Vigil*, Епуно (Jesuit University of Central America, Managua), June 1995.

26. Kirkpatrick, op. cit. Joanna Cameron, "The Cuban Democracy Act of 1992: The International Complications", *Fletcher Forum* (Winter/Spring 1996). См. Noam Chomsky, *Year 501* (South End, 1993), Chapter о фоне событий и источниках.

27. Cameron, "Cuban Democracy Act", *American Association for World Health, Denial of Food and Medicine: the Impact of the U. S. Embargo on Health and Nutrition in Cuba*, March 1997; Victoria Brittain, *Guardian Weekly*, March 16, 1997.

28. *NYT*, April 17, 1996.

29. David Sanger, *NYT*, October 12, 1996. Годом позже администрация Клинтона навязала сверхвысокие тарифы на японские суперкомпьютеры. См. ниже, гл. VII.

30. Thomas Ferguson, *Mother Jones*, November/December 1996; *Business Week*, August 12, 1996.

IV. РЫНОЧНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ПРИ НЕОЛИБЕРАЛЬНЫХ ПОРЯДКАХ: ДОКТРИНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

ОТРЫВКИ ИЗ ЕЖЕГОДНОЙ МЕМОРИАЛЬНОЙ ЛЕКЦИИ ДЭВИ, ПРОЧИТАННОЙ В КЕЙПТАУНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ, ЮАР, МАЙ 1997 ГОДА

Меня попросили поговорить о каком-нибудь аспекте академической или человеческой свободы. Это приглашение предоставляет мне большое пространство для выбора. Я остановлюсь на некоторых простейших проблемах, связанных с понятием свободы. Свобода без пользования ею это дар дьявола, а отказ в предоставлении возможностей пользоваться ею преступен. Судьба уязвимых слоев населения отчетливо показывает нам, какое расстояние отделяет нас от того, что можно назвать «цивилизацией». Пока я буду говорить, 1000 детей умрут от легко предотвращаемых болезней, и почти вдвое больше женщин умрет или получит серьезную инвалидность во время беременности или родов из-за отсутствия простых лекарств и лечения. По оценке ЮНИСЕФ, для преодоления таких трагедий и обеспечения всеобщего доступа к основным социальным службам потребовалась бы четверть годовых военных расходов «развивающихся стран» или около 10 % военных расходов США. Любая серьезная дискуссия о человеческой свободе должна происходить именно на фоне таких реальностей.

Повсеместно утверждается, что средство от таких социальных недугов находится в пределах наших возможностей. И эта надежда не лишена оснований. За прошедшие несколько лет мы видели падение жестоких тираний, многообещающий рост научного понимания и много других оснований предвкушать более счастливое будущее. Рассуждения привилегированных слоев отличаются самонадеянностью и чувством триумфа: путь вперед известен, и другого нет. Основная тема этих рассуждений, выраженная мощно и ясно, такова: «Победа Америки в холодной войне была победой, одержанной благодаря сочетанию политических и экономических принципов, а именно: демократии и свободного рынка». Эти принципы представляют собой «волну будущего будущего, для которого Америка и привратник, и образец». Я цитирую главного политического комментатора «Нью-Йорк таймс», но эта картина стандартна, она то и дело повторяется во многих странах и принимается как в общем и целом истинная даже ее критиками. Ее также называли «доктриной Клинтона», провозгласившего, что наша миссия «консолидировать победу демократии и открывать рынки», которые были недавно обретенны.

Остается некоторый диапазон несогласия: одна его крайность представлена «идеалистами а-ля Вильсон», настаивающими на непрерывной преданности традиционной миссии благотворительности, другая «реалистами», возражающими на это, что у нас может не хватать средств для ведения этих крестовых походов,

нацеленных на «глобальное со вершенствование» мира, и мы не должны пренебрегать нашими интересами, служа другим. Между этими крайностями пролегает путь к улучшению мира.

По-моему, в реальности дело обстоит совсем иначе. Современный спектр публичных политических дискуссий имеет столь же малое отношение к политике, как и многочисленные предшествовавшие дискуссии: на самом деле ни Соединенные Штаты, ни какая-либо другая держава не руководствуются доктриной «глобального совершенствования» мира. Демократия находится под ударом в мировом масштабе, в том числе и в ведущих индустриальных странах по крайней мере, демократия в осмысленном значении этого термина, включающем возможность для людей управлять собственным коллективом и личными делами. Нечто подобное можно сказать и о рынках. К тому же удары по демократии и рынкам взаимосвязаны. Истоки этих ударов коренятся в мощи тесно взаимосвязанных корпоративных организаций, которые опираются на могущественные государства и в значительной степени неподотчетны общественности. Расширение их безмерной власти обусловлено социальной политикой, ведущей к глобализации третьего мира и сопровождающейся появлением на одном полюсе неслыханных богатств и привилегий на фоне роста на другом полюсе «числа тех, кто обречен на тяжелый труд и тайно уповает на более равное распределение его плодов» как 200 лет назад предсказывал ведущий теоретик американской демократии Джеймс Мэдисон. Варианты выбора, предлагаемые этой политикой, наиболее очевидны в англо-американских обществах, но распространяются по всему миру. Их невозможно обосновать путем ссылок на «решения, которые принимает свободный рынок в его бесконечной, но таинственной мудрости», на «неумолимый размах рыночной революции», «замшелый рейгановский индивидуализм», или же на «новую ортодоксию, наделяющую рынок полной свободой». Наоборот, решающую роль, как и прежде, играет государственное вмешательство, а основные параметры проводимой политики не отличаются новизной. По выражению деловой прессы, современные версии политики отражают «полнейшее подчинение труда капиталом» на протяжении более пятнадцати лет, что зачастую точно описывает восприятие в высшей степени исполненного классовым сознанием делового сообщества, посвятившего себя классовой войне.

Если эта точка зрения верна, то путь к более справедливому и свободному миру выходит далеко за пределы диапазона вариантов, выдвигаемых привилегированными слоями и властью имущими. Здесь я не собираюсь обосновывать такие выводы, но лишь уповаю на то, что они достаточно правдоподобны и заслуживают тщательного рассмотрения. Кроме того, я хочу подчеркнуть, что господствующие доктрины вряд ли смогли бы выжить, если бы не способствовали «муштре общественного мнения во всех деталях в такой же степени, как армия муштрует тела своих солдат», я цитирую опять же Эдварда Бернайса, демонстрирующего деловому миру уроки, извлеченные из пропаганды военного времени (см. статью «Согласие без согласия: манипуляция общественным мнением» в этом же сборнике).

Совершенно поразительно, что в обеих ведущих демократиях мира росло осознание потребности «применить уроки» весьма успешных пропагандистских систем времен Первой мировой войны «к организации политических военных действий», как выразился председатель Британской консервативной партии семьдесят лет назад. Либералы вильсоновского толка, включая интеллектуалов на государственной службе и видные фигуры в развивавшейся тогда науке политологии, сделали те же выводы в те же годы. В другом уголке западной цивилизации Адольф Гитлер поклялся, что в следующий раз использует уроки англо-американской пропаганды для политической войны у себя на родине.

Тем временем деловой мир предупреждал, что «промышленники столкнулись с опасностью недавно осуществленной политической власти масс», и необходимо завязать и выиграть «вечную битву за умы людей» и «знакомить граждан с историей капитализма» до тех пор, пока «они не смогут воспроизводить ее с примечательной уверенностью»; и так далее, и всё во впечатляющем потоке, сопровождавшемся еще более впечатляющими усилиями.

Чтобы обнаружить подлинный смысл «политических и экономических принципов», провозглашаемых «волной будущего», необходимо, разумеется, выйти за рамки риторических прикрас и официальных заявлений и исследовать фактическую практику и документы для внутреннего пользования. Пристальное рассмотрение конкретных случаев является наиболее результативным, но чтобы дать справедливую картину, эти случаи надо тщательно подбирать. Существует несколько естественных методов работы. Один из разумных подходов состоит в том, чтобы сослаться на примеры, избранные сторонниками самих доктрин в качестве наиболее веских. Другой исследовать факты, воздействие которых оказывается наибольшим, а помехи при нем наименьшими, так что мы видим действующие принципы в их чистейшей форме. Если мы захотим определить, что имел в виду Кремль под «демократией» и «правами человека», мы мало внимания обратим на то, как торжественно «Правда» обличала расизм в Соединенных Штатах или государственный террор при режимах, являющихся сателлитами США, и еще меньше будем учитывать протесты из благородных побуждений. Гораздо поучительнее здесь ситуации в «народных демократиях» Восточной Европы. Мысль элементарна и приложима еще и к самозваному «привратнику и образцу». Латинская Америка, очевидно, служит для США неким полигоном, особенно Центральная Америка и Карибский регион. Здесь Вашингтон не встречал серьезного сопротивления других стран в течение почти столетия, и поэтому руководящие принципы политики прояснятся с наибольшей отчетливостью, если мы рассмотрим положение в этом регионе и то, как оно сложилось. Примечательно, что такого рода исследование предпринимается редко, а если его предлагают, оно получает клеймо экстремистского, а то и хуже. Я оставляю его в качестве «упражнения для читателя», попросту заметив, что факты дают полезные уроки политических и экономических принципов, преподносящихся в качестве «волны будущего».

Так называемый «крестовый поход Вашингтона за демократию» с особенным пылом велся в годы президентства Рейгана, причем Латинская Америка служила своего рода испытательным полигоном.

Результаты этого «крестового похода» обычно преподносятся как превосходная иллюстрация того, каким образом Соединенные Штаты «вдохновили триумф демократии в наше время», цитирую издателей одного из ведущих интеллектуальных журналов американского либерализма. В новейшем научном исследовании «возрождение демократии в Латинской Америке» описывается как «впечатляющее», но происходящее не без проблем; «барьеры на пути этого возрождения» остаются «труднопреодолимыми», но, вероятно, их можно преодолеть путем более тесной интеграции с Соединенными Штатами. Автор, Сэнфорд Лакофф, выделяет «историческое Североамериканское соглашение по свободной торговле (НАФТА)» в качестве потенциального инструмента демократизации. Он пишет, что в регионе традиционного влияния США страны, «пережив военную интервенцию» и «ужасную гражданскую войну», движутся к демократии.

Давайте сначала пристальнее рассмотрим эти недавние случаи как естественные, принимая во внимание подавляющее влияние США, так и те, что, как правило, избираются для иллюстрации достижений «американской миссии» и связываемых с ней надежд.

Как утверждает Лакофф, основными «барьерами на пути осуществления» демократии являются усилия по защите «национальных рынков», то есть попытки помешать иностранным (преимущественно американским) корпорациям устанавливать все больший контроль над обществом. Выходит, нам следует понимать это так, что демократия растет по мере того, как принятие значимых решений все больше передается никому не подотчетным частно собственническим тираниям, в основном иностранным компаниям. Тем временем государственный сектор будет продолжать «съезжаться» по мере «минимизации» государства согласно триумфально утвердившимся неолиберальным политическим и экономическим принципам. В одном исследовании Всемирного банка подчеркивается, что такая новая ортодоксия представляет собой «драматический сдвиг от плюралистического и представительского идеала политики по направлению к идеалу авторитарному и технократическому», тому, что неплохо согласуется с ведущими элементами либеральной и прогрессивной мысли XX века, а в другом варианте с ленинистской моделью (они гораздо более похожи, чем это часто признается).

Обдумывая фон этого явления, мы обретаем некоторые полезные представления о понятиях демократии и рынков в действенном смысле.

Лакофф не вдается в «возрождение демократии» в Латинской Америке, но все-таки цитирует научный источник, включающий статьи по крестовому походу Вашингтона в 1980-е годы. Автор Томас Каразерс, сочетающий ученость с «точкой зрения человека из ближнего круга», ибо он работал над программами «расширения демократии» в Госдепартаменте при Рейгане. Каразерс считает исходящий из

Вашингтона «импульс по продвижению демократии» «искренним», но в значительной степени неудачным. Кроме того, провалы оказывались систематическими: в странах Южной Америки, где влияние Вашингтона было наименьшим, налицо был реальный прогресс в процессе демократизации, которому рейгановская администрация, как правило, противостояла, хотя впоследствии начинала до верить ему, когда процесс доказывал свою неодолимость. А там, где влияние Вашингтона было наибольшим, прогресс оказывался наименьшим; если где он и происходил, роль США была незначительной или негативной. Каразерс приходит к общему выводу, что США стремились сохранить «основные порядки в... совершенно недемократических обществах» и избежать «популистских изменений», «неизбежно [ища] лишь ограниченных, направляемых сверху форм демократических перемен без риска разрушить традиционные структуры власти, с которыми Соединенные Штаты длительное время поддерживали союзнические отношения». Последнее предложение требует пояснения. Термин «Соединенные Штаты» обыкновенно применялся для обозначения властных структур в США, а «национальным интересом» считается интерес этих групп, что лишь слабо соотносится с интересами населения вообще. Поэтому вывод гласит, что Вашингтон стремился к управляемым формам демократии, не разрушавшим традиционные структуры власти, с которыми Соединенные Штаты длительное время поддерживали союзнические отношения. Этот факт не слишком удивляет и не является серьезной исторической новостью.

В самих Соединенных Штатах «управляемая демократия» крепко укоренена в конституционной системе. Можно утверждать, как делают некоторые историки, что эти принципы утрачивали силу по мере того, как осваивалась и заселялась территория страны. Как бы ни оценивать эти годы, к концу XIX столетия основополагающие американские доктрины приняли еще более угнетающую форму. Когда Джеймс Мэдисон говорил о «правах лиц», он имел в виду частных лиц. Однако рост индустриальной экономики и развитие корпоративных форм экономического предпринимательства привели к совершенно новому пониманию этого термина: «Определение лица в широком смысле включает в себя любые единицы: индивидов, отрасли чего-либо, товарищества, ассоциированные группы, ассоциации, сословия, тресты, корпорации или другие организации (организованные или не организованные по законам любого государства), или же любое правительственное учреждение». Такое толкование шокировало бы Мэдисона и ему подобных деятелей, чьи интеллектуальные корни восходят к эпохе Просвещения и к классическому либерализму.

Такие радикальные изменения в концепции прав человека и демократии вводились, в основном, не законодательством, а судебными решениями и комментариями интеллектуалов. Корпорациям, которые прежде считались искусственными образованиями, не имеющими прав, пожаловали все права частных лиц и гораздо более того поскольку это «лица бессмертные» и «лица», обладающие громадными богатствами и властью. К тому же корпорации больше не привязывались к

конкретным целям, охарактеризованным в государственных хартиях, но могли действовать как им заблагорассудится с немногими ограничениями.

Консервативные ученые-юристы ожесточенно противостояли этим инновациям, признавая, что они подрывают традиционную идею, согласно которой права неотъемлемо присущи индивидам, а также подрывают рыночные принципы. Но эти новые формы авторитарного правления были институциализированы, а вместе с ними произошла легитимация наемного труда, который основное направление американской мысли едва ли считало чем-то лучшим, нежели рабство; причем поддержка такого рода оценки исходила не только от зарождавшегося рабочего движения, но и от таких фигур, как Авраам Линкольн, от Республиканской партии и от средств массовой информации, представляющих истеблишмент.

Эти темы имеют громадные последствия для понимания природы рыночной демократии. Опятьтаки здесь я могу их лишь упомянуть. Материальные и идеологические итоги способствуют прояснению понимания того, что «демократия» за рубежом должна отражать модель, к которой стремятся в США: направляемые сверху формы контроля, когда публике отводится роль зрителей; недопущение этой публики на арену принятия решения, откуда должны быть изгнаны «невежественные и лезущие не в свое дело аутсайдеры», так считает большинство современных теорий демократии. Впрочем, их общие идеи стандартны и крепко укоренены в традиции, хотя и претерпели радикальные изменения в новую эпоху «коллективных субъектов права». Возвращаясь к «победе демократии» под руководством США, ни Лакофф, ни Каразерс не спрашивают, как Вашингтон сохранил традиционную структуру власти в высшей степени недемократических обществах. Они ничего не говорят о террористических войнах, принесших десятки тысяч истерзанных и искалеченных трупов, миллионы беженцев и, вероятно, невосполнимое опустошение. Молчат они о том, что эти террористические войны в значительной степени были направлены против католической церкви, которая стала врагом, когда сделала «выбор в пользу бедных», пытаясь помочь страдающим людям достичь хоть какой-то справедливости и каких-то демократических прав. Более чем символично, что ужасное десятилетие 80-х годов XX века началось с убийства архиепископа [Ромеро], который стал «голосом для безмолвствующих», а завершилось убийством шести ведущих интеллектуалов-иезуитов, избравших тот же путь, что и архиепископ, причем каждый раз эти убийства были делом рук террористических сил, вооруженных и подготовленных победителями в «крестовом походе за демократию». Следует обратить пристальное внимание на тот факт, что ведущие центральноамериканские интеллектуалы-диссиденты оказались убиты дважды: и физически, и замалчиванием их судьбы. Об их идеях и фактически о самом их существовании в Соединенных Штатах почти неизвестно, в отличие от диссидентов во вражеских государствах, вызывающих большой почет и уважение.

Такие вещи не попадают в историю, которую пишут победители. А в исследовании Лакоффа, которое в этом отношении не является исключением, если что и остается,

так это ссылки на «военную интервенцию» и «гражданские войны» без указания на какие-либо внешние факторы. Однако для тех, кто стремится лучше понять принципы, на основе которых формируется будущее, осведомленность обо всех этих злодеяниях представляется совершенно необходимой, особенно если сохранятся нынешние тенденции развития структур власти.

Особенно показательны то, как Лакофф описывает Никарагуа, опять же стандартно: «Гражданская война закончилась вслед за демократическими выборами, и продолжается трудная попытка созидания более процветающего и самоуправяемого общества». В переводе на язык реальных событий это значит, что сверхдержава, напавшая на Никарагуа, усилила свой натиск после первых демократических выборов в истории страны. За выборами 1984 года осуществлялся пристальный контроль, и их легитимность была установлена профессиональной ассоциацией латиноамериканских ученых-гуманитариев (ЛАСА), ирландской и британской парламентскими делегациями и другими в том числе враждебно настроенной нидерландской правительственной делегацией, как ни странно, поддержавшей рейганистские зверства. Ведущая фигура центральноамериканской демократии, Хосе Фигерес из Коста-Рики, к тому же критически настроенный наблюдатель, все-таки счел выборы в «завоеванной стране» (Никарагуа) легитимными и призвал Вашингтон дать сандинистам «мирно завершить то, что они начали: они заслуживают этого». США же решительно противились проведению выборов и всячески стремились сорвать их, будучи обеспокоенными тем, что демократические выборы помешают их террористической войне. Но эта озабоченность оказалась излишней в силу исправного функционирования доктринальной системы, блокировавшей сообщения о выборах с примечательной эффективностью и инстинктивно принимавшей сторону государственной пропаганды, которая называла эти выборы бессмысленным мошенничеством.

Также пренебрегают тем фактом, что по мере приближения срока следующих выборов Вашингтон не оставлял сомнений в том, что если результаты окажутся не такими, какие ему нужны, никарагуанцы будут по-прежнему страдать от незаконной экономической войны и «неправового применения силы», которое осудил Международный суд, постановивший положить ему конец (разумеется, тщетно). На этот раз результаты оказались приемлемыми, и в Соединенных Штатах их приветствовали вспышкой ликования, что весьма показательно.

Подойдя к объективным пределам критической независимости, обозреватель «Нью-Йорк таймс» Энтони Льюис восторженно оценил проведенный Вашингтоном «эксперимент по установлению мира и демократии», который показал, что «мы живем в романтическую эпоху». Методы эксперимента никакого секрета не составляли. Например, журнал «Тайм», присоединившись к торжествам, названным «взрывообразным продвижением демократии» в Никарагуа, обрисовал эти методы совершенно откровенно: их цель «разорить экономику и вести продолжительную и беспощадную войну руками наемников до тех пор, пока измученные туземцы сами не

свергнут неуютное правительство», с «минимальными» затратами для нас, оставив жертву «с разрушенными мостами, разоренными фермами и диверсиями на электростанциях», дав ставленнику Вашингтона «решающий аргумент» покончить с «обнищанием никарагуанского народа», и не говоря о продолжении террора: об этом лучше не упоминать. На самом деле, затраты для них едва ли оказались «минимальными»: Каразерс замечает, что «число потерь на душу населения в пропорциональном отношении было гораздо выше, чем количество американских граждан, погибших в Гражданской войне и всех войнах XX столетия вместе взятых». Результатом стала «победа благодаря честной игре США» таков был ликующий заголовок в «Нью-Йорк таймс», назвавшей американцев «объединенными в радости», в стиле Албании и Северной Кореи.

Методы сей «романтической эпохи» и реакция на них в просвещенных кругах говорят нам о демократических принципах, оказавшихся победоносными, кое-что еще. Они также проливают некоторый свет на то, отчего в Никарагуа попытка «создать более процветающее и самоуправляемое общество» оказалась столь «сложной». Ясно, что эта попытка продолжается и теперь, принося определенные блага привилегированному меньшинству в то время, когда большинство населения столкнулось с социально-экономической катастрофой; вся эта политика проводится по знакомой модели колоний Запада. Заметьте, что этот пример позволил редакторам «Нью рипаблик» прославлять себя в качестве «вдохновителей триумфа демократии в наше время», присоединяясь к восторженному хору.

Мы узнаём о победоносных принципах кое-что еще, вспомнив, что те же репрезентативные фигуры либеральной интеллектуальной жизни подстрекали Вашингтон к безжалостному ведению войн, с военной поддержкой «фашистов в латиноамериканском стиле... независимо от того, сколько будет убитых», потому что «есть более высокие американские приоритеты, чем права человека в Сальвадоре». Развивая тему, редактор «Нью рипаблик» Майкл Кинсли, представлявший левых в официальных комментариях и теледебатах, предостерег против опрометчивой критики официальной политики Вашингтона, состоявшей в нападении на беззащитные гражданские цели. Он признал, что такие между народные террористические операции причиняют «безмерные страдания гражданским лицам», но они могут быть и «абсолютно правомерными», если анализ «затрат и прибылей» покажет, что «количество пролитой крови и нищеты» даст «демократию» в том виде, как ее определяют правители мира. Просвещенное мнение настаивает на том, что террор сам по себе не ценность, но должен удовлетворять прагматическому критерию. Впоследствии Кинсли заметил, что желаемые цели оказались достигнутыми: «Именно обнищание никарагуанского народа было «темой» войны контраст и параллельной политики экономического эмбарго и вето на международные займы по развитию», именно оно «разрушает [разрушило] экономику» и «вызывает [вызвало] экономическую катастрофу, [которая], вероятно, стала наиболее выгодной темой, приведшей оппозицию к победе на выборах». Затем Кинсли присоединился к

приветствиям в адрес «триумфа демократии» на «свободных выборах» 1990 года.

Государства-сателлиты пользуются аналогичными привилегиями. Так, комментируя очередной удар Израиля по Ливану, редактор «Бостон глоуб» по зарубежным странам Х. Д. С. Гринуэй, который красочно описал первое крупное нападение пятнадцатью годами ранее, утверждал, что «если бы бомбардировки ливанских деревень, даже ценою жизней, и вытеснение гражданских беженцев на север обезопасили границы Израиля, ослабили движение «Хезболла» и приблизили мир, то я бы сказал им «да», подобно многим арабам и израильтянам. Но история не проявила снисхождения к израильским авантюрам в Ливане. Они не привели к сколько-нибудь существенному разрешению конфликтной ситуации, но почти всегда лишь создавали дополнительные проблемы». Значит, убийство множества гражданских лиц, изгнание сотен тысяч беженцев и разорение южного Ливана по прагматическим критериям идея сомнительная.

Имейте в виду, что я рассказываю о диссидентском секторе толерантного мнения, о тех, кого называют «левыми», и этот факт много говорит нам о победоносных принципах и интеллектуальной культуре, в рамках которых они находят свое место.

Также показательной была реакция на периодические голословные утверждения рейгановской администрации о том, что у Никарагуа есть планы по приобретению реактивных перехватчиков у Советского Союза (США принудили своих союзников к отказу от продажи таких самолетов). «Ястребы» требовали немедленной бомбардировки Никарагуа. «Голуби» возражали, что обвинения сначала надо доказать, но если бы они были доказанными, Соединенным Штатам следовало бы бомбить Никарагуа. Здравомыслящие же наблюдатели понимали, отчего Никарагуа хочет приобрести реактивные перехватчики: чтобы защитить собственную территорию от организованных ЦРУ перелетов, при помощи которых проамериканские силы снабжались и получали свежую информацию, руководствуясь которой они атаковали беззащитные «уязвимые цели». Молчаливо предполагалось, что ни одна страна не имеет права защищать гражданских лиц от атак со стороны США, и среди «официальных» мнений эта доктрина имела фактически безраздельное господство.

Предлогом для террористических войн Вашингтона послужила самооборона стандартное официальное оправдание любого чудовищного деяния, даже нацистского Холокоста. И действительно, Рональд Рейган, посчитав, «что политика и действия правительства Никарагуа представляют необычайную и значительную угрозу национальной безопасности и международной политике», объявил «национальное чрезвычайное положение ради борьбы с этой угрозой», что не вызвало никаких насмешек. По аналогичной логике, у СССР были все права напасть на Данию, представлявшую гораздо большую угрозу для его безопасности, и уж конечно на Польшу и Венгрию, когда они приняли меры к достижению независимости. Тот факт, что такие доводы могут регулярно выдвигаться, опять-таки дает интересный комментарий к интеллектуальной культуре победителей и еще одно

указание на то, что ждет нас впереди.

Теперь поговорим о НАФТА, об «историческом» соглашении, которое, по мнению Лакоффа, может способствовать успехам демократии в американском стиле в Мексике. Пристальное рассмотрение этого соглашения способно дать нам немало полезной информации. Соглашение НАФТА удалось пробить через Конгресс, несмотря на сильное противодействие простого народа, но при подавляющей поддержке со стороны деловых кругов и средств массовой информации, наполненных радостными обещаниями благ для всех заинтересованных лиц и организаций; эти обещания самоуверенно поддерживались Международной торговой комиссией США и ведущими экономистами, оснащенными ультрасовременными экономическими моделями (которые только что потерпели позорный провал, не разглядев вредоносных последствий соглашения между США и Канадой по свободной торговле, но полагали, что НАФТА как-то «заработает»). Совершенно не был принят во внимание тщательный анализ Бюро технологических оценок (научно-исследовательский отдел Конгресса), где был сделан вывод, что запланированный вариант НАФТА нанесет вред большей части населения Северной Америки, и предложены изменения, которые могли сделать это соглашение выгодным не только узким кругам инвесторов и финансистов. Еще более показательным было замалчивание официальной позиции американского рабочего движения, представленной в аналогичном анализе. Тем временем рабочих резко осудили за их «отсталые непросвещенные» позиции и «тактику грубых угроз», мотивированную «боязнью изменений и страхом перед иностранцами»; я снова цитирую лишь крайне левую часть спектра, на сей раз Энтони Льюиса. Можно было доказать лживость этих обвинений в столь «вдохновляющем» упражнении по демократии до общественности дошли лишь они. Дальнейшие подробности проливают еще больший свет, они становились предметом рассмотрения в диссидентской литературе того времени и впоследствии, но не предавались широкой огласке и едва ли имеют шанс стать частью официальной истории.

Теперь басни о чудесах НАФТА спокойно положили на полку: их опровергают факты. Уже ничего не услышишь о сотнях тысяч новых рабочих мест и других грандиозных выгодах, «припасенных» для жителей трех стран. Эти хорошие новости оказались заменены «явно благосклонной экономической точкой зрения» «мнением специалистов» о том, что соглашение НАФТА не принесло значительных результатов. По сообщению «Уолл-стритджорнэл», «должностные лица американской администрации испытывают чувство беспомощности и разочарования из-за своей неспособности убедить избирателей в том, что им ничего не угрожает», и что безработица «значительно меньше, чем предсказывал Росс Перо», которому позволили участвовать в основной дискуссии (в отличие от ОТА, рабочего движения, экономистов, отклонявшихся от «партийной линии», и, разумеется, аналитиков-диссидентов), поскольку его притязания порою отличались чрезмерностью и легко осмеивались. Цитируя печального обозревателя из правительственного средства

массовой информации, «Джорнэл» в дальнейшем сообщает, что «трудно бороться с критикой, говоря правду что торговый договор на самом деле ничего не дал». Когда впечатляющее упражнение по демократии неслось вперед на всех парусах, о том, чем должна быть «правда», забыли.

Когда специалисты подвергли НАФТА критике за «отсутствие значительных результатов», предав при этом «прежние взгляды экспертов» забвению, появляется менее благосклонная экономическая точка зрения, если «национальный интерес» расширяется до масштабов всего населения. Выступая перед Сенатским банковским комитетом в феврале 1997 года, председатель Федерального резервного совета Алан Гринспен проявил большой оптимизм относительно «продолжительной экономической экспансии» благодаря «нетипичному ограничению роста компенсаций, [которое] является, в основном, следствием возросшей ненадежности в положении трудящихся». Однако подобное положение дел для справедливого общества является очевидным недо статком. Экономический доклад президента за февраль 1997 года, выражая удовлетворенность достижениями администрации, в то же самое время ссылается на «изменения институтов и форм деятельности, связанных с организацией рынка рабочей силы» как на один из факторов «значительного сдерживания зарплаты», поддерживающего здоровье экономики.

Одна из причин этих «доброкачественных» изменений разбирается в проведенном по поручению Секретариата НАФТА по рабочей силе исследовании «о влиянии внезапного закрытия фабрик на принцип свободы ассоциаций и на право трудящихся на организацию в трех странах». Исследование было проведено под руководством НАФТА в ответ на жалобу телекоммуникационных работников на незаконные способы обращения с рабочей силой в компании «Спринт». Жалобу поддержало Бюро национальных трудовых отношений, после нескольких лет проволочек постановившее выплатить незначительный штраф, что в данном случае явилось стандартной процедурой. Исследование НАФТА, проведенное специалистом по трудовым отношениям из Корнельского университета Кейт Бронфенбреннер, было допущено к печати в Канаде и Мексике, но встретилось с препятствиями в США. В нем раскрывается существенное воздействие НАФТА на борьбу с забастовками. Около половины усилий по организации трудящихся подавляются угрозами предпринимателей перевести производство за границу, например, вывесками «Перевод производства в Мексику» у фабрик, где наблюдается тенденция к организации профсоюзов и забастовочного движения. И эти угрозы не беспочвенны: когда забастовочное движение, несмотря ни на что, оказывается действенным, предприниматели закрывают фабрики, целиком или частично. Количество случаев закрытия фабрик по подобного рода причинам в настоящее время увеличилось в три раза по сравнению с периодом, предшествовавшим созданию НАФТА. Причем риск подобного закрытия фабрик в два раза выше в отраслях промышленности, в большей степени поддающихся территориальному перемещению. Так, например, он значительно выше в легкой промышленности по сравнению со строительством. Этот

и иные методы, о которых сообщает исследование, являются незаконными, но для власть имущих все это всего лишь дело техники. Точно так же обстоит дело и с нарушениями международного права и торговых соглашений в тех случаях, когда власть имущие считают ожидаемые результаты неприемлемыми. Администрация Рейгана дала понять деловому миру, что его незаконной антипрофсоюзной деятельности не будет препятствовать криминальное государство, а преемники Рейгана придерживались той же точки зрения. Все это оказало существенное влияние на подавление профсоюзов, или, в более вежливых выражениях, на «изменения в организациях и порядках рынка рабочей силы», способствующие «значительному ограничению зарплаты» в рамках экономической модели, предлагаемой с большой гордостью отсталому миру, который пока не уяснил победоносные принципы, которым предстоит проторить дорогу к свободе и справедливости.

Цели НАФТА, о которых шла речь в «маргинальных» источниках, теперь тихо признаются всеми: подлинная цель данного соглашения заключалась в том, чтобы «привязать Мексику» к «реформам», произведшим «экономическое чудо» в техническом смысле этого термина «чудо» для американских инвесторов и мексиканских богачей в условиях, когда простое население погрязло в нищете. Администрация Клинтона «забыла, что основополагающей целью НАФТА было не способствовать торговле, а сцементировать экономические реформы в Мексике» торжественно заявляет корреспондент журнала «Ньюсуик» Марк Левинсон, забывая лишь добавить при этом, что ради утверждения соглашения НАФТА громогласно утверждалось противоположное, а критики, делавшие акцент на этой «основополагающей цели», по большей части, изгонялись со свободного рынка идей его владельцами.

Возможно, когда-нибудь согласятся и с другими аналогичными причинами. «Привязывание Мексики к реформам», как надеялись, отведет опасность, обнаруженную семинаром по стратегическому развитию Латинской Америки в Вашингтоне в сентябре 1990 года. Там пришли к выводу, что отношения с жестоким мексиканским диктаторским режимом превосходны, хотя есть и серьезная проблема: «демократические перемены» в Мексике могут поставить под вопрос особые отношения этой страны с США в том случае, если будет избрано правительство, заинтересованное в том, чтобы исходя из экономических и националистических соображений, бросить вызов Соединенным Штатам. Теперь же, когда Мексика привязана к реформам договором, эта опасность уже не представляет серьезной проблемы. США обладают правом произвольно пренебрегать договорными обязательствами, а Мексика нет.

Словом, угрозой и в США, и за границей является демократия, что снова иллюстрируется приведенным выше примером. Демократия допустима и даже приветствуется, но опять-таки судить следует по результату, а не по процессу. Соглашение НАФТА считалось эффективным инструментом, ослабляющим угрозу со стороны демократии. Оно проводилось в жизнь в Соединенных Штатах путем

подрыва демократического процесса, а в Мексике даже силой, преодолевая при этом существенный, но безрезультатный протест общественности. Теперь результаты описываются как многообещающий инструмент экспорта демократии в американском стиле погрязшим в невежестве мексиканцам. Циничный наблюдатель, знакомый с фактами, мог бы с этим согласиться.

И опять приведенные иллюстрации триумфа демократии являются естественными; они интересны и показательны, хотя и не так, как задумывалось.

Провозглашение доктрины Клинтона сопровождалось «наиболее наглядным» примером, иллюстрирующим упомянутые победоносные принципы: это достижения администрации США на Гаити. Поскольку они снова предлагаются в качестве самого весомого случая, имеет смысл ознакомиться с ними.

Действительно, избранному президенту Гаити разрешили вернуться, но лишь после того, как народные организации подверглись продолжавшемуся три года террору со стороны сил, сплошь и рядом сохранивших тесные связи с Вашингтоном; администрация Клинтона до сих пор отказывается передать Гаити 160000 страниц захваченных вооруженными силами США документов, связанных с практикой государственного террора. Согласно заявлению организации «Human Rights Watch», делается это для того, «чтобы избежать ошеломляющих разоблачений», доказывающих причастность американского правительства к политике путчистов. Также оказалось необходимым преподать президенту Аристиду «ускоренный курс демократии и капитализма» так его ведущий сторонник в Вашингтоне описал процесс перевоспитания священника смутьяна.

Этот способ известен и в других странах, где замечают нежелательный переход к формальной демократии.

Президенту Аристиду было выдвинуто условие, что вернуться на свой пост он сможет только в том случае, если согласится принять экономическую программу, ориентирующую политику правительства Гаити на потребности «гражданского общества, в особенности частного сектора, как национального, так и зарубежного»: согласно этой программе, ядром гаитянского гражданского общества должны были стать американские инвесторы наряду с богатыми гаитянами, поддержавшими военный путч, но вовсе не гаитянские крестьяне и обитатели трущоб, сформировавшие настолько живое и обладающее быстрой реакцией общество, что, вопреки неблагоприятной ситуации, они даже оказались способными избрать собственного президента, мгновенно вызвав враждебность США и попытки подорвать первый демократический режим на Гаити.

Неприемлемые действия «невежественных и лезущих не в свое дело аутсайдеров» на Гаити были насильственно аннулированы при непосредственном соучастии США и не только посредством контактов с несущими за это ответственность государственными террористами. Организация американских государств (ОАГ) объявила эмбарго. Администрации Буша и Клинтона саботировали его с самого начала, освободив от него фирмы США, а также тайно разрешив компании «Тексако Ойл» в

нарушение официальных санкций заниматься поставками для путчистов и их богатых сторонников: важнейший факт, отчетливым образом раскрытый за день до того, как американские войска высадились ради «восстановления демократии», но его надо еще довести до общественности, и это очередной кандидат на то, чтобы не попасть в исторические документы.

Теперь демократия восстановлена. Новое правительство вынудили отказаться от демократических и реформистских программ, оскорблявших Вашингтон, и следовать политике вашингтонского кандидата на выборах 1990 года, получившего тогда всего 14 % голосов.

События, предшествовавшие этому триумфу, дают неплохое понимание тех «политических и экономических принципов», которым было суждено привести нас в славное будущее. Остров Гаити, наряду с Бенгалией, представлял собой одну из богатейших колониальных жемчужин и источник изрядной доли богатств Франции. С тех пор, как морские пехотинцы Вильсона напали на страну восемьдесят лет назад, она находилась в значительной степени под контролем и опекой США. Теперь положение ее столь катастрофично, что она едва ли пригодна для обитания в не слишком отдаленном будущем. В 1981 году начала действовать стратегия Всемирного банка, основанная на строительстве сборочных заводов и экспорте сельскохозяйственной продукции, что переориентировало Гаити с производства продовольствия для местного употребления. USAID предсказала «историческое изменение в сторону более глубокой рыночной взаимозависимости с Соединенными Штатами» в стране, которой предстояло стать «Тайванем Карибского моря». С этим согласился Всемирный банк, предложивший обычные предписания по «расширению частного предпринимательства» и минимизации «социальных целей», тем самым усугубляя неравенство и бедность и ухудшая качество здравоохранения и образования. Справедливости ради следует отметить, что эти стандартные предписания обычно сочетаются с проповедями о необходимости уменьшения неравенства и бедности и улучшения состояния систем здравоохранения и образования. В случае с Гаити последствия были самыми обычными: прибыли для промышленников США и гаитянских сверхбогачей, а также падение зарплаты гаитянцев на 56 % в продолжение 80-х годов XX века словом, «экономическое чудо». Гаити осталось самим собой, не сделавшись Тайванем, который следовал радикально иным путем, что, конечно же, должно быть известно советникам.

Как раз попытки первого демократического правительства Гаити облегчить назревавшую беду и вызвали враждебность Вашингтона, равно как и последовавшие военный путч и террор. Когда «демократия восстановлена», USAID отказывается предоставлять помощь, чтобы обеспечить приватизацию цементных заводов и мукомольных фабрик к выгоде богатых гаитян (гаитянского «гражданского общества», согласно директивам, сопровождавшим восстановление демократии), препятствуя расходам на здравоохранение и образование. Агробизнес получает щедрые субсидии, но не выделяется средств на крестьянское земледелие и ремесла,

обеспечивающие доходы подавляющего большинства населения. Принадлежащие иностранцам сборочные заводы, которые нанимают рабочих (преимущественно женщин) за зарплату гораздо ниже прожиточного минимума и для работы в ужасающих условиях труда, получают выгоду от дешевого электричества, субсидируемого щедрыми хозяевами. Но для гаитянских бедняков, то есть для широких слоев населения, не может быть субсидий на электричество, топливо, воду и продовольствие: они запрещены правилами МВФ по принципиальным причинам, ибо устанавливают «контроль над ценами».

Перед проведением «реформ» местное производство риса фактически удовлетворяло всем потребностям страны и играло важную роль в национальной экономике. Благодаря односторонней «либерализации», теперь оно обеспечивает лишь 50 % с предсказуемыми для экономики последствиями. Гаити должно «осуществлять реформы», изменяя тарифы в соответствии с суровыми принципами экономической науки, но этим принципам, в силу какого-то логического чуда, не подчиняется агробизнес США; он продолжает получать громадные государственные субсидии, увеличенные рейгановской администрацией до такой степени, что к 1987 году они составили 40 % валового дохода фермеров. Естественные последствия этого ясны: в докладе USAID за 1995 год отмечается, что «ориентированная на экспорт торговля и политика инвестирования», направляемая Вашингтоном, «окажут крайне пагубное воздействие на гаитянских производителей риса», которых заставят заниматься экспортом сельскохозяйственной продукции более рационально и ради выгоды американских инвесторов, согласно принципам теории рациональных ожиданий.

Такими методами самую обнищавшую страну во всем полушарии превратили в основного покупателя произведенного в США риса, что ведет к обогащению американских компаний, получающих субсидии от государства. Те, кому выпало счастье получить хорошее западное образование, несомненно, могут объяснить, что прибыли в конце концов просочатся и к гаитянским крестьянам и обитателям трущоб.

Наиболее наглядный пример говорит нам кое-что еще о значении и последствиях победы «демократии и открытых рынков». Гаитяне вроде бы усвоили уроки, даже если менеджеры-доктринеры на Западе толкуют ситуацию иначе. По сообщениям прессы, парламентские выборы в апреле 1997 года «произвели на свет» «унылые 5 % проголосовавших», из-за чего возникает вопрос: «Возможно, Гаити не оправдало надежд США?» Мы, дескать, пожертвовали столь многим, чтобы дать им демократию, а они неблагодарны и недостойны. Теперь понятно, отчего «реалисты» советуют нам держаться в стороне от крестовых походов, направленных на «глобальное совершенствование» мира.

Аналогичные взгляды распространены по всему полушарию. Опросы общественного мнения показывают, что в Центральной Америке политика вызывает «скуку», «недоверие» и «безразличие» в пропорциях, далеко отстоящих от «интереса»

или «энтузиазма» среди «апатичной публики... которая ощущает себя наблюдателем собственной демократической системы» и испытывает чувство «серьезного пессимизма относительно будущего». Первый обзор Латинской Америки, проведенный при спонсорской поддержке Европейского Союза, содержит сходные выводы: «наиболее тревожным содержанием обзора, комментировал бразильский координатор, стало то, что в восприятии народа от перехода к демократии выгоду получила элита». Латиноамериканские ученые отмечают, что недавняя волна демократии совпала с неолиберальными экономическими реформами, нанесшими ущерб большинству народа и послужившими причиной циничного отношения к формальным демократическим процедурам. Проведение подобных программ в богатейшей стране мира, как уже указывалось, имело аналогичные последствия.

Давайте вернемся к господствующей доктрине: «победа Америки в холодной войне» стала победой демократии и свободного рынка. В отношении демократии эта доктрина отчасти права, хотя нам следует понять, что имеется в виду под «демократией»: направляемый сверху контроль, имеющий целью «защитить зажиточное меньшинство от большинства». А как насчет свободного рынка? Здесь мы тоже обнаруживаем, что доктрина весьма отдалена от реальности, что опять-таки иллюстрируется примером с Гаити.

Снова рассмотрим пример с НАФТА, с соглашением, целью которого является загнать Мексику в рамки экономической дисциплины, которая защитит инвесторов от опасности «демократических изменений». И это не «соглашение по свободной торговле». Скорее ему свойственна крайняя степень протекционизма, направленного на создание дополнительных препятствий для восточно-азиатских и европейских конкурентов. К тому же с глобальными соглашениями оно разделяет такие антирыночные принципы, как ограничения в «правах на интеллектуальную собственность», причем столь чрезмерные, что богатые общества никогда не принимали их в ходе своего развития. Теперь же они намереваются воспользоваться ими ради защиты базирующихся в их странах корпораций, что приводит, например, к разрушению фармацевтической промышленности в более бедных странах и, в частности, к торможению технологических нововведений, таких, как совершенствование производственных процессов для запатентованных продуктов, допускаемых традиционным патентным режимом. Если прогресс не приносит выгоду «денежным мешкам», он остается таким же благим пожеланием, как и рынок.

Есть также вопросы о характере «торговли». Как сообщалось, больше половины торговли США с Мексикой состояло из сделок внутри американских фирм, после принятия НАФТА более 15 %. Уже десять лет назад заводы в северной Мексике, на большинстве которых работало малое количество рабочих и которые фактически не были связаны с мексиканской экономикой, производили 33 % моторных блоков, используемых в автомобилях США, и 75 процентов других важнейших компонентов. Прошедший после заключения НАФТА, в 1994 году, развал мексиканской экономики не затронул лишь очень богатых и американских инвесторов

(защищенных гарантиями, данными американским правительством) и привел к росту американско-мексиканской торговли, когда новый кризис, ввергнув население в еще более глубокую нищету, «превратил Мексику в дешевый [то есть в еще более дешевый] источник промышленных товаров, где зарплата в промышленности составляет 1/10 американской» сообщает деловая пресса. Согласно некоторым специалистам, половина американской торговли во всем мире состоит из таких центральным образом направляемых сделок, и то же самое во многом можно сказать о других индустриальных державах, хотя к выводам об организациях с ограниченной публичной отчетностью следует относиться с осторожностью. Некоторые экономисты убедительно описали мировую систему как систему «корпоративного меркантилизма», далекого от идеала свободной торговли. Имплицитно приходя к аналогичному мнению, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) делает вывод, что «преимущества конкуренции и международного разделения труда в высокотехнологичных отраслях промышленности сегодня обеспечивает не столько невидимая рука рынка, сколько конкуренция между олигополиями и стратегическое взаимодействие между фирмами и правительствами».

Даже фундаментальная структура экономики США нарушает столь приветствуемые неолиберальные принципы. Основная тема стандартного труда по истории американского бизнеса состоит в том, что «современное бизнес-предприятие блокирует рыночные механизмы в координации экономической деятельности и размещении ресурсов экономики», производя множество сделок внутри фирм. Подобного рода политика представляет собой еще один существенный отход от рыночных принципов. Но существует и много других сходных отклонений. Рассмотрим, например, судьбу принципа Адама Смита, согласно которому свободное передвижение людей к примеру, через государственные границы представляет собой важный компонент свободной торговли. Если мы обратимся к миру транснациональных корпораций, для которого характерны стратегические союзы с могущественными государствами и их решающая поддержка, то разрыв между доктринами и реальностью станет непреодолимым.

Публичные заявления следует интерпретировать в свете этих реальностей. К их числу относится призыв Клинтона к торговле, а не помощи для Африки, содержащий ряд оговорок к выгоде американских инвесторов, а также напыщенную риторику, которая ухитряется избежать, к примеру, продолжительного перечисления подобных попыток и того факта, что до этого грандиозного нововведения у США была наиболее скупая программа помощи по сравнению с другими развитыми странами. Или же возьмем очевидный образец, рассмотрим очерк Честера Крокера, где описываются планы рейгановской администрации по Африке на 1981 год. «Мы поддерживаем возможности для открытого рынка, доступ к ключевым ресурсам и расширение африканской и американской экономики, сказал он, а также хотим ввести африканские страны «в главное русло свободной рыночной экономики». Цинизм этого заявления вроде бы превышает цинизм, свойственный лидерам «сдержанного

натиска» на «экономику свободного рынка». Но версия Крокера достаточно честна, если ее пропустить сквозь призму реально существующей рыночной доктрины. Рыночные возможности и доступ к ресурсам предназначены для иностранных инвесторов и их местных партнеров, а экономикам придется развиваться специфическим путем, защищая «зажиточное меньшинство от большинства». Выходит, зажиточные заслуживают государственной поддержки и государственных субсидий. Да и как им еще процветать ради всеобщей выгоды?

Разумеется, Соединенные Штаты не одиноки в своей концепции «свободной торговли», даже если их идеологи зачастую руководят хором циников. Опубликованный в 1992 году доклад ООН по развитию содержал вывод, что разрыв между богатыми и бедными странами, увеличивавшийся начиная с 1960 года, в значительной мере объясняется протекционистскими мерами, принимаемыми богатыми странами. Доклад же 1994 года пришел к выводу, что «индустриальные страны, нарушая принципы свободной торговли, приносят развивающимся странам убытки приблизительно в 50 млрд. долларов в год, что практически равно общему потоку зарубежной помощи, направляемому в развивающиеся страны». Большая часть этих нарушений состоит в субсидировании экспорта со стороны государства. Доклад ООН за 1996 год сообщает, что разрыв между богатейшими и беднейшими 20 % населения земного шара увеличился с 1960 по 1989 годы на 50 % и прогнозирует рост неравенства в мире из-за процесса глобализации. Это растущее неравенство распространяется и в богатых обществах, причем США лидируют, а Великобритания отстает лишь ненамного. Деловая пресса ликует по поводу «грандиозного» и «ошеломляющего» роста прибыли, аплодируя необычайной концентрации богатств в руках нескольких процентов населения, тогда как для большинства продолжается застой или даже упадок.

Корпоративные средства массовой информации, администрация Клинтона и глашатаи американского образа жизни надменно предлагают себя в качестве образца для остального мира; в хоре приветствий самим себе не слышны результаты наглой социальной политики последних лет. Например, по «основным показателям», только что опубликованным ЮНИСЕФ, мы узнаем, что Соединенные Штаты имеют наихудшие показатели среди индустриальных стран по таким параметрам, как смертность среди детей до пяти лет они идут наравне с Кубой, нищей страной третьего мира, подвергающейся непрерывным атакам сверхдержавы Западного полушария в течение сорока лет. США также удерживают рекорды по голоду, детской бедности и прочим основным социальным показателям.

И все это происходит в богатейшей стране мира, имеющей беспрецедентные преимущества и стабильные демократические институты, но также в необычайной степени управляемой бизнесом. Таковы дальнейшие предзнаменования на будущее, если, конечно, во всем мире будет продолжаться «драматический сдвиг от плюралистического и представительного идеала политики к идеалу авторитарному и технократическому».

Следует отметить, что в секретных документах намерения зачастую высказываются начистоту. Например, в первые годы после Второй мировой войны Джордж Кеннан, один из влиятельнейших разработчиков политики, прославивший «видным гуманистом», отвел каждому сектору земного шара свою «функцию»: так, он утверждал, что функция Африки в том, чтобы подвергаться «эксплуатации» Европой ради реконструкции последней, а США имеют в Африке немного интересов. Годом раньше в одном исследовании высокого уровня, посвященном планированию, содержался призыв к тому, «чтобы кооперативное развитие дешевой пищевой и сырьевой промышленности в Северной Африке помогло создать европейское единство и экономическую основу для восстановления континента», интересное понимание кооперации. Нет ни упоминаний, ни предложений о том, чтобы Африка «эксплуатировала» Запад ради собственного восстановления после «глобального совершенствования» прошедших столетий.

В этом обзоре я попытался следовать осмысленному методологическому принципу: оценивать похвалу «политическим и экономическим принципам» господствующей в мире державы, избирая, главным образом, иллюстрации, выбранные самими ее адвокатами в качестве наиболее убедительных примеров воплощения этих принципов. Этот обзор краток и пристрастен и анализирует смутные и плохо понимаемые вопросы. Мое собственное суждение следует воспринимать как оно есть: эта подборка достаточно честна и дает отрезвляющую картину действующих принципов и вероятной «волны будущего», если никто не будет их оспаривать.

Даже будучи точной, эта картина приводит к серьезным заблуждениям именно потому, что она столь же пристрастна: в ней полностью отсутствуют достижения тех, кто действительно предан провозглашенным прекрасным принципам, а также далеко превосходящим их принципам справедливости и свободы. Это, в первую очередь, свидетельства народной борьбы, стремящейся подорвать и разрушить различные формы угнетения и господства, которые иногда прямо-таки бросаются в глаза, но часто столь глубоко скрыты, что их никто не видит, даже их жертвы. Свидетельства многочисленны и ободряющи, и у нас есть все основания предполагать, что борьба будет продолжена. Для этого требуется реалистичная оценка существующих обстоятельств и их исторических истоков, но, разумеется, это лишь начало.

Скептикам, отгоняющим от себя такие надежды как утопические и наивные, надо лишь бросить взгляд на то, что произошло вот здесь, в Южной Африке, за последние несколько лет, воздав должное тому, что может свершить человеческий дух, и его безграничным перспективам. Уроки этих замечательных достижений должны вдохновлять жителей всех стран, а также направлять следующие шаги в борьбе, которая продолжается и здесь, по мере того, как народ Южной Африки, только что одержав великую победу, обращается к еще более трудным проблемам, что ждут впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. UNICEF, *The State of the World's Children 1997* (Oxford University Press, 1997); UNICEF, *The Progress of Nations 1996* (UNICEF House, 1996).

2. Thomas Freedman, NYT, June 2, 1992; советник по национальной безопасности Anthony Lake, NYT, September 26, 1993; историк David Fromkin, NYT Book Review, May 4, 1997, подведение итогов недавних работ.

3. Общую картину ситуации и ее исторические корни см., среди прочего, в классическом исследовании Фредерика Клермонта (Frederic Clairmont), *The Rise and Fall of Economic Liberalism* (Asia Publishing House, 1960), новое дополненное издание (Penang and Goa: Third World Network, 1996), а также Michel Chossudovsky, *The Globalisation of Poverty* (Penang: Third World Network, 1997). Клермонт много лет работал экономистом в УНКТАД, Хосудовский является профессором университета Оттавы.

4. John Cassidy, *New Yorker*, October 16, 1995. Относительно следующих цитат см. главу 3, примечание 1. Выборка цитат от либеральных до левых, в некоторых случаях вполне критических. В остальных же частях спектра анализ почти одинаков: как правило, он эвфоричен.

5. John Liscio, *Barren's*, April 15, 1996.

6. Richard Cockett, "The Party, Publicity, and the Media", in Anthony Seldon and Stuart Ball, eds., *Conservative Century: The Conservative Party since 1900* (Oxford University Press, 1994); Harold Lasswell, «Propaganda», in *Encyclopaedia of the Social Sciences*, vol. 12 (Macmillan, 1933). Относительно цитат и дискуссии см. "Intellectuals and the State" (1977), перепечатано в Noam Chomsky, *Towards a New Cold War* (Pantheon, 1982). Также, наконец, стали доступными некоторые из первых работ на эти темы Алекса Кэри (Alex Carey), собранные в его *Taking the Risk out of Democracy* (University of New South Wales Press, 1995, а также University of Illinois Press, 1997).

7. Ibid., and Elizabeth Fones-Wolf, *Selling Free Enterprise: the Business Assault on Labor and Liberalism, 1945–1960* (University of Illinois Press, 1995). А также Stewart Ewen, *PRI: A Social History of SPIN* (Basic Books, 1996). В более широком контексте см. Noam Chomsky, "Intellectuals and the State" и "Force and Opinion", перепечатано в *Deterring Democracy* (Verso, 1991).

8. Editorial, *New Republic*, March 19, 1990.

9. Sanford Lakoff, *Democracy: History, Theory, Practice* (Westview, 1996), 262f.

10. J. Toye, J. Harrigan, and P. Mosley, *Aid and Power* (Routledge, 1991), vol. 1, 16. О сравнении с ленинизмом см. мои эссе, процитированные в примечании и в *For Reasons of State* (Pantheon, 1973), Introduction.

11. Carothers, "The Reagan Years" in Abraham Lowenthal, ed., *Exporting Democracy* (John Hopkins University Press, 1991). См. также его *In the Name of Democracy* (University of California Press, 1991).

12. См. главу 2, а относительно дальнейшей дискуссии и ис точников Noam Chomsky, *Powers and Prospects* (South End, 1996), "Consent Without Consent: Reflections on the

Theory and Practice of Democracy", *Cleveland State Law Review* 44. 4, 1996.

13. *Survey of Current Business*, U. S. Dept. of Commerce, Vol. 76, no. 12 (December 1966).

14. Morton Horwitz, *The Transformation of American Law, 1870–1960* (Harvard University Press, 1992), Chapter 3. См. также Charles Sellers, *The Market Revolution* (Oxford University Press, 1991).

15. Michael Sandel, *Democracy's Discontent* (Harvard University Press, 1996), Chapter 6. Его интерпретация в терминах республиканизма и гражданской доблести, на мой взгляд, слишком узка, ибо не учитывает более глубокие корни этого явления в эпоху Просвещения и ранее. Его взгляды подвергнуты критике, напр., в Noam Chomsky, *Problems of Knowledge and Freedom* (Pantheon, 1971), Chapter 1, а некоторые эссе перепечатаны в James Peck, ed., *The Chomsky Reader* (Pantheon, 1987) а также Noam Chomsky, *Powers and Prospects*, Chapter 4. 16. Относительно деталей см. Noam Chomsky, *Turning the Tide* (Boston: South End, 1985), Chapter 6.3, а также Noam Chomsky, *The Culture of Terrorism* (South End, 1988), Chapter II и список цитированных источников, включающий цитаты из Фигереса, исключение которых из средств массовой информации потребовало значительного труда. См. мои *Letters from Lexington* (Common Courage, 1993), Chapter 6, где речь идет о документальных фактах, включая длинный список погибших в «Нью-Йорк таймс» и несдержанный комментарий редакции, который снова успешно заклеил взгляды Фигереса на вашингтонский «крестовый поход за демократию». По поводу освещения выборов в Никарагуа и Сальвадоре см. Edward Herman and Noam Chomsky, *Manufacturing Consent* (Pantheon, 1988), Chapter 3. Даже Каразерс, тщательно обращающийся с фактами, пишет, что сандинисты «отказывались согласиться с результатами выборов» до 1990 г. (в Lowenthal, *op. cit.*).

17. Другая стандартная фальсификация состоит в том, что долго подготавливаемые выборы состоялись якобы лишь из-за военного и экономического давления Вашингтона, которое поэтому оправдывалось задним числом.

18. О выборах и реакции на них в Латинской Америке и США, включая источники, описывающие последующие события, см. Noam Chomsky, *Deterring Democracy*, Chapter 10. Подробный обзор весьма успешной дипломатической подрывной операции, которую повсюду приветствовали как триумф дипломатии, см. Noam Chomsky, *Culture of Terrorism*, Chapter 7, а также Noam Chomsky, *Necessary Illusions* (South End, 1989), appendix IV. 5.

19. Он подчеркивает этот факт в Lowenthal, *op. cit.*

20. Подробности см., среди прочего, в: Richard Garfield, "Desocializing Health Care in a Developing Country", *Journal of the American Medical Association*, 270, no. 8, August 25, 1993, а также Noam Chomsky, *World Order, Old and New* (Columbia University Press, 1994), 131 f.

21. Michael Kinsley, *Wall Street Journal*, March 26, 1987; *New Republic*, editorials, April 2, 1984; March 19, 1990. Более подробную информацию на эту тему и множество аналогичных примеров см. в Noam Chomsky, *Culture of Terrorism*, Chapter 5; Chomsky,

Deterring Democracy, Chapters 10, 12.

22. H. D. S. Greenway, Boston Globe, July 29, 1993. 23. NYT, May 2, 1985.

24. См. World Orders, 131 ff. О предсказаниях и результате см. экономиста Мелвина Берка, Melvin Burke, "NAFTA Integration: Unproductive Finance and Real Unemployment", Proceedings from the Eighth Annual Labor Segmentation Conference, April 1995, спонсированные университетами Нотр-Дам и штата Индиана. А также Social Dimensions of North American Economic Integration, доклад, подготовленный Отделом по развитию человеческих ресурсов. Канадский рабочий конгресс, 1996. О предсказаниях Всемирного банка относительно Африки см. Cheryl Payer, Lent and Lost (Zed, 1991), а также John Mihevc, The Market Tells them So (Zed, 1995), также с обзором пагубных воздействий непрерывных провалов этих предсказаний пагубных для населения, но не для клиентуры этого банка. То, что точность прогнозов невелика, а понимание ситуации ничтожно, хорошо известно профессиональным экономистам. См., напр., Paul Krugman, "Cycles of Conventional Wisdom on Economic Development", International Affairs 71 no. 4, October 1995. См. выше.

25. Техасский миллиардер, выдвигавший свою кандидатуру на пост президента США. Прим. пер.

26. Helene Cooper, "Experts' View of NAFTA's Economic Impact. It's a Wash", WSJ, June 17, 1997.

27. Editorial, "Class War in the USA", Multinational Monitor, March 1997. Bronfenbrenner, "We'll Close", ibid., на основании руководимого ею исследования: "Final Report: The Effects of Plant Closing or Threat of Plant Closing on the Right of Workers to Organize". Подробности сильнеешего влияния преступной деятельности рейганистов в сообщении в «Бизнес уик», "The Workplace: Why America Needs Unions, But Not The Kind It Has Now", May 23, 1994.

28. Levinson, Foreign Affairs, March/April 1996. Workshop, September 26 & 27, 1990, Minutes, 3.

29. См. следующую главу. В США и особенно в Канаде (где дискуссия была гораздо более открытой) опросы общественного мнения показали в значительной степени враждебный настрой населения.

30. Kenneth Roth, Executive Director, HRW, NYT, April 12, 1997.

31. См. Paul Farmer, The Uses of Haiti (Common Courage, 1994); Chomsky, World Orders, 62 ff.; Noam Chomsky, "Democracy Restored", Z, November 1994; North American Congress on Latin America (NACLA), Haiti: Dangerous Crossroads (South End, 1995).

32. Noam Chomsky, "Democracy Restored", где цитируется John Solomon, AP, September 18, 1994 (передовая статья).

33. См. мой Year 501 (South End 1993), Chapter и указатель источников; Farmer, op. cit. Labor Rights in Haiti, International Labor Rights Education and Research Fund, April 1989. Haiti After the Coup, National Labor Committee Education Fund (New York), April 1993. Lisa McGowan, Democracy Undermined, Economic Justice Denied: Structural Adjustment and the AID Juggernaut in Haiti (Development Gap, January 1997).

34. Nick Madigan, "Democracy in Inaction: Did Haiti Fail U. S. Hope?" *Christian Science Monitor*, April 8, 1997; подробности о выборах см. AP, *Boston Globe*, April 8, 1997.

35. John McPhaul, *Tico Times* (Costa Rica), April 11, May 2, 1997.

36. Vincent Cable, *Daedalus* (Spring 1995) с цитатами из UN World Investment Report 1993 (где фигурируют, однако, совершенно иные цифры, а также подчеркивается, что «доступными являются относительно немного данных». См.: p. 164 f.). Относительно более подробной дискуссии, оценивающей торговлю стран ТНС в 40 %, см. Peter Cowhey and Jonathan Aronson, *Managing the World Economy* (New York, Council on Foreign Relations, 1993). Об американо-мексиканской торговле см. David Barkin and Fred Rosen, "Why the Recovery is Not a Recovery", *NACLA Report on the Americas*, January/February 175 1997; Leslie Crawford, "Legacy of Shock Therapy", *Financial Times*, February 12, 1997 (с подзаголовком " Mexico: A Healthier Outlook", в статье также анализируется растущая нищета подавляющего большинства населения, за исключением «очень богатых»). О сделках внутри фирм, совершаемых после заключения НАФТА: William Greider, *One World, Ready or Not* (Simon & Schuster, 1997), 273, с цитатами из мексиканского экономиста Карлоса Эредиа. По оценкам, до заключения НАФТА экспорт в рамках американских фирм, никогда не доходивший до мексиканских рынков, превосходил 50 %. Сенатор Ernest Hollings, *Foreign Policy*, Winter 1993-4.

37. Исследование ОЭСР за 1992 г., цитируемое бывшим главным экономическим советником Клинтона Лорой Тайсон в *Who's Bashing Whom?* (Institute for International Economics, 1992).

38. Alfred Chandler, *The Visible Hand* (Belknap Press, 1977).

39. Речь, произнесенная в Гонолулу Ч. А. Крокером, заместителем министра иностранных дел США по африканским делам, перед Комитетом по национальной безопасности Американского Легиона, август 1981. Цитируется Хансом Абрахамссоном, Hans Abrahamsson, *Hegemony, Region and National State: The Case of Mozambique* (Padrigu Peace and Development Research Institute, Gothenburg University, January 1996).

40. Это обсуждается в Eric Toussaint and Peter Drucker, eds., *IMF/World Bank/WTO, Notebooks for Study and Research* (Amsterdam: International Institute for Research and Education, 1995), 24/5.

41. UNICEF, *State of the World's Children* 1997.

42. George Kennan, PPS 23, February 24, 1948 (*Foreign Relations of the United States*, vol. 1, 1948), 511. Michael Hogan, *The Marshall Plan* (Cambridge University Press, 1987), 41, перифраза меморандума Боунстила, май 1947 г.

V. ВОССТАНИЕ САПАТИСТОВ

В мировом порядке за последнюю четверть столетия произошли значительные изменения. К 1970 году «богатый альянс» послевоенных лет начал терпеть крушение, и росло давление на прибыли корпораций. Признавая, что США больше не в состоянии играть роль «международного банкира», оказавшуюся весьма выгодной для базирующихся в США мультинациональных компаний, Ричард Никсон демонтировал международный экономический порядок (бреттон-вудскую систему), приостановив конвертируемость доллара в золото, навязав контроль за соответствием между зарплатами и ценами и налог на импорт и приняв такие фискальные меры, которые сориентировали государственную власть на новую норму благополучия для богатых. С тех пор это стало ведущим направлением политики, ускоренно развивавшимся в годы Рейгана и поддержанным «новыми демократами». Неослабевающая классовая война, развязанная большим бизнесом, непрерывно усиливалась, и притом в мировом масштабе.

Мероприятия Никсона входят в число факторов, приведших к гигантскому росту нерегулируемого финансового капитала и к радикальному сдвигу в его применении: от долгосрочного инвестирования и торговли к спекуляции. Как комментирует экономист из Кембриджского университета Джон Итвелл, результатом стал подрыв планирования национальной экономики, так как правительства были вынуждены сохранить «доверие» к рынку, и это привело множество экономик «к равновесию при медленном росте и высокой безработице», со стагнацией или падением реальной зарплаты, с растущими бедностью и неравенством и с рыночным бумом и гигантским скачком прибылей для меньшинства. Параллельный процесс интернационализации производства дает новые виды оружия для подрыва рабочего движения на Западе, ибо рабочему человеку приходится согласиться с концом «роскошного» стиля жизни и принять «гибкость рынков труда» (неизвестно, где у тебя будет работа завтра); об этом радостно разглагольствует деловая пресса. Возвращение большей части Восточной Европы к ее истокам из третьего мира существенно усиливает эти перспективы. Происходящее по всему миру наступление на права рабочих, социальные стандарты и функционирующую демократию является отражением таких побед.

Триумфальные настроения, преобладающие в узких слоях элиты, столь же понятны, как и отчаяние и гнев, царящие за пределами привилегированных кругов.

Новогоднее восстание индейских крестьян в Чьяпасе можно без труда понять в этом обобщенном контексте. Это восстание совпало с введением в силу соглашения НАФТА, названного сапатистской армией «смертным приговором» для индейцев, подарком для богатых, который будет углублять пропасть между богатством немногих и нищетой масс, а также разрушать все, что осталось от туземного общества.

Связь с НАФТА отчасти символична; проблемы гораздо глубже. «Мы продукт пятисотлетней борьбы» гласила сапатистская декларация войны. Сегодня борьба

ведется «ради работы, земли, жилищного строительства, продовольствия, здравоохранения, независимости, свободы, демократии, справедливости и мира». Как добавил главный викарий Чьяпасской епархии, «реальным фоном восстания являются полная маргинализация, нищета и фрустрация от бесплодности многолетних попыток исправить ситуацию».

Индийские крестьяне наиболее обиженные жертвы политики мексиканского правительства. Но их бедствия разделяются очень многими. «Всякий, кто имеет возможность находиться в контакте с миллионами мексиканцев, живущих в крайней бедности, знает, что мы живем с бомбой замедленного действия», заметила мексиканская журналистка Пилар Вальдес.

За прошедшее десятилетие экономических реформ количество людей, живущих в крайней бедности в сельской местности, возросло почти на треть. Половине населения не хватает средств для удовлетворения основных потребностей, драматический рост нищеты наблюдался с 1980 года. Согласно предписаниям Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка, в сельскохозяйственном производстве произошел сдвиг в сторону экспорта и кормов для животных, что благоприятствовало агробизнесу, иностранным потребителям и богатым слоям мексиканского населения, тогда как недоедание стало основной проблемой здравоохранения, безработица в сельском хозяйстве увеличилась, плодородные земли были оставлены, и Мексика начала импортировать продовольствие в громадных количествах. Резко упала реальная зарплата в промышленности. Доля труда в валовом внутреннем продукте, которая возрастала до середины 70-х годов XX века, с тех пор упала более чем на треть. Таковы стандартные обстоятельства, сопутствующие неолиберальным реформам. Как замечает экономист Мануэль Пастор, исследования МВФ демонстрируют «мощную и последовательную модель уменьшения доли труда в доходах» под воздействием «стабилизационных программ» этой организации, осуществляемых в Латинской Америке.

Мексиканский министр торговли приветствовал падение зарплаты как стимул для иностранных инвесторов. Так оно и есть наряду с угнетением рабочих, бесцеремонным нарушением принципов охраны окружающей среды и общей ориентацией социальной политики на желания привилегированного меньшинства. Такая политика, естественно, приветствуется промышленными и финансовыми организациями, распространяющими свой контроль на мировую экономику с помощью так называемых соглашений по «свободной торговле».

Ожидается, что НАФТА стонит гигантские количества сельскохозяйственных рабочих с земли, что увеличит сельскую нищету и избыток рабочей силы. Ожидается, что занятость в промышленности, сокращавшаяся во время реформ, будет падать более резко. В исследовании, проведенном ведущим мексиканским деловым журналом «Эль Финансьеро», предсказывается, что за первые годы действия соглашения Мексика потеряет почти четверть своей обрабатывающей промышленности и 14 % рабочих мест. «Экономисты прогнозируют, что несколько

миллионов мексиканцев, вероятно, потеряют работу в первые пять лет после начала действия соглашения», сообщает Тим Голден в «Нью-Йорк таймс». Эти процессы приведут и к дальнейшему понижению зарплаты, а вот прибыли и поляризация будут возрастать с предсказуемыми последствиями для Соединенных Штатов и Канады.

Значительная часть притягательности НАФТА, регулярно подчеркивали его наиболее откровенные защитники, состоит в том, что это соглашение поддерживает курс на неолиберальные реформы, отменяя годы прогресса в трудовом законодательстве и экономическом развитии, а также вызывая обнищание и горе масс наряду с обогащением для немногих и для иностранных инвесторов. Мексиканской же экономике в целом эта «экономическая добродетель» принесла мало плодов замечает лондонская «Файнэншл таймс», обозревая «восемь лет рыночной экономической политики по учебнику», приведшие к незначительному росту, большую часть которого можно приписать беспрецедентной финансовой помощи Всемирного банка и Соединенных Штатов. Высокие процентные ставки частично обратили вспять грандиозное бегство капиталов, ставшее основным фактором в мексиканском долговом кризисе, хотя обслуживание долга становится растущим бременем, а наибольшая часть его внутренний долг государства мексиканским богачам.

Неудивительно, что попытки «навязать» эту модель развития натолкнулись на мощное противодействие. Историк Сет Фаин, описывая МехикоСити, сообщал о крупных демонстрациях против НАФТА, «нашедших свое выражение в громогласных, хотя и почти не замечаемых в Соединенных Штатах криках отчаяния, направленных против политики правительства, которая включает в себя отмену предусмотренных в чтимой мексиканским народом конституции 1917 года права на труд и на землю, равно как и права на образование. По мнению многих мексиканцев, именно отмена этих прав и выражает реальный смысл договора НАФТА и американской внешней политики в Мексике». Корреспондентка «Лос-Анджелес таймс» Хуанита Дарлинг сообщает о «значительном беспокойстве, которое мексиканские рабочие испытывают в связи с постепенной отменой «с большим трудом завоеванного права на труд». Как добавляет корреспондентка «Лос-Анджелес таймс», это право, по всей видимости, «будет принесено в жертву, поскольку компании, пытаясь конкурировать с иностранными, ищут пути, которые позволили бы им урезать расходы».

«Коммюнике мексиканских епископов по НАФТА» осудило это соглашение, равно как и экономическую политику, частью которой оно является, из-за их пагубных социальных последствий. Епископы в который уже раз выразили ту же озабоченность, что и конференция латиноамериканских епископов 1992 года относительно того, что «рыночная экономика не должна стать чем-то абсолютным, чтобы все приносилось ей в жертву, усугубляя при этом неравенство и маргинализацию обширной части населения», являющихся возможным следствием влияния НАФТА и аналогичных соглашений о правах инвесторов. Реакция

мексиканского делового мира оказалась смешанной: наиболее могущественные слои бизнеса отнеслись к соглашению с одобрением, тогда как отношение среднего и малого бизнеса, а также их организаций, представляло собой смешанное чувство неуверенности и враждебности. Ведущий мексиканский журнал «Эксельсиор» предсказал, что от НАФТА получат выгоду лишь «те мексиканцы, которым теперь принадлежит чуть ли не вся страна (15 % получают более половины ВВП)», то есть «демексиканизированное меньшинство»; что НАФТА станет очередным этапом «истории Соединенных Штатов в нашей стране», «истории неконтролируемых злоупотреблений и ограбления». Этому соглашению противостояли также многие рабочие и иные группы, в том числе крупнейший неправительственный профсоюз, которые предупреждали о том пагубном влиянии, которое это соглашение окажет на уровень заработной платы, права трудящихся, окружающую среду, на утрату суверенитета, на усиление защиты прав корпораций и инвесторов, и на подрыв возможностей долговременного роста. Омеро Аридхис, президент ведущей мексиканской организации по охране окружающей среды, сетовал на «третье завоевание, которое пережила Мексика. Первое было вооруженным, второе духовным, третье экономическим».

Потребовалось не так уж много времени, чтобы эти страхи сбылись. Вскоре после голосования в Конгрессе по поводу НАФТА с заводов «Ханивелл» и «Дженерал электрик» были уволены рабочие за попытку организовать независимые профсоюзы. В 1987 году компания «Форд мотор» уволила всех, отменив контракт с профсоюзом и вновь наняв рабочих за гораздо более низкую зарплату. Протесты были подавлены насильственными репрессиями. Этому примеру последовал «Фольксваген» в 1992 году, уволив 14000 рабочих и вновь наняв лишь тех, кто отрекся от независимых профсоюзных лидеров, и все это при поддержке правительства. Таковы основные компоненты «экономического чуда», то есть «замкнутости» в пределах НАФТА.

Через несколько дней после голосования по НАФТА Сенат США принял «наилучший антикриминальный пакет законов в истории» (сенатор Оррин Хетч), проголосовав за 100000 новых полицейских, региональные тюрьмы с высоким уровнем безопасности, колонии для малолетних правонарушителей, увеличение списка преступлений, караемых смертной казнью, и прочие жестокие вещи. Специалисты по проведению законов в жизнь в своих интервью в прессе выразили сомнения в том, что такое законодательство окажет большое воздействие на преступность, поскольку в нем не рассматривались «причины социальной дезинтеграции, порождающие опасных преступников». Основной причиной здесь является социальная и экономическая политика, поляризующая американское общество и продвинутая еще на шаг вперед соглашением НАФТА. Понятия «эффективность» и «экономическое здоровье», предпочитаемые богатыми и привилегированными, ничего не дают растущим слоям населения, не имеющим отношения к получению прибылей и доведенным до нищеты и отчаяния. Если их деятельность невозможно ограничить городскими трущобами, их следует

контролировать каким-нибудь другим способом.

Как и в случае с выбором времени для сапатистского бунта, законодательная инициатива имела не только символическое значение.

Дебаты по НАФТА в значительной степени концентрировались на процессах перемещения рабочей силы, о которых мало что известно. Однако более конфиденциальные ожидания [большого бизнеса] были связаны с широкомасштабным замораживанием заработной платы. «Многие экономисты полагают, что НАФТА приведет к снижению заработной платы», сообщил в «Вашингтон пост» Стивен Перлстайн, ожидавший, что «более низкая зарплата в Мексике сможет оказать гравитационное воздействие на зарплату американцев». Этого ожидают даже защитники НАФТА, признающие, что менее квалифицированные рабочие около 70 % рабочей силы вероятно, пострадают от снижения зарплат. На следующий день после голосования в Конгрессе, одобрявшего НАФТА, «Нью-Йорк таймс» провела свой первый обзор ожидаемых последствий договора в нью-йоркском регионе. Обзор был оптимистичным, что соответствовало повсеместной восторженной поддержке. В центре его внимания были предполагаемые выигравшие: секторы, «основанные на финансах и околофинансовые», «банки, телекоммуникационные фирмы и обслуживающие фирмы этого региона», страховые компании, инвестиционные фонды, юридические фирмы, специализирующиеся на корпоративном праве, PR-индустрия, консультанты по менеджменту и т. д. В обзоре прогнозировалось, что могут выиграть некоторые производители преимущественно в высокотехнологичной промышленности, издательском деле и фармацевтической индустрии, которые получают выгоду от протекционистских мер, нацеленных на обеспечение контроля над технологией будущего со стороны крупнейших корпораций. Мимоходом в обзоре упоминалось, что будут и проигравшие, «в основном, женщины, афроамериканцы и испаноязычные», а также «полуквалифицированные промышленные рабочие вообще», то есть большая часть населения города, где 40 % детей и так живет ниже черты бедности, страдая от невозможности получить образование и болезней, которые «привязывают их» к горькой судьбе.

Отмечая, что у промышленных и неквалифицированных рабочих зарплата упала на уровень 60-х годов XX века, Бюро по технологической оценке при Конгрессе в своем анализе запланированной (и осуществленной) версии НАФТА предсказывало, что это соглашение «может и в дальнейшем привязывать США к будущему с низкими зарплатами и низкой производительностью», хотя его пересмотренные варианты, выдвинутые ОТА, рабочими и прочими критиками так и не допущенными до дебатов могли принести выгоду населению всех трех стран.

Осуществленная версия НАФТА, вероятно, ускорит «желанный процесс необыкновенной важности» («Уолл-стрит джорнэл»): доведение стоимости труда в Соединенных Штатах до уровня ниже любой крупной индустриальной страны, за исключением Англии. В 1985 году США занимали наивысшую позицию среди семи

крупнейших стран с государственно-капиталистической экономикой (G7), как и следовало ожидать от богатейшей страны мира. В более интегрированной экономике НАФТА окажет влияние на весь мир, так как конкурентам придется к нему приспособливаться. Так, «Дженерал Моторс» может переехать в Мексику, а теперь и в Польшу, где эта компания в состоянии найти рабочих, готовых работать за заработную плату, которая по сравнению со стоимостью труда на Западе представляет собой гроши; кроме того, в этих условиях она может быть защищена высокими тарифами и прочими ограничениями. «Фольксваген» может переселиться в Чешскую республику, чтобы извлекать выгоду от аналогичного протекционизма: получать прибыли, а расходы перекладывать на правительство. «Даймлер-Бенц» может устроить нечто подобное в Алабаме. Капитал способен свободно передвигаться, а от последствий страдают рабочие и сообщества. Между тем, гигантский рост нерегулируемого спекулятивного капитала мощным давлением препятствует стимулирующей политике правительства.

Существует много факторов, влекущих глобальное общество в будущее с низкой зарплатой, медленным развитием и высокими прибылями, с растущей поляризацией и социальной дезинтеграцией. Другое последствие [процесса корпоративной глобализации] это увядание осмысленных демократических процессов принятия решений, ибо принятие решений передается частным организациям и срастающимся с ними квазиправительственным структурам, которые «Файнэншл таймс» называет «всемирным правительством де-факто», действующим тайно и без всякой отчетности.

У таких процессов мало общего с экономическим либерализмом, с понятием, имеющим ограниченное значение в мире, где существенная часть «торгов ли» состоит из централизованных внутрикорпоративных сделок (половина американского экспорта в Мексику до соглашения НАФТА, например, так и не дошла до мексиканского рынка). Между тем, могущественные частные компании, как и в прошлом, требуют и получают протекцию со стороны рыночных сил. «Сапатисты действительно задели чувствительную струну широких мексиканских масс» таков был комментарий мексиканского политолога Эдуарде Гальярдо вскоре после бунта; в нем прогнозировался обширный диапазон последствий, включая шаги, направленные к демонтажу давнишней электоральной диктатуры. Опросы общественного мнения в Мексике поддержали этот вывод, сообщив о том, что большинство понимает причины, которыми сапатисты объясняют свое восстание. Аналогичная струна оказалась задетой во всем мире, включая богатые индустриальные общества, где много людей признали, что озабоченность сапатистов, несмотря на разницу во внешних обстоятельствах, напоминает их собственную. В дальнейшем поддержка была стимулирована творческими инициативами сапатистов, распространившимися на более обширные слои населения и вовлекшими их в совместные или в частичные попытки обрести контроль над собственными жизнями и судьбами. Национальная и международная солидарность, несомненно, стала основным фактором сдерживания прогнозируемых жестоких военных репрессий, а также драматическим и

ободряющим образом повлияла на организованность и активность трудящихся в мировом масштабе.

Протест индейских крестьян позволяет лишь мельком увидеть «бомбы замедленного действия», дожидаящиеся взрыва не только в Мексике.

Значительная часть этой статьи впервые опубликована в In These Times, 21 февраля 1994 года.

VI. «АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ»

Давайте начнем с некоторых простых вопросов, например, с существующих ныне условий разумеется, не со срока нескончаемой борьбы за свободу и справедливость.

Имеется «публичная арена», на которой индивиды, в принципе, могут участвовать в принятии решений, затрагивающих общество в целом: как достигаются и используются государственные прибыли, какой будет международная политика и т. д. В мире национальных государств «публичная арена», в основном и на разных уровнях, является правительственной. Демократия функционирует постольку, поскольку индивиды могут быть осмысленно сопричастными «публичной арене» и одновременно индивидуально и коллективно вести собственные дела без незаконного вмешательства сконцентрированной власти. Функционирование демократии предполагает относительное равенство в доступе к ресурсам материальным, информационным и прочим трюизм, известный со времен Аристотеля. В теории правительства учреждаются, чтобы служить «родным избирателям» и подчиняться их воле. Значит, мерой функционирования демократии служит степень, в какой теория приближается к реальности, а «родные избиратели» понастоящему приближены к населению.

В государственно-капиталистических демократиях «публичная арена» была расширена и обогащена длительной и ожесточенной народной борьбой. Между тем, концентрированная частная власть упорно трудилась над ограничением «публичной арены». Эти конфликты образуют значительную часть современной истории. Наиболее действенный способ ограничения демократии состоит в переносе принятия решений с «публичной арены» в рамки никому не подотчетных институтов в руки королей и принцев, каст священников и военных хунт, партийных диктатур или же современных корпораций. Решения, принимаемые директорами «Дженерал Электрик», оказывают существенное влияние на общество в целом, но граждане в принципе не принимают в них участия (мы можем отбросить откровенный миф о рыночной «демократии» и «демократии» акционеров). Системы неподконтрольной власти на самом деле предоставляют гражданам несколько возможностей выбора. Они могут обратиться с петицией к королю или к главе исполнительной власти, то есть к президенту или к премьер-министру, или же вступить в правящую партию. Они могут наняться на работу в «Дженерал Электрик» или покупать ее продукты. Они могут бороться за права в тираниях, государственных и частнособственнических, и, солидаризируясь с согражданами, могут стремиться к ограничению или свержению незаконной власти, к достижению традиционных идеалов, включая те, что воодушевляли американское рабочее движение с самых его истоков: работающие на заводах должны владеть и управлять ими.

«Корпоративизация Америки» в XIX столетии представляла собой наступление на демократию, а также на рынки. Она была составной частью перехода от чего-то похожего на «капитализм» к высокоуправляемым рынкам современной

государственно-корпоративной эры. Один из современных вариантов подобного рода политики называется «минимизацией государства» и представляет собой перенос власти, принимающей решения, с «публичной арены» куда-нибудь еще: к народу, если пользоваться риторикой власти; а в реальном мире к частнособственническим тираниям. Все эти меры служат делу ограничения демократии и укрощения «толп черни», как называли население самозванные «достоинейшие мужи» в период первого подъема демократии в новое время, в Англии XVII века, или «ответственные люди», как они зовут себя сегодня. Основные же проблемы остаются, непрерывно принимая новые формы, требуя новых мер контроля и маргинализации и приводя к появлению новых форм народной борьбы.

Так называемые «соглашения по свободной торговле» являются одним из таких приемов подрыва демократии. Их цель перенести принятие решений, касающихся жизни и чаяний народа, в руки частнособственнических тираний, работающих тайно и без публичного надзора и контроля. Неудивительно, что общественность их не любит. Противодействие им оказывается почти инстинктивно и представляет собой «дань» тем усилиям, которые предпринимаются, чтобы оградить «чернь» от полезной информации и понимания происходящих процессов.

Значительная часть обрисованного нами молчаливо признается. Мы только что стали свидетелями еще одного показательного случая: речь идет о предпринятой в последние месяцы попытке принять законодательство «Fast Track», которое позволит должностным лицам заключать соглашения по свободной торговле без надзора со стороны Конгресса и не ставя общественность в известность: достаточно простого «да» или «нет». «Fast Track» получил почти единодушную поддержку в коридорах власти, но, как уныло замечает «Уолл-стрит джорнэл», у его оппонентов может быть «абсолютное оружие» большинство населения. Общественность продолжала оказывать сопротивление этому законодательству, несмотря на препятствия, чинимые ей со стороны средств массовой информации, безрассудно полагая, что она обязана знать, что с ней происходит, и высказываться по поводу происходящего. Аналогичным образом, соглашение НАФТА провели, не принимая в расчет недовольство населения, остававшегося нестигаемым, несмотря на чуть ли не единогласную и восторженную поддержку данного соглашения со стороны государства и корпоративной власти, в том числе и подконтрольных последней средств массовой информации, которые отказались даже изложить позиции своих основных оппонентов в лице рабочего движения, а лишь изобличали их различные выдуманные злодеяния.

«Fast Track» изображали как проблему, связанную со свободной торговлей, однако эта точка зрения нуждается в уточнении. Самые пылкие приверженцы свободной торговли изо всех сил противостояли бы «Fast Track»'у, случись им уверовать в демократию, которая поставлена здесь на карту. Да и помимо этого, запланированные соглашения едва ли похожи на соглашения по свободной торговле больше, чем договоры по НАФТА или ГАТТ/ВТО, обсуждаемые в других статьях.

Официальное основание для «Fast Track» было высказано заместителем торгового представителя США Джеффри Лэнгом: «Основной принцип переговоров в том, что лишь один человек [президент] может вести переговоры от имени Америки». Роль Конгресса ставить печать, роль общественности наблюдать, причем было бы лучше, если бы она наблюдала за чем-нибудь другим. «Основной принцип» достаточно реален, но узок по масштабам своего применения. Он годится для торговли, но не для остального, например, не для прав человека. Здесь действует противоположный принцип: членам Конгресса следует предоставить все возможности, чтобы США сохранили свой рекорд по отказу от ратификации соглашений, один из наихудших в мире. Несколько соглашений по правам человека задерживаются годами, будучи не в состоянии даже попасть в Конгресс, и даже редкие случаи одобрения подобных соглашений сопровождаются таким количеством оговорок, что об эффективном выполнении этих соглашений в США не может быть и речи; они «не подлежат самореализации» и ограничиваются особыми оговорками.

Торговля это одно, а пытки и права женщин и детей другое. Это различие имеет еще более широкое значение. Например, Китаю угрожают суровыми санкциями за отказ примкнуть к протекционистским требованиям Вашингтона или за вмешательство в наказание Америкой ливийцев. Но террор и пытки вызывают иной ответ: в данном случае санкции были бы «контрпродуктивными». Они препятствовали бы нашим усилиям по распространению крестового похода за права человека на страждущий народ Китая и его владения, подобно тому как нежелание готовить индонезийских офицеров «уменьшает нашу способность позитивно влиять на [их] политику в области прав человека, а также на их поведение», как недавно объяснил Пентагон. Поэтому миссионерские усилия в Индонезии должны продолжаться, минуя постановления Конгресса. Это очень даже разумно. Достаточно вспомнить, как американский военный инструктаж «принес дивиденды» в начале 60-х XX годов, «подбадривая» военных, чтобы те выполняли необходимые задачи, о чем министр обороны Роберт Макнамара проинформировал Конгресс и президента после «грандиозных массовых убийств», осуществленных армией в 1965 году и повлекших за собой гибель нескольких сотен тысяч человек в течение нескольких месяцев. Эта «невообразимая массовая бойня», как назвала ее «НьюЙорк таймс», вызвала несдержанную эйфорию у «достоинейших мужей» (включая сотрудников «Нью-Йорк таймс») и принесла награды проведенным ее «умеренным». Особенно расхваливал Макнамара подготовку индонезийских военных в университетах США, которую он оценил как «весьма значительный фактор» в ориентации «новой индонезийской политической элиты» (военных) на правильный курс.

Выковывая свою политику по правам человека для Китая, американская администрация могла бы припомнить и конструктивный совет, данный военной миссией Кеннеди в Колумбии: «Осуществлять необходимую полувоенную, саботажную и/или террористическую деятельность против известных сторонников коммунизма» (термин, включающий крестьян, организаторов профсоюзов,

активистов по правам человека и т. д.). Ученики хорошо выучили эти уроки, дав наихудший результат в области прав человека в Западном полушарии в 90-е годы XX века при возрастающей военной помощи и подготовке со стороны США.

Разумные люди в таком случае без труда поймут, что было бы контрпродуктивно чересчур нажимать на китайцев по таким делам, как пытки диссидентов или жестокости в Тибете. Это могло бы даже вызвать страдания китайцев от «пагубных последствий жизни в обществе, изолированном от американского влияния» довод, приведенный группой управляющих компаниями в пользу устранения американских торговых барьеров, не пускающих их на рынки Кубы, где они могли бы постараться восстановить «полезные результаты американского влияния», господствовавшие со времени «освобождения» 100 лет назад и в период диктатуры Батисты, того же влияния, которое оказалось столь благосклонным для Гаити, Сальвадора и прочих современных райских земель — и «по случайности» еще и приносящим прибыли.

Такие тонкие разграничения должны стать частью арсенала тех, кто домогается респектабельности и престижа. Освоив их, мы увидим, отчего права инвесторов и права человека требуют столь различных подходов. Противоречие, касающееся «основных принципов», совершенно очевидно.

ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ ПРОПАГАНДЫ

Всегда полезно выяснить, о чем умалчивается в пропагандистских кампаниях. Законодательство «Fast Track» было шумно разрекламировано. Но некоторые фундаментальные проблемы канули в черную дыру, уготованную для тем, считающихся неподходящими для публичного обсуждения. Одна из них уже упомянутый факт, что речь шла не о торговых соглашениях, а о принципе демократии, и что в любом случае соглашения заключались не о свободной торговле. Еще поразительнее оказалось то, что на всем протяжении напряженной кампании вроде бы вообще не было публичного упоминания о грядущем договоре, который обязан был находиться в центре интересов; а ведь Многостороннее соглашение по инвестициям (МСИ) дело куда более серьезное, чем прием Чили в НАФТА или прочие пикантные новости, подаваемые ради иллюстрации того, почему президент должен улаживать торговые соглашения в одиночку и без вмешательства общественности.

МСИ имело мощную поддержку среди финансовых и промышленных организаций, с самого начала глубоко вовлеченных в разработку этого договора, например, Совета США по международному бизнесу, который, по его собственному уставу, «содействует глобальным интересам американского бизнеса как в Соединенных Штатах, так и за рубежом». В сентябре 1996 года Совет даже издал «Руководство по многостороннему соглашению по инвестициям» (A Guide to the Multilateral Agreement on Investment), доступное его клиентам-бизнесменам и их кругам, а также, разумеется, средствам массовой информации. Газета «Майами геральд» сообщила в июле 1997 года, что еще до того, как законопроект «Fast Track» был внесен в Конгресс, Совет потребовал, чтобы администрация Клинтона включила МСИ в ожидающееся своей участи законодательство, очевидно, первое, и притом редкое упоминание МСИ в прессе; мы возвращаемся к подробностям.

Отчего же тогда такое молчание в период обсуждения «Fast Track» 'а, да и вообще об МСИ? В голову приходит убедительное основание. Немногие политические и медиа-лидеры сомневаются в том, что если бы общественность была проинформирована, она не слишком бы обрадовалась МСИ. Если бы факты стали известными, противники соглашения опять могли бы бряцать своим «абсолютным оружием». Значит, переговоры по МСИ имеет смысл проводить только под «покровом секретности» мы заимствуем термин у бывшего главного судьи Верховного суда Австралии, сэра Энтони Мейсона, порицавшего решение собственного правительства не предавать огласке переговоры о «соглашении, которое может оказать громадное воздействие на Австралию, если мы ратифицируем его».

У нас подобные голоса не были слышны. Это было бы излишним: покров секретности в наших свободных организациях охранялся гораздо бдительнее.

В Соединенных Штатах мало кто знал что-либо об МСИ, напряженные переговоры по которому велись в ОЭСР с марта 1995 года. Первоначально заключение

соглашения было назначено на май 1997 года. Если бы цель была достигнута, публика знала бы об МСИ столько же, сколько об Акте по телекоммуникациям 1996 года, другом грандиозном подарке на роду с целью концентрации частнособственнической власти, мельком упоминавшемся в деловой прессе. Но страны ОЭСР не управились с соглашением по графику, и дата его подписания оказалась отложена на год.

Первоначальный и предпочтительный план был рассчитан на «изготовление» договора об МСИ во Всемирной торговой организации. Но эти усилия были заблокированы странами третьего мира, в особенности Индией и Малайзией, которые признали, что предложенные меры не позволят им применять ухищрения, используемые богатыми ради завоевания собственного места под солнцем. Затем переговоры были перенесены в более безопасные подразделения ОЭСР, где, как деликатно писал лондонский журнал «Экономист», можно было бы надеяться достичь соглашения, «к которому захотят присоединиться развивающиеся страны», опасаясь того, что их не допустят к рынкам и ресурсам богатых. Это до боли знакомая концепция «свободного выбора» в системах со значительным неравенством власти и богатств.

Почти три года «толпы черни» держали в блаженном неведении относительно происходящего. Но не полностью. В третьем мире эта проблема стала животрепещущей к началу 1997 года. В Австралии новость просочилась в деловую прессу в январе 1998 года, вызвав шквал сообщений и обсуждений в национальной прессе; отсюда отрицательная оценка у сэра Энтони, выступавшего на заседании в Мельбурне. Пресса сообщала, что оппозиционная партия «предлагала правительству передать соглашение на рассмотрение в парламентский комитет по договорам перед тем, как подписывать его». Правительство отказалось предоставить парламенту подробную информацию или разрешить парламентский обзор соглашения. Наша «позиция по МСИ весьма отчетлива, отвечало правительство, мы ничего не подписали бы, если бы национальные интересы Австралии неопровержимо не предписывали бы сделать это». Словом, «что выберем, то и сделаем» или, точнее говоря, как наставляют нас наши хозяева и гласят общепринятые обычаи, «национальные интересы» будут определяться центрами власти, действующими в закрытых кабинетах.

Несколько дней спустя правительство под давлением согласилось позволить парламентскому комитету рассмотреть МСИ. Редакторы одобрили решение с неохотой: это оказалось необходимым в качестве реакции на «ксенофобскую истерию» «паникеров» и «нечестивый союз между группами поддержки, профсоюзами, защитниками окружающей среды и чудаковатым конспирологом». Они, однако же, предупредили, что после этой злосчастной уступки «для правительства жизненно важным является не отступать ни на шаг от решительной приверженности» МСИ. Правительство отвергло обвинение в секретности, заметив, что проект договора доступен в Интернете, благодаря группам активистов, которые его туда поместили после того, как он к ним просочился.

Мы можем себя ободрить: в конце концов, демократия в Австралии процветает.

А вот в Канаде, ныне столкнувшейся со своего рода инкорпорацией в Соединенные Штаты, которую ускорила «свободная торговля», «нечестивый союз» добился куда больших успехов. В течение года договор обсуждался в ведущих ежедневных газетах и новостных еженедельниках, в прайм-тайм на национальном телевидении и на публичных митингах. Провинция Британская Колумбия заявила в Палате общин, что она «резко против» предлагаемого договора, отметив его «неприемлемые ограничения», касающиеся избранных правительств на федеральном, провинциальном и местном уровнях; его пагубное воздействие на социальные программы (здравоохранение и т. д.) и на охрану окружающей среды и управление ресурсами; необычно широкий диапазон определения термина «инвестиция», а также прочие удары по демократии и правам человека. Правительство этой провинции сильнее всего противостоит статьям, разрешающим корпорациям преследовать правительства в судебном порядке, тогда как сами корпорации никакой ответственности не подлежат и улаживают выдвигаемые против них обвинения в «не избираемых и никому не подотчетных арбитражных судах», которые следует образовывать из «специалистов по торговле»; суды эти будут работать, не учитывая доказательного материала, без гласности и возможности апелляций.

Поскольку покров секретности был разорван в клочья грубым шумом, доносившимся снизу, канадское правительство сочло необходимым заверить общественность, что ее интересам больше всего отвечает неведение. Эта задача была выполнена в теледебатах, проведенных национальной компанией Си-Би-Си, где выступил канадский федеральный министр внешней торговли Серджио Маски. «Хотелось бы полагать, что люди чувствуют себя уверенно, сказал он, благодаря честному подходу, которого, по-моему, придерживается наш премьерминистр», и «благодаря его любви к Канаде».

Такие слова обязаны всё уладить. Здоровью демократии к Северу от нашей границы ничего не угрожает.

Согласно Си-Би-Си, у канадского правительства как и у австралийского «сейчас нет планов, касающихся какого-либо законодательства по МСИ», и «министр торговли говорит, что оно, возможно, и не понадобится», поскольку МСИ это «просто продолжение НАФТА».

Дискуссия по этому вопросу проходила и в национальных СМИ Англии и Франции, но мне неизвестно, ощущалась ли там или где-нибудь еще в свободном мире необходимость заверить общественность в том, что ее интересам лучше всего служит вера в лидеров, которые «любят ее», «излучают честность» и стойко защищают «национальные интересы».

Не слишком удивительно, что дело приняло единственный в своем роде оборот в самом могущественном государстве мира, где «достоинейшие мужи» объявляют себя поборниками свободы, справедливости, прав человека и над всем этим демократии. Медиа-магнаты, разумеется, всё узнали и об МСИ, и о его далеко идущих

последствиях; также всё знали интеллектуалы-публицисты и эксперты. Как уже отмечалось, мир бизнеса был и осведомлен, и активно замешан в эти дела. Однако, показав весьма впечатляющую выдержку (с исключениями, каковые можно счесть статистической погрешностью), свободная пресса преуспела в сокрытии сведений от тех, кто ей доверяет, непростая задача в сложном мире.

Корпоративный мир в подавляющем большинстве поддерживает МСИ. И хотя молчание препятствует предъявлению улик, нетрудно догадаться, что те подразделения корпоративных организаций, которые заняты просвещением общественности, проявляют не меньший энтузиазм. Но опять-таки они понимают, что если «толпы черни» учуют происходящее, «абсолютное оружие» очень даже может быть расчехлено. Эта проблема имеет естественное решение. И вот мы наблюдаем за ним почти три года.

ДОСТОЙНЫЕ И НЕДОСТОЙНЫЕ ИЗБИРАТЕЛИ

У защитников МСИ один сильный аргумент: критики не располагают достаточной информацией, чтобы выступать вполне убедительно. Цель «покрова секретности» заключалась в гарантировании этого результата, и усилия увенчались некоторым успехом. Это в высшей степени драматическая правда для Соединенных Штатов, где работают самые стабильные и долговечные во всем мире демократические институты; США могут притязать на роль образца государственно-капиталистической демократии. Если иметь в виду этот опыт и статус, то неудивительно, что в Соединенных Штатах правильно понимают принципы демократии, а также прозрачно формулируют их в высших сферах. Например, видный гарвардский политолог Сэмюэль Хантингтон в своей книге «Американская политика» замечает, что власть должна оставаться невидимой, если она хочет быть эффективной: «Архитекторы власти в США должны создать силу, которую можно будет ощутить, но не увидеть. Власть остается сильной, если она остается в потемках; при солнечном свете она начинает испаряться». В том же году (1981) он проиллюстрировал свой тезис, разъясняя функцию «советской угрозы»: «Может быть, вам придется представлять [интервенцию или другие военные действия] в таком свете, чтобы создавалось ложное впечатление, будто вы собираетесь бороться с Советским Союзом. Именно это Соединенные Штаты непрерывно делали после принятия доктрины Трумэна».

В таких рамках «создавая ложное впечатление» ради обмана общественности и полностью исключая ее из процесса [принятия решений] ответственные лидеры должны проявлять свою сноровку в демократических обществах.

Тем не менее, несправедливо обвинять власти ОЭСР в тайном ведении переговоров. В конце концов, неким активистам действительно удалось, тайно раздобыв проект МСИ, поместить его в Интернет. Читатели «альтернативной прессы» и журналов третьего мира, а также зараженные «нечестивым союзом» следили за событиями как минимум с начала 1997 года. И в основном потоке публикаций никто не отрицает непосредственной причастности к событиям организации, «содействующей глобальным интересам американского бизнеса», и ее аналогов в других богатых странах.

Но имеется несколько организаций, за которыми как-то недоглядели: к примеру, Конгресс США. В ноябре прошлого года двадцать пять членов Палаты представителей отправили письмо президенту Клинтону, заявив, что переговоры по МСИ «привлекли наше внимание», предположительно благодаря усилиям активистов и заинтересованных групп. Они попросили президента ответить на три простых вопроса.

Во-первых: «Учитывая недавние заявления администрации, что она не может вести переговоры по сложным, многопроблемным и многосторонним соглашениям, не имея полномочий от «Fast Track», как получилось, что переговоры по МСИ близятся к

завершению», ведь его текст «столь же запутан, как НАФТА или ГАТТ», а статьи «потребуют значительных ограничений для американских законов и политики регулирования инвестиций на федеральном уровне, на уровне каждого штата и на местном уровне?».

Во-вторых: «Как получилось, что переговоры по этому соглашению велись с мая 1995 года без какихлибо консультаций с Конгрессом или надзора с его стороны, особенно учитывая исключительные конституционные полномочия Конгресса по регулированию международной торговли?».

В-третьих: «МСИ говорит на откровенном языке возмещения убытков, который позволяет иностранным корпорациям или инвесторам напрямую возбуждать дело против правительства США, если мы предпримем какое-нибудь действие, ограничивающее возможность распоряжаться инвестициями. Эти выражения допускают широкое толкование, смутны и в значительной степени выходят за рамки ограниченного понятия возмещения убытков, предусмотренного американским законодательством. Почему США стремятся намеренно отказаться от неприкосновенности суверенитета и навлечь на себя ответственность за убытки, да еще выраженную таким смутным языком, как тот, что касается каких-либо действий «с эффектом, эквивалентным» «косвенной» экспроприации?».

По третьему пункту авторы письма, возможно, имели в виду процесс, затеянный «Этил корпорейшен» известной в качестве производителя освинцованного бензина против Канады, с требованием 250 млн. долларов, чтобы возместить убытки от «экспроприации» и ущерб «доброй репутации» «Этила», нанесенный канадским законодательством, запретившим выпуск добавки к бензину под названием ММТ. Канада считает ММТ опасным ядом, подвергающим здоровье значительному риску, что согласуется с Американским агентством по охране окружающей среды, которое резко ограничило его выпуск, и законом штата Калифорния, запретившим ММТ полностью. В своем иске «Этил» требует и возмещения убытков за «расхолаживающее воздействие» канадского закона, заставившего Новую Зеландию и другие страны пересмотреть свое пользование ММТ. Или, вероятно, подписавшие письмо имели в виду тяжбу против Мексики, начатую американской фирмой по переработке ядовитых отходов «Металклад», с требованием 90 млн. долларов за убытки от «экспроприации», так как место, где эта фирма намеревалась перерабатывать ядовитые отходы, было объявлено частью экологической зоны.

Эти тяжбы затеваются по уставу НАФТА, который позволяет корпорациям возбуждать судебные дела против правительств, фактически наделяя первых правами национальных государств (а не просто юридических лиц, как было прежде). Целью здесь, предположительно, является определение и, по возможности, расширение неясных рамок этого устава. Частично эти тяжбы, вероятно, представляют собой просто операцию устрашения, стандартный и зачастую действенный прием, доступный обладателям набитых карманов и направленный на приобретение желаемого с помощью юридических угроз, обоснованность которых выглядит весьма

сомнительной.

«Учитывая необозримые потенциальные последствия МСИ, заключали конгрессмены письмо к президенту, мы с нетерпением ожидаем ваших ответов на эти вопросы». К авторам письма, в конце концов, пришел ответ, но в нем не было сказано ничего существенного. Средства массовой информации были извещены обо всем этом, но резонанс, вызванный этим сообщением, остался мне неизвестным.

Наряду с Конгрессом, есть и другая группа, за которой недосмотрели, это население. Насколько мне известно, помимо торговых журналов, в «не маргинальной» прессе не было упоминаний об МСИ до середины 1997 года, а фактически и впоследствии. Как уже сказано, «Майами геральд» сообщила об МСИ в июле 1997 года, отметив энтузиазм и прямую заинтересованность в нем делового мира. В «Чикаго трибюн» сообщение об МСИ появилось в декабре, вместе с наблюдением, что этот вопрос «не вызвал внимания общественности или политических дебатов» за пределами Канады. В Соединенных же Штатах, как пишет «Чикаго трибюн», «это молчание представляется намеренным». «Правительственные источники утверждают, что... администрация не желает способствовать дебатам по мировой экономике». В свете настроений общественности секретность наилучшая политика, опирающаяся на тайный сговор в системе массовой информации.

The «Newspaper of Record» нарушила молчание несколько месяцев спустя, опубликовав объявление против МСИ, оплаченное Международным форумом по глобализации. В объявлении цитируется заголовок из «Бизнес уик», где МСИ описывается как «подрывная сделка, о которой вы ничего не слышали». «Соглашение... имеет целью переписать права собственности для иностранных фирм и затронет всё, от фабрик до недвижимости и даже ценных бумаг. Но большинство законодателей и слыхом не слыхивали о Многостороннем соглашении по инвестициям из-за того, что Конгрессу ничего не было известно о секретных переговорах, проводимых администрацией Клинтона», а средства массовой информации придерживались повестки дня Белого дома. Отчего? задает вопрос Международный форум, отвечая на него обзором основных черт договора.

Несколько дней спустя (16 февраля 1998 года) в утренней передаче Национального публичного радио прозвучал фрагмент, посвященный МСИ. Спустя еще неделю появилась (довольно короткая) статья в «Крисчен сайенс монитор». «Нью рипаблик» уже обратила внимание на растущую озабоченность публики по поводу МСИ. Эта проблема неправильно освещалась в респектабельных кругах, сделала вывод «Нью рипаблик», так как «основные печатные издания», будучи «обыкновенно сдвинутыми влево... еще больше сдвинуты по части интернационализма». Так значит, левакам из прессы не удалось вовремя распознать противодействие публики «Fast Track» 'у и обнаружить, что эти же возмутители спокойствия «уже готовятся [к] битве» против МСИ. Прессе следует серьезнее воспринимать свою ответственность и нанести упреждающий удар по «паранойе, связанной с МСИ», которая «рикоше том распространилась через Интернет» и даже привела к публичным конференциям.

Одних насмешек над «равниной и черной стаей вертолетов» может оказаться недостаточно. Молчание может оказаться не самой мудрой позицией, если богатым странам надо суметь «примкнуть к либерализации международного инвестиционного права подобно тому, как ГАТТ кодифицировало либерализацию торговли».

1 апреля 1998 года «Вашингтон пост» довела известие об МСИ до общенациональной аудитории в статье, где личное мнение выразил член редколлегии Фред Хайетт. Он подвергает ритуальному осмеянию критику и обвинения в «секретности» ведь текст МСИ, в конце концов, был помещен активистами (незаконно) в Интернет. Как и прочие, кто опускается на такой уровень апологетики, Хайетт не делает отсюда очевидных выводов о том, что средства массовой информации должны элегантно сойти со сцены. Любой используемый ими осмысленный материал может быть обнаружен и простыми людьми в ходе тщательных поисков, и тогда анализы, комментарии и дебаты окажутся ни к чему.

Хайетт пишет, что «МСИ пока еще не привлекло достаточного внимания в Вашингтоне» в особенности, в его газете и это спустя год после того, как миновала первоначальная дата, установленная для его подписания, и за три недели до даты, назначенной в 1998 году. Он ограничивает свой материал несколькими официальными комментариями, преподносимыми в качестве неоспоримого факта, и добавляет, что правительство «узнало из «Fast Track», что пока договоры еще оформляются, ему следует больше, чем прежде, консультироваться с профсоюзными властями, защитниками окружающей среды и прочими». Что мы и имели возможность наблюдать. Возможно, в качестве реакции на письмо конгрессменов или всплытие полоумных на поверхность Вашингтон издал официальное заявление по МСИ 17 февраля 1998 года. Это заявление, подписанное заместителем государственного секретаря Стюартом Айзенштатом и заместителем торгового представителя США Джеффри Лэнгом, насколько мне известно, осталось незамеченным. Заявление выдержано в обычных газетных тонах, но заслуживает заголовков на первых страницах газет по сравнению с тем, что появлялось до сих пор. «Доблести» МСИ принимаются как самоочевидные без каких-либо описаний или аргументов. По таким проблемам, как рабочая сила и окружающая среда, возмещение убытков и т. д. смысл заявления таков же, как и у заявлений правительств Канады и Австралии: «Доверяйте нам и заткнитесь».

Большой интерес представляет та хорошая новость, что США в ОЭСР взяли на себя инициативу по обеспечению того, чтобы соглашение «дополнило наши усилия в более широком смысле» (доселе неведомые) «по поддержке продолжительного развития и по содействию уважению к стандартам труда». Айзенштата и Лэнга «радует, что участники согласны с нами» по этим вопросам. Кроме того, прочие страны ОЭСР теперь «согласны с нами относительно важности работы в тесном сотрудничестве с их родными избирателями ради достижения консенсуса» по МСИ. Они присоединяются к нам в понимании того, что «для их родных избирателей важно быть сопричастными процессу».

«В интересах большей прозрачности добавляет официальное заявление ОЭСР согласилось предать гласности текст проекта соглашения» возможно, еще до подписания.

Вот, наконец, у нас и появилось громкое свидетельство о демократии и правах человека. И в нем провозглашается, что администрация Клинтона ведет за собой мир, обеспечивая условия, чтобы ее «родные избиратели» сыграли активную роль в «достижении консенсуса» по МСИ.

Кто же такие «их родные избиратели»? На этот вопрос можно без труда ответить, взглянув на неоспоримые факты. Деловой мир играл активную роль на протяжении всего описанного процесса. Конгресс не был проинформирован, а докучливая публика «абсолютное оружие» оказалась обречена на неосведомленность. С помощью простейшего упражнения по элементарной логике мы доподлинно установим, кого клинтоновская администрация считает «своими родными избирателями».

Это полезный урок. Подлинные ценности власть имущих редко формулируются с такой искренностью и точностью. Справедливости ради отметим, что они не являются монополией США. Эти ценности разделяются государственными и частнособственническими центрами власти в других парламентских демократиях, а также их аналогами в тех обществах, где нет необходимости потворствовать риторическим увещаниям насчет «демократии».

Уроки кристально ясны. Потребовался бы настоящий талант, чтобы их не заметить, как и не разглядеть, сколь превосходно они иллюстрируют предостережения Мэдисона, сделанные более 200 лет назад, когда он сетовал на «наглую развращенность времен», предупреждая о том, что «биржевые спекулянты станут преторианской гвардией правительства сразу и его орудиями, и его тиранами, будучи подкупленными его щедротами и внушая ему страх сплетнями и махинациями».

Эти наблюдения попадают в самую суть МСИ. Подобно многому в публичной политике последних лет, особенно в англоязычных обществах, этот договор имеет целью урезать демократию и права граждан, перенося еще больше полномочий по принятию решений в никому не подотчетные частные организации, в правительства, для которых эти организации поставляют «родных избирателей», и в международные институты, с которыми эти организации связывают «общие интересы».

УСЛОВИЯ МСИ

Так что же на самом деле излагается в статьях МСИ, и что они предвещают? Если бы фактам и проблемам было позволено выйти на публичную арену, то что же мы обнаружили бы? На такие вопросы не может быть определенного ответа. Даже если бы мы располагали полным текстом МСИ, подробным списком оговорок, внесенных теми, кто его подписал, и полными дословными протоколами заседаний, мы не

узнали бы ответов. Причина в том, что ответы обуславливаются не словами, а властными отношениями, которые навязывают интерпретации слов. Два века назад в ведущей демократической стране своего времени Оливер Голдсмит заметил, что «законы перемалывают бедных, а богатые люди придумывают законы» имеются в виду реально действующие законы, что бы ни говорилось в изящных словах. Этот принцип остается в силе и по сию пору.

Все это опять-таки широко распространенные трюизмы. В Конституции США и поправках к ней мы не найдем ничего, что наделяло бы правами личности (свобода слова, свобода от обысков и конфискации, право покупать выборы и т. д.) организации, которые историки права называют «коллективными правовыми субъектами». Подобного рода «коллективные правовые субъекты» это целостные единицы, обладающие правами «бессмертных личностей» правами, каковые намного превосходят права реальных лиц, если мы будем учитывать их власть; и правами, теперь как мы видели расширяющимися до уровня государств. Мы тщетно будем рыться в Хартии ООН, чтобы найти основания для полномочий (на которые претендует Вашингтон) по использованию силы и насилия ради достижения «национальных интересов» в том виде, как их определяют бессмертные личности, которые наводят на общество тень под названием «политика», если пользоваться навевающей воспоминания фразой Джона Дьюи. Уголовный Кодекс США определяет терроризм с большой отчетливостью, а законы США предусматривают суровые наказания за это преступление. Но никто не найдет никакой формулировки, которая избавляла бы «архитекторов власти» от наказания за развязывание ими государственного террора, не говоря уже об их чудовищных сателлитах (до тех пор, пока они пользуются благосклонностью Вашингтона), таких, как Сухарто, Саддам Хусейн, Мобуту, Норьега и прочих малых и великих. Как из года в год указывают ведущие организации по правам человека, фактически вся помощь США зарубежным странам незаконна, начиная от главного ее получателя и далее по списку, так как закон запрещает помогать странам, «систематически применяющим пытки». Пусть это закон, но разве смысл его таков?

МСИ попадает в ту же категорию. Правильным анализом будет анализ «наихудшего дела», если «власть останется в потемках», а юристы корпораций, являющиеся наемниками власти, окажутся способными провести собственное толкование нарочито извилистых и двусмысленных формулировок проекта договора. Существуют не столь угрожающие интерпретации, и они могут оказаться правильными, если «абсолютное оружие» не поддастся укрощению и проявится влияние демократических процедур. Среди этих возможных результатов демонтаж всей структуры и незаконных организаций, на которых она зиждется. Но это уже вопрос не слов, а организации и действий народа.

Здесь можно было бы раскритиковать некоторых из критиков МСИ (в том числе и меня). Тексты соглашения касаются прав «инвесторов», а не граждан, чьи права, соответственно, урезаются. Поэтому критики называют его «соглашением о правах

инвесторов», что достаточно верно, но вводит в заблуждение. Ведь кто такие эти «инвесторы»?

В 1997 году половиной акционерного капитала владел 1 % богатейших семей, и почти 90 % принадлежало 1/10 богатейших семейств (концентрация еще выше для облигаций и трестов, сравнимых по другим активам); планы по увеличению пенсий приведут лишь к слегка более равномерному распределению богатств между верхней 1/5 семейств. Энтузиазм по поводу радикальной инфляции активов в последние годы понятен. А эффективный контроль за корпорациями находится в руках весьма небольшого количества учреждений и лиц, и после целого века действий судебных органов закон их поддерживает.

Разговоры об инвесторах должны вызывать в воображении не портреты Джо Доукса в заводских цехах, а корпорацию «Катерпиллар», которой только что удалось справиться с крупной забастовкой, доверившись столь восхваляемым инвестициям за рубежом: воспользовавшись примечательным ростом прибыли, которой компания делится с другими «родными избирателями», ей удалось создать дополнительные производственные мощности за рубежом, чтобы подорвать попытки рабочего люда в Иллинойсе бороться с понижением заработной платы и ухудшением условий труда. Такое развитие событий происходит в немалой степени из-за финансовой либерализации, проведенной за последние двадцать пять лет, и МСИ лишь усилит эту либерализацию; еще следует отметить, что эта эпоха финансовой либерализации стала периодом необыкновенно медленного роста промышленности (включая сегодняшней «бум», наихудшее восстановление мощностей за послевоенную историю), низких зарплат, высоких прибылей и, между прочим, ограничений на торговлю, введенных богачами.

МСИ и аналогичные попытки лучше называть не соглашениями о правах инвесторов, а «соглашениями о правах корпораций».

Соответствующими «инвесторами» являлись коллективные правовые субъекты, а не личности, как их понимают здравый смысл и традиция, но это было до тех пор, пока деятельность современных судебных органов не создала современную корпоративную власть. Это приводит к критике иного рода. Противники МСИ часто утверждают, что подобные соглашения наделяют корпорации слишком многими правами. Но говорить о пожаловании слишком многих прав королю, или диктатору, или рабовладельцу означает отдавать слишком много территории. Эти мероприятия можно было бы называть не «соглашениями о правах корпораций», а точнее «соглашениями о корпоративной власти», поскольку едва ли можно понять, почему такие организации вообще должны обладать каким-то правами.

Когда столетие назад формировалась корпоративная структура современного государственного капитализма, что отчасти было реакцией на крупные рыночные провалы, то консерваторы племени, которое вряд ли теперь существует выдвигало возражения против этих процессов, сформулированные в духе основополагающих принципов классического либерализма. И это было вполне справедливо. Можно

вспомнить, как Адам Смит критиковал «акционерные компании» его эпохи, особенно если их руководство наделялось некоторой степенью самостоятельности. Можно вспомнить и его отношение к коррупции, неотъемлемо присущей частнособственнической власти: Адам Смит язвительно писал о том, что когда деловые люди встречаются на ленче, они, вероятно, составляют «заговор против общественности»; что уж говорить о том, что происходит, когда они образуют коллективные субъекты права и заключают между ними союзы, наделенные чрезвычайными полномочиями, под держанными и усиленными государственной властью...

Обратив внимание на эти оговорки, давайте вспомним о некоторых из запланированных черт МСИ, опираясь на информацию, дошедшую до заинтересованной публики благодаря «нечестивому союзу».

«Инвесторы» получают права свободно перемещать активы, включая производственное оборудование и финансовые активы, без «правительственного вмешательства» (имеются в виду голоса в защиту общественности). С помощью софистики, знакомой деловому миру и корпоративным юристам, права, жалуемые иностранным инвесторам, легко переносятся и на «родных» инвесторов. Среди демократических прав, которые тем самым могут быть нарушены, право выбирать: местного собственника, необходимость делиться технологией, местных менеджеров, корпоративную отчетность, зарплату на уровне прожиточного минимума, предпочтения (отдаваемые бедным регионам, меньшинствам, женщинам и т. д.), охрану труда, потребителя и окружающей среды, ограничения по выпуску ядовитых продуктов, защиту малого бизнеса, поддержку стратегических и новых отраслей промышленности, земельную реформу, контроль со стороны общин и рабочий контроль (то есть основы подлинной демократии), действия трудящихся (которые можно истолковать как незаконные угрозы порядку) и так далее. «Инвесторам» разрешено затевать судебные дела против правительств на всех уровнях за наступление на жалованные им права. Тут нет взаимности: граждане и правительства не могут преследовать «инвесторов» в судебном порядке. Тяжбы «Этила» и «Металклада» служат разведывательными инициативами.

Никаких ограничений не накладывается на инвестиции в страны с нарушениями прав человека: в Южную Африку в эпоху «конструктивного обязательства», в сегодняшнюю Бирму. Разумеется, это следует понимать так, что Босса подобные неудобства не смутят. Власть имущие стоят над договорами и законами.

Снимаются препятствия для потоков капитала: к примеру, условия, которые навязало Чили, чтобы помешать притоку краткосрочного и обильно кредитуемого капитала, в какой-то степени изолировали Чили от разрушительного воздействия в высшей степени изменчивых финансовых рынков, подверженных непредсказуемой «стадной» иррациональности. Или же взять более далеко идущие меры, которые в состоянии упразднить пагубные последствия либерализации потоков капитала. Обсуждение серьезных предложений для достижения этих целей откладывалось

годами, но так и не попало в повестку дня «архитекторов власти». Как показывают имеющиеся данные, вполне возможно, что финансовая либерализация приносит экономике один только вред. Но это не столь важно по сравнению с преимуществами, достигавшимися благодаря либерализации финансовых потоков на протяжении четверти столетия по инициативе, в основном, правительств Соединенных Штатов и Великобритании. И преимущества эти существенны. Финансовая либерализация способствует концентрации богатств и дает мощное оружие подрыва социальных программ. Она помогает осуществить «значительные ограничения зарплаты» и «нетипичное ограничение роста компенсации, [которое] представляется преимущественно следствием возросшей ненадежности положения рабочих», столь воодушевляющие федерального казначея Алана Гринспена и администрацию Клинтон поддержкой «экономического чуда», внушающего благоговейный страх тем, кто получает от него выгоду, и обманутым наблюдателям, особенно за границей.

Сюрпризов здесь немного. Планировщики мировой экономической системы после Второй мировой войны выступали за свободу, но и за регулирование капитала; таковы были основные положения сложившейся в 1944 году бреттон-вудской системы, включая хартию МВФ. Одним (достаточно убедительным) основанием для этого было ожидание, что финансовая либерализация воспрепятствует свободе торговли. Другим признание того, что она послужит мощным оружием против демократии и государства всеобщего благосостояния, пользовавшегося громадной поддержкой народа. Представитель США на переговорах Гарри Декстер Уайт при согласии своего британского коллеги Джона Мейнарда Кейнса подчеркивал, что регулирование капитала позволит правительствам провести в жизнь финансовую и налоговую политику и обеспечить полную занятость и социальные программы, не страшась бегства капиталов. Напротив того, свободный поток капитала создаст то, что некоторые специалисты по международной экономике называли «виртуальным сенатом», в котором обладающий высокой концентрацией капитал будет навязывать собственную социальную политику недовольному населению, наказывая отклоняющиеся от нее правительства бегством капиталов. В 50-е и 60-е годы XX века бреттон-вудская система, как продолжение общественного договора, в значительной степени доминировала на протяжении «золотого века» развития высокоуровневых экономики и производительности труда. Эта система была демонтирована Ричардом Никсоном при поддержке Британии, а впоследствии и других крупных держав. Новая ортодоксия институционализировалась как часть Вашингтонского консенсуса. Его результаты довольно хорошо соответствуют ожиданиям планировщиков бреттон-вудской системы.

Однако энтузиазм менеджеров всемирной экономики по отношению к «экономическим чудесам», созданным новой ортодоксией, пошел на спад после того, как в результате либерализации финансовых потоков в 70-е годы XX века ускорение надвигающихся катастроф стало угрожать как «их родным избирателям», так и широкой публике. Главный экономист Всемирного банка Джозеф Стиглиц,

редакторы лондонской «Файнэншл таймс» и прочие деятели, приближенные к центрам власти, стали требовать мер по урегулированию потоков капитала, следуя примеру таких бастионов респектабельности, как Банк по международным соглашениям. Всемирный банк тоже слегка изменил курс. Вашингтонский консенсус не только очень плохо понимал мировую экономику, но еще и все труднее становилось игнорировать и латать серьезные «дыры». Могли произойти изменения, и в непредсказуемых направлениях.

Возвращаясь к МСИ: подписавшие договор обязуются «не изменять» его в течение двадцати лет. Таково «предложение правительства США», как сообщает представитель Канадской торговой палаты, одновременно являющийся старшим советником по инвестициям и торговле в IBM Canada, а также избранный, чтобы представлять Канаду в публичных дебатах.

В договоре содержится неотъемлемый от него эффект «храповика» вследствие условий, ведущих к «торможению» и «откату». «Торможение» означает, что не разрешается принимать новое законодательство, которое интерпретировалось бы как «не соответствующее» МСИ. «Откат» же что от правительств ожидается, что они отменят уже действующее законодательство, если его истолкуют как «несоответствующее». Толковать его в любом случае будет «известно кто». Цель МСИ «привязать страны» к его положениям, которые с течением времени будут постепенно сужать публичную сферу, наделяя властью «одобряемых» «родных избирателей» и их международные структуры. Последние включают в себя большое количество корпоративных союзов, руководящих производством и торговлей и опирающихся на могущественные государства, которые должны поддерживать систему посредством социализации расходов и рисков для (в основе своей национальных) транснациональных корпораций согласно недавним техническим исследованиям, фактически для всех ТНК.

Запланированной датой подписания МСИ было 27 апреля 1998 года, но по мере его приближения становилось ясно, что вероятны проволочки из-за растущего народного протеста и дискуссий в самом «клубе». По слухам, просочившимся через органы власти (преимущественно в зарубежную деловую прессу), дискуссии касаются усилий Евросоюза и Соединенных Штатов, имеющих целью дать некоторые права странам-сателлитам; попыток Евросоюза построить нечто вроде обширного внутреннего рынка, подобного имеющемуся у корпораций, базирующихся в США; оговорок, предусмотренных Францией и Канадой с целью обеспечить некоторый контроль над их культурной индустрией (для малых стран здесь куда большая угроза), и возражений европейцев по поводу таких форм крайнего и надменного вмешательства американцев в рыночную систему, как акт Хелмса-Бертон.

«Экономист» сообщает о дальнейших проблемах. Вопросы труда и окружающей среды, «поначалу почти не упоминавшиеся», становится все труднее замалчивать. Становится все труднее не обращать внимания на параноиков и упрямецев, «которые хотят, чтобы были указаны высокие стандарты отношения к рабочим и охраны

окружающей среды со стороны зарубежных инвесторов», а «их яростные удары, распространившиеся через веб-сайты Интернета, оставили переговорщиков в нерешительности относительно их дальнейшего поведения». Одна из возможностей обратить внимание на то, чего хочет публика. Но этот выбор не упоминается: он исключается по принципиальным мотивам, поскольку может подорвать самую суть соглашения.

Как информирует «Экономист» своих клиентов, даже если сроки не будут выполнены и от попытки придется отказаться, это не будет означать, что «все было ни к чему». Прогресс был достигнут, и «если повезет, то части МСИ могут послужить наметками для глобального соглашения МСИ по инвестициям», а непокорные «развивающиеся страны» могут проявить больше охоты принять его после нескольких лет разорения с помощью рыночной иррациональности, еще одного наказания, налагаемого на жертвы правителями мира, и когда растет уверенность элементов элиты в том, что они смогут приобщиться к концентрированным привилегиям, если будут помогать распространять доктрины власть имущих, сколь бы мошенническими эти доктрины ни были и как бы ни жили другие. Мы можем ожидать того, что «части МСИ» оформятся еще где-нибудь, вероятно, в МВФ, который, как подобает, хранит молчание.

С другой точки зрения, дальнейшие проволочки дали «толпам черни» больше возможностей разорвать завесу секретности.

Для широкого населения важно распознать, что именно им уготовано. Попытки правительств и СМИ всё окутывать тайной, открывая ее лишь их официально признанным «родным избирателям», конечно же, понятны. Но такие барьеры преодолевались с помощью энергичных публичных действий прежде и снова могут быть преодолены.

Первоначально опубликовано в Z, май 1998, под заглавием «Родные избиратели».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Буквально: быстрая прокрутка магнитофонной ленты (англ.). Прим. пер.
2. См. мои статьи в Z того времени; обзоры в Noam Chomsky, *World Orders, Old and New* (Columbia University Press), а также главы IV и V выше. Glenn Burins, "Labor Fights Against FastTrack Trade Measures", *Wall Street Journal*, September 16, 1997. 3. Bob Davis, *Wall Street Journal*, October 3, 1997.
4. Bruce Clark, "Pentagon Strategists Cultivate Defense Ties with Indonesia", *Financial Times*, March 23, 1998. 1965, см. Noam Chomsky, *Year End*, 1993), Chapter 4. JFK/Columbia, см. Michael McClintock, in Alexander George, ed., *Western State Terrorism* (Polity, 1991), а также *Instruments of Statecraft* (Pantheon, 1992), 1992). Куба: Nancy Dunne, *Financial Times*, March 24, 1998.

5. Jane Bussey, "New Rules Could Guide International Investment", Miami Herald, July 20, 1997.

6. Anthony Mason, "Are Our Sovereign Rights at Risk?" The Age, March 4, 1998.

7. Economist, March 21, 1998.

8. См. ниже, примечание 9.

9. Имеются противоречащие этому жалобы относительно доступности проекта договора в более недавний период: David Forman, Australian, January 14; Tim Colebatch, "Inquiry Call over "Veil of Secrecy"", Age, March 4, 1998; editorials, Australian, March 9, 12, 1998; editorial. Age, March 14, 1998.

10. Laura Eggertson, "Treaty to Trim Ottawa 's Power", Toronto Globe and Mail, April 3, 1997; Macleans, April 28, September 1, 1997; CBC, October 30, December 10, 1997; CBC, October 30, December 10, 1997. См. Monetary Reform (Shanty Bay, Ontario), no. 7 (Winter 1997–1998). О ВТО см. Martin Khor, "Trade and Investment: Fighting over Investors' Rights at WTO", Third World Economics (Penang), February 15, 1997. Текст проекта МСИ: OECD, Multilateral Agreement on Investment: Consolidated Texts and Commentary (OLIS January 9, 1997; DAFFE/MAI/97; Confidential); доступен в Центре публичной политики «Преамбула» (1737 21st St. NW, Washington, D. C. 20009). Проекты с более поздними датами подписания также цитировались, напр., Martin Khor, Third World Economics, February 1-15, 1998, с цитатами из OECD, October 1, 1997. См. Scott Nova and Michelle Sforza-Roderick из «Преамбулы», "M.I.A. Culpa", Nation, January, 13, 1997, а также другие сообщения в независимой («альтернативной») прессе. Дальнейшую информацию см. в: Maude Barlow and Tony Clarke, MAI and the Threat to American Freedom (New York: Stoddart, 1998); Международный форум по глобализации (1555 Pacific Avenue, San Francisco, CA 94109); Публично-гражданский контроль мировой торговли (215 Pennsylvania Avenue SE, Washington, D.C. 20003); Центр «Преамбула»; Глобальное народное действие (playfair@asta.rwth-aachen. de).

11. Samuel Huntington, American Politics: The Promise of Disharmony (Harvard University Press, 1981); процитировано в Sidney Plotkin and William Scheurmann, Private Interests, Public Spending (South End, 1994), 223. Huntington, " Vietnam Reappraised", International Security, Summer 1981.

12. House letter on MAI, to President Clinton, November 5, 1997.

13. Laura Eggertson, "Ethyl Suits Canada over MMT Law", G&M, April 15, 1997; Third World Economics, June 30, 1997; Briefing Paper: Ethyl Corporation v. Government of Canada, Preamble Center for Public Policy, n. d.; Joel Millman, Wall Street Journal, October 14, 1997. С технической точки зрения, новый закон запрещает лишь импорт ММТ и торговлю им между провинциями, но это действительно запрет, поскольку один лишь «Этил» производит и продает ММТ. Впоследствии Канада капитулировала и отменила запрет, не желая иметь дело с дорогостоящей тяжбой. John Urquhart, Wall Street Journal, July 21, 1998. Теперь Канада столкнулась с новыми обвинениями в «экспроприации» у американской компании по переработке ядовитых отходов «С. Д. Майерс», опять-таки по законам НАФТА; Канада же сослалась на канадский запрет на

экспорт высокотоксичных PCB. Scott Morrison and Edward Alden, *Financial Times*, September 2, 1998.

14. Недавний пример тяжба, начатая сетью частных лечебниц «Бeverли энтерпрайзез» против Кейт Бронфенбреннер, историка рабочего движения из Корнельского университета, которая свидетельствовала о его порядках на городском митинге, будучи приглашенной членами делегации конгрессменов от Пенсильвании (личное сообщение; также Steven Greenhouse, *NYT*, April 1, 1998; Deirdre McFadyen, *In These Times*, April 5, 1998). Для «Бeverли» результат оказался в значительной степени неуместным, поскольку представленные документы требуют сурово наказать только профессора Бронфенбреннер и ее университет, но могут возыметь расхолаживающее воздействие на других исследователей и на другие учебные заведения.

15. Письмо из Белого Дома от 20 января 1998 г. Благодарю служащих Конгресса, особенно офис члена Палаты представителей Берни Сэндерса (Bernie Sanders).

16. Jane Bussey, "New Rules Could Guide International Investment", *Miami Herald*, July 20, 1997; R. C. Longworth, "New Rules for Global Economy", *Chicago Tribune*, December 4, 1997. См. также Jim Simon, *Seattle Times*, "Environmentalists Suspicious of Foreign-Investor-Rights Plan", *Seattle Times*, November 22, 1997; Lorraine Woellert, "Trade Storm Brews over Corporate Rights", *Washington Times*, December 15, 1997. *Business Week*, February 9, 1998; *NYT*, February 13, 1998, платное объявление; NPR, Morning Edition, February 16, 1998; Peter Ford, *Christian Science Monitor*, February 28, 1998; Peter Beinart, *New Republic*, December 15, 1997; Fred Hiatt, *Washington Post*, April 1, 1998.

17. "The Multilateral Agreement on Investment", statement by Undersecretary of State Stuart Eizenstat and Deputy U. S. Trade Representative Jeffrey Lang, February, 17, 1998.

18. Oliver Goldsmith, "The Traveller" (1765).

19. Lawrence Mishel, Jared Bernstein, and John Schmitt, *The State of Working America, 1996-97* (Economic Policy Institute: M. E. Sharpe, 1997). О правовом фоне см. особенно Morton Horwitz. *The Transformation of American Law, 1870-1960* (Oxford University Press, 1992), Chapter 3.

20. Eric Helleiner, *States and Reemergence of Global Finance* (Cornell, 1994); James Mahon, *Mobile Capital and Latin American Development* (Pennsylvania State University, 1996).

21. Helleiner, *op. cit.*, 190, editorial, "Regulating Capital Flows", *Financial Times*, March 25, 1998; Joseph Stiglitz, same day; *The State is in a Changing World: World Development Report 1997* (World Bank, 1997). Эти процессы время от времени обозревались в весьма пронизательных аналитических работах специалиста по мировой экономике Дэвида Феликса (David Felix), а совсем недавно в его же "Asia and the Crisis of Financial Liberalization", in Dean Baker, Gerald Epstein, and Robert Pollin, eds., *Globalization and Progressive Economic Policy* (Cambridge University Press, 1998).

22. Doug Gregory, St. Lawrence Center Forum, November 18, 1997; перепечатано в *Monetary Reform*, no. 7 (Winter 1997-98).

23. См. Guy de Jonquieres, "Axe over Hopes for MAI Accord", *Financial Times*, March 25,

1998; Economist, March 21, 1998. 231

VII. «ОРДЫ БДИТЕЛЬНЫХ»

Глава VI отправилась в печать за несколько недель до запланированной даты подписания МСИ странами ОЭСР в апреле 1998 года. В то время было вполне понятно, что соглашения достигнуть невозможно, и оно не было подписано важное событие, которое следует тщательно рассмотреть в качестве урока: чего можно достичь с помощью «абсолютного оружия», заключающегося в организации народа и инициативе, идущей снизу, даже при чрезвычайно неблагоприятных обстоятельствах.

Отчасти провал объясняется внутренними разногласиями например, возражениями европейцев на федеральную систему США и экстерриториальное действие американских законов, заботами о сохранении определенной степени культурной автономии и тому подобным. Но обозначилась и более существенная проблема: мощное противодействие по всему миру. Становилось все труднее обеспечивать условия, чтобы правила мирового порядка продолжали «писаться юристами и бизнесменами, рассчитывающими получить от этого выгоду», а также «правительствами, получающими советы и руководящие указания от этих юристов и бизнесменов», тогда как «голос широкой общественности неизменно блистал своим отсутствием» таково точное описание переговоров по МСИ, а также продолжающихся попыток «выдумать правила» «глобальной деятельности» в других сферах без вмешательства публики. Короче говоря, всё труднее становилось ограничивать осведомленность и вовлеченность публики в секторах, охарактеризованных администрацией Клинтона с необычной и непреднамеренной ясностью как ее «родные избиратели»: это Совет Соединенных Штатов по международному бизнесу, который «содействует глобальным интересам американского бизнеса как в США, так и за рубежом», и вообще концентрированные образования частнособственнической власти, но, что является определяющим, не Конгресс (каковой, в нарушение требований конституции, не был проинформирован) и не широкая публика, чьи голоса заглушались с помощью «завесы секретности», которую не снимали в течение трех лет напряженных переговоров, проявляя впечатляющую дисциплинированность. Пока приближалась дата подписания, лондонский «Экономист» указывал на одну проблему. Информация просачивалась через группы публичных интересов и организации «обывателей», и становилось все труднее не обращать внимания на тех, кто «хочет, чтобы были указаны высокие стандарты отношения к рабочим и охраны окружающей среды», проблемы, которые «почти не упоминались», пока в обсуждении участвовали только «родные избиратели» из демократических государств.

Как и ожидалось, страны ОЭСР не пришли к соглашению 27 апреля 1998 года, и мы продвигаемся к следующей фазе. Одним из полезных последствий этих событий оказалось то, что национальная пресса отказалась от своего (фактического) молчания. На деловых страницах в «Нью-Йорк таймс» корреспондент по экономическим делам Луис Учитель сообщал, что дата подписания МСИ под давлением публики

отодвигалась шесть месяцев. Договоры по торговле и инвестированию обычно «привлекают мало внимания публики» (почему?); и если «труд и окружающая среда не исключены из повестки дня, объяснял директор Национальной ассоциации производителей, то они не находятся в центре» забот торговых дипломатов и Всемирной торговой организации. Но «эти аутсайдеры шумно протестуют, стремясь к тому, чтобы их взгляды дошли до участников переговоров по заключению договора, который будет назван многосторонним соглашением по инвестициям» комментировал Учитель (как я полагаю, с намеренной иронией), и шума оказалось достаточно, чтобы вызвать проволочку.

Администрация Клинтона, «признавая давление», стремилась представить дело в правильном свете. Ее представитель на переговорах по МСИ сказал: «Имеется мощная поддержка предусмотренных в договоре мер, которые будут способствовать охране окружающей среды и нашей повестке дня по международным трудовым нормам». Итак, шумные аутсайдеры ломятся в открытую дверь: они должны успокоиться, обнаружив, что Вашингтон был в высшей степени страстным защитником их дела.

«Вашингтон пост» также сообщила о проволочке в финансовой части договора, возложив вину за нее, в основном, на «французскую интеллигенцию», которая «ухватила за идею», что устав МСИ «представляет угрозу французской культуре», а к французам присоединились и канадцы. «А клинтоновская администрация проявила небольшой интерес к борьбе за соглашение, особенно учитывая пылкое противодействие ему со стороны множества тех же американских защитников окружающей среды и групп трудящихся, что боролись против [НАФТА]» и каким-то образом не поняли, что их борьба направлена не на то, поскольку именно администрация Клинтона сплошь и рядом настаивала на выполнении «целей охраны окружающей среды» и «международных норм труда», что не является откровенной ложью, поскольку и цели, и нормы остались подходящим образом расплывчатыми.

То, что трудящиеся «сражались с НАФТА», характерный способ выражения того факта, что рабочее движение требовало такого варианта соглашения, который служил бы интересам не только инвесторов, но и народов заключивших его трех стран, а также того, что их детальная критика и предложения не были допущены в СМИ (как не попали туда и аналогичные анализы и предложения Бюро Конгресса по технологической оценке).

«Тайм» сообщила, что МСИ не было подписано в срок «не в последнюю очередь из-за действий, имевших место в Сан-Хосе», штат Калифорния, имея в виду демонстрацию защитников окружающей среды. «Обвинение МСИ в том, что оно выхолостит национальные правила охраны окружающей среды, превратило технико-экономическое соглашение в *cause celebre*». Это замечание еще громче прозвучало в канадской прессе, каковая единственная в западном мире приступила к серьезному разбору темы (при интенсивном давлении со стороны публичных организаций и активистов) после всего лишь двух лет молчания. «Торонто глоб энд мейл» заметила,

что правительства стран ОЭСР «не сумели справиться... со всемирной сетью организаций «обывателей», которые, обладая всего лишь компьютерами и доступом к Интернету, способствовали крушению сделки».

Та же тема с оттенком отчаяния, если не ужаса, прозвучала в ведущем деловом еженедельнике мира, лондонском «Файнэншл таймс». В статье под заглавием «Партизанские войны в Сети» сообщалось, что «страх и замешательство охватили правительства индустриальных стран» после того, как «они оцепенели» из-за того, что их усилия тайком навязать МСИ «натолкнулись на орду бдительных, чьи мотивы и методы в большинстве национальных столиц поддаются лишь смутному пониманию», что вполне естественно: они не принадлежат к «родным избирателям», поэтому как же ожидать, что правительства поймут их? Газета продолжает: «На этой неделе орда заявила о своем первом успехе», о блокаде соглашения по МСИ, «и некоторые думают, что она сможет фундаментальным образом изменить способы, какими ведутся переговоры по международным экономическим соглашениям».

У этих орд устрашающий вид: «они включают в себя профсоюзных деятелей, лоббистов по окружающей среде и правам человека, а также противостоящие глобализации группы давления» имеется в виду конкретная форма глобализации, за которую выступают «родные избиратели». Буйствующая орда сокрушила жалкие и беспомощные структуры власти богатых индустриальных обществ. В ней верховодят «маргинальные движения, занимающие экстремальные позиции» и обладающие «хорошей организацией и солидными финансами», что позво ляет им «оказывать большое влияние на СМИ и членов национальных парламентов». В Соединенных Штатах «большое влияние» на СМИ фактически равнялось нулю, а в Британии, едва ли отличавшейся от США, оно достигло таких «высот», что министр внутренних дел правительства лейбористов Джек Стро признался, что он вообще не слышал об МСИ. Но ведь надо понимать, что даже малейшая брешь в конформизме представляет собой страшную опасность.

В дальнейшем газета призывает «бить в барабаны ради поддержки деловых кругов», чтобы отбить натиск орд. До сих пор бизнес не признавал серьезность угрозы. А угроза на самом деле серьезная. «Ветераны торговой дипломатии» предупреждают, что «при растущих требованиях большей открытости и отчетности» становится «труднее для переговорщиков заключать сделки за закрытыми дверями и предоставлять их тексты парламентам ради проставления печати». «Вместо этого переговорщикам приходится прибегать к давлению, чтобы обрести более широкую законность собственных действий в глазах народа, публично объясняя и отстаивая их», нелегкая задача, когда орды тревожатся за «общественную и экономическую безопасность», а воздействие торговых соглашений «на жизнь простых людей... может вызвать негодование народа» и «повышенную восприимчивость к вопросам вроде норм по окружающей среде и продовольственной безопасности». Может даже стать невозможным «сопротивляться выдвигаемым группами по лоббированию требованиям непосредственного участия в решениях ВТО, которые нарушат один из

центральных принципов этого органа»: ведь «это место, где правительства приватно заключают тайные сговоры против групп давления из их стран», заявил один бывший сотрудник ВТО. Если бы удалось проломить стены, ВТО и аналогичные секретные организации могли бы превратиться в «веселые охотничьи угодья для тех, у кого особый интерес»: для рабочих, фермеров, людей, обеспокоенных общественной и экономической безопасностью, продовольственной безопасностью и судьбой будущих поколений, а также для прочих экстремистских и маргинальных элементов, которые не понимают, что пользование ресурсами будет эффективным лишь тогда, когда оно будет ориентировано на краткосрочные выгоды для частнособственнической власти, обслуживаемой правительствами, «приватно заключающими тайные сговоры», чтобы сохранить и усилить свою власть.

Излишне добавлять, что лобби и группы давления, вызывающие такой испуг и оцепенение, не Американский совет по международному бизнесу, не «юристы и бизнесмены», которые «составляют правила мирового порядка», не их собратья, а «неизменно отсутствующий» голос общественности.

Разумеется, «приватные тайные сговоры» выходят далеко за рамки торговых соглашений. Ответственность общественности, которой придется взять на себя связанные с этим издержки и риск, известна (или должна быть известна) обозревателям того, что приспешники любят называть «капиталистической экономикой свободного предпринимательства». В процитированной статье Учитель сообщает, что компания «Катерпиллар», недавно рассчитывавшая на то, что благодаря избыточным производственным мощностям за рубежом она справится с крупной забастовкой, перевезла 25 % своих мощностей за границу и планирует к 2010 году увеличить объем продаж из-за границы на 50 %, но с помощью американских налогоплательщиков: «Export-Import Bank играет значительную роль в стратегии [«Катерпиллара»]», а «низкие кредитные ставки» должны облегчить операцию. Кредиты этого банка уже обеспечивают около 2 % годовой прибыли «Катерпиллара», составляющей 19 млрд. долларов, и возрастут в связи с новыми проектами, запланированными в Китае. Такова стандартная оперативная процедура: в ключевых вопросах многонациональные корпорации, как правило, полагаются на собственное государство. «На действительно крутых, очень рискованных и дающих большие возможности рынках объясняет сотрудник компании «Катерпиллар» вам кто-то должен тайно покровительствовать», а у правительств и особенно у могущественных всегда «будет больше рычагов», чем у банков, и больше охоты предоставлять низкопроцентные займы благодаря щедротам ни о чем не подозревающих налогоплательщиков.

Руководство компаний должно остаться в США, и потому люди, идущие в счет, будут близки к защитникам, тайно им покровительствующим, и будут наслаждаться достойным стилем жизни, да и ландшафт улучшится: лачуги для иностранной рабочей силы пейзажа не испортят. Помимо прибылей, эта операция предоставляет полезное оружие против рабочих, осмеливающихся поднять головы (что

иллюстрирует недавняя забастовка) и приходящих на выручку компаниям, платя за потерю своей работы и за усовершенствованное оружие классовой борьбы. Более того, все это способствует оздоровлению «сказочной экономики», которая, как объясняют специалисты, рассчитывает на «увеличение нестабильности положения рабочих».

В конфликте по поводу МСИ враждующие стороны обозначились как нельзя более отчетливо. С одной стороны, это индустриальные демократии и их «родные избиратели». С другой «орды бдительных», «группы особых интересов» и «маргинальные экстремисты», требующие открытости и отчетности и выражающие недовольство, когда парламенты просто проставляют печати на тайных сделках, заключаемых властью государственно-частнобизнеснического союза. «Орды бдительных» столкнулись с наибольшей концентрацией власти в мире, а то и в мировой истории: с правительствами богатых и могущественных государств, с международными финансовыми организациями и с концентрированными финансовыми и производственными секторами, в том числе с корпоративными СМИ. И народный элемент победил вопреки столь ничтожным ресурсам и столь слабой организованности, что лишь паранойя тех, кто домогается абсолютной власти, способствовала восприятию результатов в только что названных выражениях. Это замечательное достижение.

И это не единственная победа за те же несколько месяцев. Другая была одержана осенью 1997 года, когда администрацию вынудили отказаться от предложенного ею законодательства «Fast Track». Вспомним, что речь тут шла не о «свободной торговле», как обычно утверждается, а о демократии: орды требовали «большей гласности и отчетности». Администрация Клинтона возражала и правильно, что она не просит ничего нового: всё тех же полномочий, какими пользовались ее предшественники, заключать «сделки за закрытыми дверями», а затем «отправлять в парламенты для проштамповки». Но времена меняются. Как признала деловая пресса, когда «Fast Track» столкнулся с неожиданным сопротивлением общественности, у противников старого режима имеется «абсолютное оружие», а именно, широкие массы населения, которое уже не удовлетворяется отведенной ему ролью наблюдателя за важной работой вышестоящих лиц. Сетования деловой прессы звучат эхом жалоб либеральных интернационалистов из трехсторонней комиссии, раздававшихся двадцать пять лет назад, жалоб на попытки «групп специальных интересов» организовать и выйти на политическую арену. Их вульгарные причуды подорвали цивилизованные договоренности, господствовавшие перед тем, как разразился «кризис демократии», когда «Трумэн был способен управлять страной, сотрудничая с относительно небольшим числом юристов и банкиров Уолл-стрита», как объяснял гарвардский питомец Сэмюэль Хантингтон, которому вскоре предстояло стать профессором науки управления. А теперь незваные гости вламываются в еще более священные палаты.

Таковы важные изменения. Власти ОЭСР и их «родные избиратели», разумеется, не

собираются смиряться с поражением. Они организуют более действенные PR-кампании, чтобы внушить ордам, что лучше бы они занимались своими личными делами, пока мировой бизнес будет тайком обдѣлывать свои; власти ОЭСР будут искать путей осуществления МСИ в рамках ОЭСР или чего-нибудь еще. Уже предпринимаются попытки изменить

Хартию МВФ, чтобы заставить принять положения в духе МСИ в качестве условий для кредитов, силой навязывая новые, и в конечном счете, особые правила слабым. Власть имущие будут следовать собственным правилам, как это произошло, когда администрация Клинтона прервала страстные речи в защиту свободной торговли, чтобы ввести запретительные тарифы на японские суперкомпьютеры, импорт которых сбивал цены американским производителям (называемым «частными», несмотря на сплошную зависимость от государственных субсидий и правительственной поддержки).

Хотя власти вместе с привилегированными слоями общества, конечно же, не успокоятся, все-таки победы должны ободрять. Они дают уроки того, чего можно достичь даже тогда, когда противостоящие силы столь диковинным образом не сбалансированы, как в конфронтации по поводу МСИ. Правда, цель таких побед оборона. Они предотвращают или как минимум откладывают на будущее меры по дальнейшему подрыву демократии и по передаче еще большей власти в руки стремительно концентрирующихся частнособственнических тираний, которые стремятся к управлению рынками и к формированию «виртуального сената», располагающего многими способами блокировки народных усилий, стремящихся к использованию демократических форм ради общей выгоды: они угрожают бегством капиталов, перевозят производственные мощности, контролируют СМИ и т. д. Следует внимательно взглянуть в страх и отчаяние власть имущих. Они прекрасно понимают потенциальную дальнобойность «абсолютного оружия» и уповают лишь на то, что сторонники более свободного и справедливого мира не обретут того же понимания и не начнут его действительно использовать.

Эта статья была первоначально опубликована в Z, июль/август 1998.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. R. C. Longworth, "Global Markets Become a Private Business: Experts Begin Setting the Rules Away from Public View", Chicago Tribune-Denver Post, May 7, 1998.
2. Economist, March 21, 1998.
3. Louis Uchitelle, NYT, April 30, 1998; Anna Swardson, Washington Post, внесено в базы данных 29 апреля 1998 г.
4. Знаменитое дело (фр.). Прим. пер.
5. Time, April 27, 1998; G&M, April 29, 1998; обе статьи цитируются в Weekly News

Update, Nicaragua Solidarity Network, 339 Lafayette St., New York, NY 10012.

6. Guy de Jonquilleres, "Network Guerillas", Financial Times (London), April 30, 1998. Джек Стро цитируется в David Smith, "The Whole World in Their Hands", Sunday Times (London), May 17, 1998. В ходе поиска, проведенного в британских СМИ Саймоном Финчем, до 1998 года статей по МСИ фактически не было обнаружено.

7. Более обширный материал см. в: Winfried Ruigrock and Rob van Tulder, The Logic of International Restructuring. London: Routledge, 1995.

8. Регулярные последние новости доступны в Public Citizen's Global Trade Watch, 215 Pennsylvania Ave SE, Washington, D. C. 20003, <http://www.citizen.org/pctrade/tradehome.html>. 9. Bob Davis, "In Effect, ITC's Steep Tariffs on Japan Protect U. S. Makers of Supercomputers", Wall Street Journal, September 29, 1997.